

Лидия Владимировна Довыденко – главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», секретарь Союза писателей России, член Союза писателей Союзного государства, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, прозаик, публицист, общественный деятель. Окончила Гомельский государственный университет, историко-филологический факультет, защитила диссертацию в Санкт-Петербургском государственном университете. Автор 30 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, ряда телевизионных фильмов.

Почетный гражданин Балтийского городского округа, Почетный член философского делового клуба, заместитель Президента Всемирной Информэнциклопедии-Калининград, член редакционного совета журнала «День и ночь» – Красноярск, член жюри Литературного конкурса «Новая Библиотека» – премии имени святых благоверных Петра и Февронии. Лауреат литературных премий: Гумилевской, Корниловской, Союзного государства, Щит и меч Отечества. Золотая медаль в номинации «Россия и мир» Всероссийского конкурса журналистского мастерства «Патриот России», Золотое перо Руси-2016, орден Алишера Навои, знак отличия «Невечерний свет», «Специальный приз» Международного фестиваля искусств «Золотой Витязь»-2022, Дипломант литературного конкурса РПЦ «Просвещение через книгу», орден «Русская звезда» имени Ф. И. Тютчева.

ДУМЫ ПО-РУССКИ

Лидия Довыденко

Лидия Довыденко

ДУМЫ ПО-РУССКИ

Сборник критики и публицистики,
посвящённый современной литературе и философии

Лидия Довыденко

ДУМЫ по-русски

Сборник критики и публицистики,
посвящённый современной литературе и философии

Калининград

2023

УДК 821.161.1(092)
ББК 83.3(2=411.2)6-8,4
Д 58

На обложке фото – *Валентины Архиповской*

Довыденко, Лидия Владимировна.

Д 58 **Думы по-русски:** Сборник критики и публицистики, посвящённый современной литературе и философии / Л. В. Довыденко. – Калининград : Страж Балтики, 2023. - 200 с: – 30 экз. – ISBN 978-5-91728-276-3

УДК 821.161.1(092)
ББК 83.3(2=411.2)6-8,4

Сборник статей и эссе главного редактора литературного журнала «Берега» Лидии Довыденко, прозаика, критика, о книгах современных литераторов и философов является третьей книгой – продолжением двух предшествующих сборников: «Жертвенное сияние современной русской мысли» – 2021 и «Русская мысль и человечество» – 2022.

Эссе и статьи «Думы по-русски» включают в себя размышления автора о творчестве поэтов: Сэды Вермишевой, Владимира Скифа, Александра Орлова, Дмитрия Мизгулина, Андрея Шацкова, Василия Килякова, прозаика Елены Крюковой, Елены Дубровиной, Валерия Герланца, профессиональных философов: Алексея Малинова, Сухейля Фараха, Владимира Клеванца, Эдуарда Демиденко и других.

Все авторы раскрываются в ракурсе современных и традиционных подходов служения Отечественной науке и культуре, которые смело можно отнести к мировому эпицентру гуманизма, высокой человечности, Божественной проявленности. Воздух книги, тепло дыхания обретают полноту и цельность в созданных Лидией Довыденко оценках современников.

Большинство работ были опубликованы в журнале «Берега», на сайтах: Русская народная линия, Росписатель.

Книга предназначена для студентов и преподавателей современных гуманитарных институтов высших школ, для широкого круга читателей.

Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты «Страж Балтики» Минобороны России.

г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15. Тел.: 53-17-05.

Подписано в печать 16.08.2023 г. Печать офсетная.

Формат 60х90¹/₁₆. Усл. п. л. 12,5. Заказ № 1450. Тираж 30 экз.

ISBN 978-5-91728-276-3

© Л. В. Довыденко, текст, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Русское Слово не забывает своего евангельского истока...». О книгах Валентина Курбатова «Дневник» и «Наше небесное Отечество»	5
Цивилизационное своеобразие России. Сухейль Фарах и его книга «Российская цивилизация: энергия пространства и человека»	14
Новый язык для диалога. О книге Юрия Яковца и Сухейля Фараха «Мир цивилизаций. Есть ли будущее?»	21
Следуя глубинным достижениям русской философии. О новой книге Алексея Малинова.....	27
Разочарование во всемирности. Александр Казинцев о Пушкинской речи Ф.М. Достоевского	33
Послание поэта Сэды Вермишевой	42
«Опять ветра заводят перебранку...» О книге стихов Андрея Шацкого «Сказы Куликова поля».....	46
Общая гордость, общая память. Литературное братание Калининградских «Берегов» с Воронежскими	51
«Поэт – спасатель человечества». О трёхтомнике поэзии Дмитрия Мизгулина «Избранные стихотворения»	70
«Миг надежды, чуда, вдохновения...» О книге Людмилы Воробьёвой. Литературная критика. Сборник статей.	75
«Золотой Витязь» в Калининграде. Встреча с поэтом Александром Орловым	78
«Стихия милосердной личности». О книге Василия Килякова «От истока к устью»	83
Набатный экологический колокол. В новой книге Валерия Герланца «Портал в сказочные миры»	94
«Пройдёмся берегом Байкала...» О книге Владимира Скифа «Он место в космосе искал. Книга стихов о Байкале»	98

«Сад в золотом огне». О сборнике стихов Сергея Зубарева «Ночного бражника полет»	103
«На войне память обостряется...» О книге Елены Крюковой «Лазарет»	108
«Художественная диагностика» нашего времени. О книге Галины Чудиновой «Хранители»	116
«Исповедь офицера». О творчестве Алексея Новгородова	121
Саур-Могила. Донецк-2021	125
«Я тут». О книге Елены Дубровиной	132
«Я думаю по-русски». Владимир Иванович Даль	136
У могилы Пушкина	142
Счастье быть с Иваном Буниным	147
«Моё большое бытие». О параллелях в творчестве и судьбе Николая Гумилёва и Бориса Корнилова	153
«Песнь судьбы». О творчестве Николая Гумилева.....	166
Музей Цветаевых в Феодосии	171
Князь Алексей Николаевич Хованский и Царская подушка	174
«Анна Сергеевна Вырубова. Вкус к жизни. Домашний круг и рецепты в историко-мемуарном контексте». О книге Екатерины Фёдоровой	191
Отзывы писателей о книгах публицистики Лидии Довы- денко	196

ДУМЫ ПО-РУССКИ

Я думаю по-русски.

В.И. Даль

«РУССКОЕ СЛОВО НЕ ЗАБЫВАЕТ СВОЕГО ЕВАНГЕЛЬСКОГО ИСТОКА...»

***О книгах Валентина Курбатова
«Дневник» и «Наше небесное Отечество»***

Изборск, начало 2020 года, канун Православного Рождества, канун встречи со ставшим родным для меня писателем, заново открывшим для меня и «наше небесное Отечество», и Пушкина, и Россию.

Я с волнением думаю о предстоящей встрече, медлю в Изборске перед тем, как поехать в Псков, по которому в новогодние каникулы движется множество людей, много школьников, студентов, семей с детьми, которые с сияющими глазами поднимают головы к куполам древних храмов. Толстые кирпичные и каменные башни, открывающиеся просторы земли с высоты крепости, река Великая. Но сначала надо поклониться Словенским ключам, куда, несмотря на накрапывающий дождь, людские реки текут, замерзая мокрым лицом и согреваясь изборским сбитнем на травах, который продаётся по пути по простой просёлочной дороге к Ключам – двенадцати источникам, как к двенадцати апостолам, сливающимся в один поток, устремляющийся в Городищенское озеро. Неслучайно Николай Рерих написал здесь картину «Дозор», а общее впечатление от этих таинственных, священных мест можно было бы выразить словами философа Владимира Соловьёва:

Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете —
Только то, что сердце сердцу
Говорит в немом привете?

«Дневник»

Валентин Яковлевич – один из самых известных современников, член редакционного совета журнала «Берега», литературный критик и публицист, академик Академии российской словесности, лауреат Патриаршей премии, лауреат государственной премии по литературе говорит: «Кажется, что жизнь случайна от начала и до конца. Но вдруг наступает период, когда ты понимаешь, что все случайное будто было срежиссировано кем-то очень талантливым, и все начала и концы начинают соединяться в твоей памяти. И все вместе складывается в дивный роман под названием «Жизнь».

В письме накануне моего приезда в Псков Валентин Яковлевич со свойственным ему светлым юмором написал, что будет выходить на дороги Пскова и ждать моего появления. Вышел он на площади у памятника Александру Сергеевичу Пушкину с няней Ариной Родионовной скульптора Олега Комова, где мы встретились и обнялись, сфотографировались у памятника поэту и няне, любившей его безоговорочно, преданно, всем сердцем.

Валентин Яковлевич сделал мне одухотворяющий подарок – свою новую книгу «Дневник», вышедшую совсем недавно. Я знала об этом нашем духовном родстве, а «Дневник» сблизил, еще и ещё нахожу отзывающиеся в сердце и уме мысли о том, что если взялся за сочинительство, то надо идти до конца: «Увы, я уже никогда не буду идти до конца. Не выучился ценить себя. Всё время бегал за «умными», стыдился своего деревенского». И я, всегда с огромной любовью и восторгом смотревшая на поэтов и философов, забывая себя, это понимаю. Как няня для Пушкина, так для многих, взявшихся за сочинительство, была литература и философия предшествующих веков, потому что писать, особенно в России – это значит искать, а также спасать, и «мы ищем, ищем, Господи, что спасёт нашу страну? Но даже во

сне и в молитве не слышим ответа, не умеем прочесть в любящей тишине взгляда. А оно, Слово, – в Победе, первом спутнике, Гагарине, когда мы были одно сердце».

Вспоминая набоковского Себастьяна, которого друг застал лежащим на полу и услышал: «Я ещё не умер. Я завершил сотворение мира!» Валентин Яковлевич пишет, что «не сотворил мира, и чем совершеннее набоковский текст, тем нестерпимее чувство тщетности и пустоты моего бытия, потому что если жизнь не названа, не облечена в слово – то её нет, ты давно умер, и сквозь тебя уходят люди, не замечая твоей материальности. Ещё мог держаться в плоти писем, а когда они ушли в E-mail, жизнь потеряла последний ослепительный остаток. У клавиши нет почерка. Индивидуальность неотрывна от почерка».

Но всё же и в электронных письмах он неотразим и как раз индивидуален, и каждый раз, читая Курбатова, ты ловишь себя на мысли, что ты читаешь о себе: «Простите, что “объявляюсь” редко. Провёл распутинские вечера памяти в разные дни в Петербурге – в Капелле, в Александро-Невской Лавре, в Президентской библиотеке. В Пскове провёл, в Михайловском. А позавчера вот ещё и в Москве, в Толстовском музее. Разговоры везде были болезненны, потому что, к печали, не делаемся мы умнее и памятливей. Теперь выучились “ссылать в великие”, как ссылали на Кавказ, чтобы меньше говорить о горьких проблемах. Назвали “великим”, сделали выставки книг, показали кино на “Культуре” – чего вам ещё?

Чего больные-то вопросы ворошить, дайте пожить в своё удовольствие. А ведь сегодня никакое воображение не представит живыми ни Шукшина, ни Распутина... Но при всей горечи разговоры были нужны, и видно было, что совесть наша не во все ещё умолкла, и когда заговариваешь о живой боли, сердце ещё вспоминает себя, и потом трудно разойтись, хочется побыть вместе... С благодарностью! Ваш В. Курбатов»

Или поздравление со светлым Христовым Воскресением (15.04. 2017): «Ещё “молчит всяка плоть человека”, но “ангели уже поют на небеси”, призывая нас к чистоте сердца, и по двору Дивеева, по канавке Богородицы идёт с батожком, сам похожий на батожок, светлый Серафим и улыбается: “Христос Воскресе, радость моя!”, потому что для него камень-то отвален от гроба ещё тогда и навсегда. И навсегда “Его нет здесь, Он воскрес!”

Ах, если бы мы, бедное человечество, однажды поверили так, то камня-то и не было бы, и мы бы светили лицами, и никогда бы из Дивеева не делали “Арзамаса-16”. И на наши лопатки вернулись бы отпавшие крылья, и мы бы только успевали обниматься и благодарить жизнь. Но, слава Богу, бескрылые, ещё можем похристосоваться и опять на минуту поверить в бессмертие. Новости лучше не глядеть ... Христос Воскресе, дорогая Лидия Владимировна!»

«Дневник» – это отражённое в слове время, начиная с 1970-х годов до наших дней: «Минувший век всё ещё был временем дневников. Человек ещё был интересен себе, потому что ещё не был «завален» другими людьми, всеобщим нынешним растворением в уличном, телевизионном, интернетовском хаосе. Вглядываясь в себя, как в чужого, понимаешь, что этот другой – это счастье и чудо». «Дневник» отражает не только твою жизнь и твоё время, но и ту мысль, что все вместе мы были «частью общественной истории, где нет чужого». Это и исповедь, и свидетельство, и мировоззрение, и нравственные оттенки, отражение «небесной всеобщности», «эхо нашей всеобщей разговорчивости, старая тень Достоевских «трактирных мудрецов», которые через две минуты после встречи уже решают вопросы мира», хотя начиналось с простого: «жалко провожать день, не оглянувшись». И сегодня, когда по мысли Валентины Яковлевича, нет великих людей, а есть «раскрученные», все же «Дневник» его – это зеркало нашего русского духовного строения общества, «где всё соединено – живая простота повседневного человека, прорывы ищущих и небесный синтез великих умов, которые собирают мир и на которые мир смотрит с благодарностью»...

Со школьной поры, споры флотской юности, когда мысли связаны были с жадным чтением и удивлением богатством мира, что потом обнимется словом «шестидесятники», заглядывающие друг другу через плечо, обещанием самому себе – быть чем-то и что потом, слава Богу! – вытерлось и истлело, «как сукнецо на шинели Акакия Акакиевича». Но есть нечто в мире непреходящее, вопреки Соломону, не раз утверждённое в отечественной религиозной философии и нашедшее своё определение у Валентина Курбатова: «Время ухватывается за нас, и ему

хочется увидеть себя со стороны, отразиться в Слове – единственном организме, неподвластном смерти».

«Наше небесное Отечество»

Есть книги в твоей личной библиотеке, которые похожи на «спасительное Божье милосердие», к которым отношу книгу Валентина Яковлевича «Наше небесное Отечество». Она у меня уже двенадцать лет: распечатанная на принтере и в электронном виде. На какой странице ни открою, везде нахожу мысль, наполняющую душу и обогащающую, удивляющую, например:

«Величие и величина – это не только не совпадающие, но и часто противоположные понятия».

Читаю и перечитываю: моя книга, мой писатель... Наслаждение и стилем, и слогом. И никого не могу поставить рядом с Курбатовым, кто так бы впитал в себя национальную культуру и так гениально выразил её духовные корни, слился с нашей верой.

Писатель делится своими впечатлениями от поездки в наше небесное Отечество: в Византию, в Константинополь, в начало нашей Православной веры, к святым отцам: «Чудесно белеющие колонны смотрели в небеса, на них партизанские кресты первых христиан, начертанные неуступчивой рукой. Во времена Константина построили рядом византийскую церковь самого русского вида и объёма, и это чудесное соседство уже не страшило и не унижало их, а давало почувствовать счастье и победу Христовой бедности над самоуверенной гордостью земного владычества».

«И здесь чувствуешь домашний отзвук родного приветов подлинной Православной Церкви. И в Апокалипсисе находим: «есть несколько человек, которые не осквернили одежд своих и будут ходить со мной в белых одеждах, ибо они достойны...» А вокруг «безумные тюрьмы и замки Пиранези с их кирпичной агрессивной циклопической мощи, даже в руинах норовящей раздавить землю своей тяжестью».

«Мечети легко используют остатки римских и византийских мраморов, куда вставлены краны, чтобы мыть ноги перед

входом в мечеть». «Куда канула великая слава и могущественное Слово, которое вековечнее камня и железа? Ведь здесь родилась церковь, обнимающая полмира?»

«В Никее вздрагивает сердце при виде такой же по-русски родной Софии, где на Первом Соборе начинал складываться Символ веры. С удивлением видишь – вот какое Православие мы принимали! Эту строгую мерность, эту возвышенную ясность и чистоту, эту царственную гармонию, которые так слышны ещё в древних храмах Новгорода и Владимира».

«Нет-нет, да мысли вернутся в сегодняшнюю Россию: «Душа и глаз просят церкви на одном из холмов – белой свечи, которая тотчас собрала бы день и даль, а чаша озера при первом звоне ответила бы чаше неба. Но далеко разошлись друг от друга русские деревни, все меньше изб выбегают посмотреть на своё отражение, и красота отзывается болью, как если бы весь этот ненаглядный день в облаках, птицах и водах о чем-то молил твоё сердце, заранее зная, что не удержит тебя».

После изгнания в России Православия почти на 70 лет мы выбрали его заново, многие крестились во «всей полноте и ответственности», и вот благодаря Валентину Яковлевичу, причастились к колыбели земли христианства, «плоти земли, из которой выросли спасительные плоды нашей веры». Челночная репутация Турции не должна заслонять торжествующую там Византию, Миры Ликийские, где явился «самый русский» образ веры – Николай Чудотворец; Эфес, где жили после распятия Христа апостол Иоанн и Дева Мария и где апостол Лука писал первые образы Богородицы. Современная Турция – место, где родился апостол Павел, где проповедовали апостол Пётр и Андрей Первозванный, славили Спасителя святые Фёкла и Параскева Пятница. Поэтому так искренне я разделяю радость открытия и чудо «живого и остро ощутимого свидетельства молодости и силы христианства» Валентина Яковлевича, благодаря которому росло и прибавлялось новое знание, ведущее к небесному Отчеству и преображённому земному, а книга его стала непрерывной молитвой, исполненной света и живого тепла: «Какое же великое Православие мы приняли! Какой осанки и мощи!»

Ответ Валентина Курбатова своему 80-летнему возрасту: «Чем благословенна старость – я всем говорю, ребята, скорее старейте, вы узнаете очарования этого возраста, вам будет стыдно вспоминать свои 20 и 25, когда вы будете видеть, как созревает всё, что в вас господь закладывает, и вы, как дерево, произрастаете, ветви все шире и могущественнее.

Ты впервые понимаешь значение слова молодость, вдруг оно открывается в громадном объёме и в красоте, какой-то летучей юности своей, ты глядишь на молодое поколение чуть снисходительнее, как на безнадежно старых, унылых и потерявших самое дорогое качество.

Каждое мгновение прекрасно, встаёшь каждое утро – восторг, солнышко светит – прекрасно, дождик – еще лучше, тучки нашли – превосходно, и вот когда тебя окружают самые дорогие люди и когда съезжаются друзья, ты чувствуешь как плодоносна жизнь, ты думаешь, неужели, мне будет 80 – и какое счастье!»

О журнале «Берега»:

Господи, благослови! Всякий раз, выглядывая в телевизионное окошко и видя, как скоро мир теряет рассудок, поневоле боишься, что благие замыслы могут погибнуть по дороге. Но – никто, как Бог. Мир однажды проснётся, оглянется и ахнет – опять, значит, мы дорожку миру топчем, из безумия его вытаскиваем. И опять русским Словом, потому что оно не забывает своего евангельского истока. Номера «Берегов» так хороши, что с испугом думаешь перед новым, что это последний хороший номер, что дальше уже просто не из чего будет собрать. А вот проходит месяц-другой, и оказывается, что мы не просто неисчерпаемы, а час от часу богаче. Я в этом году заметил (по «Ясной Поляне») что мир только-только начинает собираться и что наш журнал – только первая ласточка. Давайте себя так и вести – первой ласточкой: глядите, де, ребята, как это делается, и давайте дальше делать это вместе.

О современниках:

А «нового» человека не умел принять Валентин Григорьевич Распутин, понимая, что для этого «нового» надобен уже другой язык, а это уже значило бы переломить себя. Валентин Григорьевич замолчал в последние годы так тревожно, что общество могло спохватиться – что оно сделало с собой, что лучший художник не умеет найти для него слова, но кто же сегодня будет оглядываться на слово. Это вчера литература ещё была властной силой, и её можно было опасаться, а художника преследовать за жёсткое слово правды, а сегодня ты волен говорить, что хочешь, а мир не обернётся. Это грустно, но это же накладывает на нынешнего художника ещё большую ответственность. Теперь уж за слово надо будет отвечать на Страшном суде, а там спрашивают посерьёзнее земных властей. И лучшие (наши авторы) всё вернее слышат это и ищут не «хлябающего» слова, чтобы держать реальность в ясности и умном свете.

Когда же мы из населения станем народом? Вот и в литературе одни ещё договаривают старые живые правды, а другие уже и жанры определяют, как «фэнетези», «хорроры», «палп-фикшны», «стендап-комиксы или «роман нуары» (наши, наши определяют!) и брезгуют реализмом, конфузясь перед Европой, – не буду называть фамилий – авось, ребята ещё вернутся «домой». И читателю надо почувствовать, что он не один в непонимании происходящего и что ему еще есть за что ухватиться. Да и слово по слову, глядишь, и окрепнем для настоящего сопротивления безумию времени.

Из письма от 15.1.2018:

«Порода» уходит, достоинство. Сами мы разбеганием своим и повредили прежнему высокому значению слова «писатель». Никто уж нас всерьез, как в доброе старое время, не берёт. Я, «простой советский человек», проживший жизнь со своим народом, как прожили его другие «простые советские люди» с войной, голодом, надеждой на разумность истории, которая

шла так, как шла. Я по-деревенски думаю, что если история совершилась, то, значит, она и была неизбежна – Божьей ли волей, Божьим ли попусшением. Задним числом в ней ничего не исправишь. И перестановки акцентов правоты неизбежно делают неправыми других людей. В данном случае этой «неправой стороной» окажется весь советский народ с его чаянием равенства и единства, и мы совершим окончательное предательство своего народа, которое совершаем сегодня ежедневно, сослав народ в пассивное неразумное большинство, управляемое сотней умных подлецов. Вообще, перечитывать русскую историю из-за границы, значит, неизбежно делать её литературой. Такие книги неизбежны и естественны, но действительны они могут быть только тогда, когда будут только свидетельством, а не судом. Можно сетовать на «неразумие истории», но нельзя её отменить и, следовательно, единственно разумное – найти объяснение, почему она пошла именно так, и понять Божий замысел о России. Я тут на стороне философа В. Соловьева, говорившего, что «национальная идея» не то, что люди думают о себе в истории, а то, что Бог думает о России в вечности»...

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОССИИ

Сухейль Фарах и его книга «Российская цивилизация: энергия пространства и человека»

Что пророчит сей необъятный простор?
Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца?
Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?
...У! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!..

Н. В. Гоголь

Борьба за лидерство в духовных и творческих процессах – одна из актуальнейших тем мыслящей планеты, и автор книги «Российская цивилизация: энергия пространства и человека» (М.: ИД Академии Жуковского, 2022) Сухейль Фарах выводит Российскую цивилизацию на вершину духовного оформления человечества. Учёный, определяя характерные черты цивилизационного своеобразия и самобытности России, осмысливает «извечные, страстные, противоречивые стремления к духовности русского человека и народа в целом».

Российская цивилизация многотипная, обладает сложной структурой, в основе которой взаимовлияние энергий человека и энергии пространства самого большого в мире государства, одна из великих цивилизаций, повлиявших на весь мир. Каковы же истоки духовной энергии Российской цивилизации?

Русский народ – покоритель бескрайних просторов планеты. Рассматривая географическую среду и особенности природы России, Сухейль Фарах в главе «Россиянин и власть пространства» подчёркивает влияние ландшафта на формирование национальных, культурных качеств, на психологические особенности, на специфические черты личности, на взаимовлияние между территорией и человеческим коллективом. Жители России как национально-географическая общность благода-

ря своей духовной мощи сложились в процессе созидательной деятельности в уникальную цивилизацию. Площадь России – 17 млн кв. км, и 60 % её площади – районы вечной мерзлоты. Все климатические зоны земного шара: равнины, леса, степи, пустыня, – имеют в нашем Отечестве свою специфику. По России протекает 120 тысяч рек, своеобразным символом которых стала Волга, мать-кормилица, «материнская река народа», как Нил – для египтян, Евфрат – для иракцев и сирийцев.

Три четверти населения России проживает в городах. К сожалению, как пишет Сухейль Фарах, большинство жителей оказались «охваченными глобализацией», и всё сильнее они «отделяются от своих родовых корней и культурно-исторических традиций». Но освоение огромных территорий и адаптация к новым условиям сформировали у жителей России коммуникативные способности, коллективную солидарность, психологическую стрессоустойчивость, опираясь на «первичный слой территориального своеобразия российской цивилизации – землячества как историческую форму бытования народа».

Вызовы природы, суровые условия повлияли на противоречивые черты характера, в котором суровость граничит с проявлением ласки и нежности, сочетается терпение с бунтарством, при том «типологические черты отдельного индивида не мешали народу России создать одну из самых мощных на планете цивилизаций, способных повлиять на судьбу человечества в целом». Невероятная способность русских противостоять вызовам самого сурового климата на земле, богатейший опыт физического и духовного становления позволяет нам оставаться всемирно признанными покорителями бескрайних просторов планеты.

Безбрежность духа

Согласно Н. А. Бердяеву, природная география едина с духовной географией народа, и Сухейль Фарах исследует источники русской духовной силы, подчёркивая связь между «беспримерной широтой души русского человека и внешней географической средой», «её сокрытая духовная героическая мощь, о которой подчас не догадывается сам русский человек,

раскрывается в противостоянии природным катастрофам, иноземным захватчикам и всем угрозам, которые несут гибель его семье и мироустройству всей его Родины – народу, церкви, государству». Не имеет аналогов на планете привязанность русского к своей земле, Родине, Отечеству.

Подлинными художниками являются сыновьями и дочерьми своего народа, выразителями его душевной красоты. Учёный ссылается на широту чувств, глубокое постижение глубин и тайн русской души, гениальное творческое воображение в творчестве А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, М. А. Шолохова и других русских писателей. «В потоках звуков, гармонично переливающихся, как волны, мы безошибочно узнаём музыку композиторов: П. И. Чайковского, С. В. Рахманинова, А. Н. Скрябина». «Печаль, радость, героизм, утраты выражены в балете Анной Павловой, Галиной Улановой, Майей Плисецкой, Екатериной Максимовой, Владимиром Васильевым».

Природа русской души отражена в симфонии пейзажей (картины В. А. Серова, И. Е. Репина, Н. К. Рериха и других), в драматических произведениях русского театра, режиссёрских постановок К. С. Станиславского, Ю. П. Любимова и других.

Российский кинематограф продемонстрировал миру весь спектр самых ярких чувств, глубин русской души, это работы Сергея Эйзенштейна, Сергея Бондарчука, Андрея Тарковского и других. Их произведения обогатили художественное, эстетическое, научное воображение не только народов России, но и всего человечества. Притом, наследие российской цивилизации сформировалось в сложнейших условиях становления её единой истории, сохраняющей энергию пространства и человека во взаимосвязи всех поколений жителей России.

Специфика Русской цивилизации

Опираясь на философию Льва Тихомирова, видевшего в каждом историческом событии «борьбу между Царством Божьим и его противоположностью», Сухейль Фарах обращает внимание на духовное движение России от эпохи славянского

язычества к восхождению на высоты православного духа, через отрицание Бога в советский период и снова к возвращению к христианским святыням, и это специфика духовного становления российской цивилизации.

К этому нужно добавить, что большие территории, которые необходимо охранять, делают невозможным повторение для России западного демократического опыта управления, которое сформировалось в условиях малых территорий национальных государств.

В противоположность западной демократии, где в приоритете личная выгода, в большинстве русского населения с детства формируются ценности личной чести, достоинства, благородства и доблести, как отмечал культуролог Юрий Лотман (книга «Беседы о русской культуре»): «Потерять честь и достоинство для русского человека хуже смерти, и люди живут так, чтобы их имена попали в историю, а не ради чина и не ради того, чтобы правитель оказал им милость, дав сотню серебряных монет».

Несмотря на насильственно внедрённую чуждую нашему менталитету Болонскую систему в наше образование усилиями министров А. А. Фурсенко и Д. В. Ливанова, выхолощенные недра России, вырубленные леса, загрязнённые реки, успехи либеральной прозападной идеологии, всё же идёт жесточайшее идейное противостояние со стороны патриотически настроенной оппозиции, истоки которой в традиционных социальных институтах, они отражают языковое и этническое сознание русского народа. И в этом вековом противостоянии западников и славянофилов также уникальность и самобытность становления Российской цивилизации.

Русская идея единства и многообразия и судьба Российской цивилизации

Несмотря на драматичность русской истории, Сухейль Фа-рах отмечает, что ценностные установки духовной жизни России позволили ей создать универсальную систему ценностей, открытую для духовного опыта любого человека или народа,

что позволяет России обрести особую миссию и назначение – нести ответственность за судьбу всего человечества и планеты.

В ходе исторического развития Россия всегда была и до сих пор является защитницей равноправия народов и их свободного выбора. Культура России оказала сильнейшее влияние на культуру народов мира, что выразилось в принятии образов литературы, живописи, балета многими культурами мира, так как вечные ценности любви, добра, милосердия носят объединяющий характер для всего человечества.

Сухейль Фарах делает вывод, что Россия является сверхдержавой не только в геополитическом, но и геокультурном плане.

Сами россияне должны принять новое осмысление ими своих исторических задач и своего культурного наследия, избавившись от гибридной болонской модели в системе образования и от отживших систем представительских академий, что позволит восстановить и освежить культурно-мыслительный потенциал русского народа. Именно новая система образования, свободная от западно-либеральных влияний, создаст мостик к собственно русской идентичности.

Идеи В. И. Вернадского о ноосферной цивилизации, разработки П. Сорокина, К. Циолковского являются наиболее перспективными для универсальной цивилизации будущего, основанной на ответственности за жизнь, природу и Космос, – это «космическое послание» России, ее динамической гармонии – человечеству.

При тех ценностях, которые в своем историческом опыте взрастила Россия, будут восстановлены и энергетические ресурсы планеты, откроется новая фаза в истории человечества. Россия неизбежно будет влиять на развитие мирного процесса на земле, так как гармония между внутренним человеческим миром, природным и небесным мирами – это мечта большинства жителей планеты. Именно Россия дает возможность и духовно-нравственные основы для перехода от постглобалистического мира с его опасным для человечества трансгуманизмом к партнерству, диалогу, соборности, дающим человечеству развитие его способностей и расширение его возможностей до космических масштабов, гармонического существования как единого целого.

«Россия, рождённая из евразийского братства народов, – пишет Сухейль Фарах, – смешения рас, культур и многолетнего исторического самосознания, сможет стать идейным и духовным лидером человечества, способствовать восстановлению творческой энергии общения, диалога, сотрудничества, взаимовыгодного партнёрства и совместной работы по углублению и распространению культуры мира и любви среди всех народов и цивилизаций».

Сухейля Фараха Институт Европы РАН повторно выдвинул на получение Нобелевской премии мира. Он ливанско-российский исследователь, член РАО, доктор философских наук, профессор Ливанского и Московского университетов. Кандидатура профессора Фараха вместе с профессорами Ю. В. Яковцем и А. И. Агеевым была выдвинута директором Института Европы РАН профессором А. А. Громыко. По словам А. А. Громыко, деятельность, которой занимается профессор Фарах с его коллегами, «имеет огромную образовательную ценность». Учёные открыли новую область знания в науке о цивилизации – цивилиографии, которая включает в себя новые идеи и научные знания в области понимания цивилизаций, их истории, современного состояния и будущего, диалога и партнерства цивилизаций, а также культурно-интегральный подход, с концентрацией усилий на так называемой цивилизации – ноосфере.

О духовном достоянии России

«Тяжелейшая ситуация современности, – говорит Сухейль Фарах, – требует от нас больше ответственности, больше бдительности, смелости, мудрости и скромности. Требуются новые созидательные идеи, предложения и практические шаги, которые способствовали бы сплочению, а не разделению верующих разных религий и носителей разных самобытных культур; которые могли бы по-настоящему объединить сердца и умы разных религиозных конфессий и культурных групп и стать общероссийским образцом и духовным достоянием для большинства населения нашей Отчизны и даже далеко за её пределами».

«Мои предложения, – продолжает Сухейль Фарах, – исходят из нового Указа Президента Российской Федерации В. В. Путина от 9 ноября 2022 года, где утверждаются основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Как мне кажется, этот указ может удачно реализовываться во многих направлениях, но хочу высказать три конкретных предложения:

Внести в календарь Всероссийских праздников следующие важные даты: День Народных традиций, направленный на сохранение связи между поколениями и обновления здорового духа исторической памяти всех народов России; День Священного Писания, в который будут изучать и популяризировать среди широких народных масс заветы наших отцов и мудрецов; Третья дата имеет религиозно-нравственный характер, объединяющий священную историю христиан и мусульман, а именно: День рождения Марьям, или Девы Марии, которая одинаково почитается главными традиционными религиями как идеал нравственной чистоты. В священном Коране в суре Марьям (19: 32–35) о Деве Марии и о Христе есть слова, красивое и глубоко духовное содержание которых проливается словно бальзам на души большинства мусульман и христиан.

Такие праздники позволят навести мосты между разными культурными и религиозными группами нашего общества, способствуют сближению и близкому общению между христианами и мусульманами, атмосфере конструктивного диалога и партнерства между разными религиями, культурами и даже цивилизациями.

НОВЫЙ ЯЗЫК ДЛЯ ДИАЛОГА

О книге Юрия Яковца и Сухейля Фараха «Мир цивилизаций. Есть ли будущее?»

Монография, принадлежащая перу Юрия Яковца и Сухейля Фараха, русского и арабского мыслителей, погружает читателя в актуальнейшую тему причин возникновения и исчезновения цивилизаций. В контексте угроз, нависших над нашей планетой, в виде самокремации человечества в ядерной войне, в экологической катастрофе и духовно-нравственной деградации человека, двое учёных, представителей русской цивилизационной школы, раскрывают важнейшую роль диалога и партнёрства цивилизаций и государств в условиях грандиозных трансформаций на планете.

Интегральная теория цивилизаций

Авторы монографии представили читателю новую парадигму общественнознания, в которой центральным звеном является цивилиография, новая отрасль научного знания, опирающаяся на единую теорию происхождения и эволюции цивилизаций. Стратегия её базируется на становлении гуманистически-ноосферной интегральной цивилизации и устойчивого многополярного мироустройства, в котором особую тревогу вызывает сегодня тенденция снижения общего уровня естественного интеллекта, и причины этой тенденции требуют глубоких фундаментальных исследований.

Интегральная теория цивилизаций заложена Питиримом Сорокиным, обосновавшим этапы становления общества на основе единства Истины (науки), Добра (этики), Красоты (высокой культуры). Человек, являющийся существом с биосоциальным генотипом, наследует эволюцию социальной взаимосвязи людей. На основе общения между людьми формируется социальный генотип. Если вспомнить случаи воспитания человеческого ребёнка животными, то мы знаем о приобрете-

нии им наследия окружающих животных. Оказавшись в мире людей, он с трудом, но приобретает речь и социальные признаки людей, за исключением чувства юмора.

Что же сегодня обретает ребёнок в семье и в окружающем мире? Он видит массовое поклонение теле- и кинозвездам, хозяевам банков, королям информатики и разработчикам информационных систем. Список можно продолжить. «Их родина – бизнес, их цивилизация – потребление. Эти люди говорят на языке доллара и английском», – пишет профессор Сухейль Фарах. Глобализация врывается в сферу национальных ценностей и нивелирует культурную самобытность. Духовное оскудение общества, – предупреждал Н. С. Арсеньев, русский религиозный философ, – ведёт к войнам и революциям, к гибели биосферы, то есть всего живого на планете, к разрушению экосистем, природным катастрофам, загрязнению окружающей среды, дефициту природных ресурсов.

Сухейль Фарах и Юрий Яковец подводят читателя к выбору: быть причастным к самоуничтожению человечества, то есть самокремации – по выражению Питирима Сорокина; к деградации Человека разумного и к его замене роботами и системами искусственного интеллекта.

Но есть третий путь – гармоничный диалог человека с природой, ноосферный способ производства с преобладанием экологического мышления и нравственности.

Многополярное мироустройство

Новое тысячелетие началось с провозглашения ООН 2001 года годом Диалога между цивилизациями, но вскоре это было забыто, так как возникло обострение противоречий между цивилизациями, и это стало началом новой холодной войны. Но с XXI века евразийская цивилизация становится лидером по формированию многополярного мироустройства при потере прежнего доминирования цивилизаций Запада.

Россия становится эпицентром развития в области общественных наук, так как у нас сформировались лидирующие школы русского циклизма, цивилизационная, интегрального

макропрогнозирования и ноосферной цивилизации. Питирим Сорокин обосновал закон флуктуации тоталитаризма и свободы в период глубоких кризисов и переход от отрицательной моральной и религиозной поляризации к положительной. Русский учёный Никита Моисеев обосновал ноосферный характер будущей цивилизации на основе гармоничной коэволюции общества и природы. Юрий Яковец и учёные современной цивилизационной школы раскрыли содержание интегральной гуманистически-ноосферной мировой цивилизации при лидерстве Востока и устойчивого многополярного устройства на базе диалога и партнерства цивилизаций.

Деградация духовных ценностей цивилизации как угроза человечеству

Наряду с угрозами миру цивилизаций: термоядерной войны, энергоэкологической катастрофы, демографической угрозы, технологических вызовов, экономических кризисов, – наиболее опасная и основная причина перечисленных выше угроз планете – деградация духовных ценностей цивилизации.

Духовная сфера включает в себя науку, культуру, образование, этику, идеологию. Роль духовной жизни не сводится только к отражению и восприятию происходящих в природе и в обществе перемен. Она является главным инструментом преобразования окружающего мира в интересах человека, коллектива, общества.

На разных исторических этапах меняются лидирующие цивилизации: Древний Египет, Междуречье, Индия, Греция, Рим, Персия, Китай, Западная Европа. В 19–20 веках в борьбу за лидерство вступила российская цивилизация. Как отмечал Питирим Сорокин, с конца 20-го века творческое лидерство человечества переместилось с Запада на обширный район Тихого океана и Атлантики.

Авторы монографии отмечают такую знаменательную, но мало осознанную и в нашей стране, и за рубежом тенденцию – превращения России в один из эпицентров развертывающегося переворота в духовной жизни общества, становление

интегрального социокультурного строя. Это объясняется особенностями генотипа российской цивилизации, где ведущее место занимает духовность, а также тем, что в условиях кризиса, заката индустриальной эпохи учёные и творческие личности начинают активные поиски путей выхода из сложившейся ситуации, что порождает волну научного и художественного творчества.

Академические умы, духовные авторитеты, светила культуры призваны, как говорит Сухейль Фарах, соединить усилия, чтобы посредством непрерывной серии семинаров, конференций сделать предметом внимания творцов политики и лидеров экономики мечту о встрече культур. Тот или иной ход событий зависит от усилий сынов человеческих, чтобы сохранить духовные и культурные сокровища, созданные лучшими умами человечества.

Ядро интегральной парадигмы

Авторы представили в книге 12 принципиально новых положений, смелых научных гипотез, «в совокупности образующих ядро интегральной парадигмы общественнознания»:

1. Человек разумный является вершиной эволюции на планете, а главным достижением её стало превращение биосферы в ноосферу – сферу разума, в становление научной мысли как планетарного явления. С моей стороны, как читателя, я бы добавила, что научная мысль принесла человечеству немало проблем, реализация многих научных изобретений привела к катастрофе на земле в виде гибели биосферы (исчезновение почв, различных видов животных и растений, загрязнение рек, морей и океанов, загрязнение воздуха), таким образом, возникла угроза, что мы предстанем перед фактом: нечему превращаться в ноосферу.

2. Раскрыта тайна происхождения человека разумного и цивилизации, определены десять функций общественного интеллекта как первого источника институтов цивилизаций, выдвинуто положение о формировании подвидов человека разумного: человек цивилизованный и кибернетический, до-

казана невозможность замены человеческого интеллекта искусственным. Я бы добавила ещё одну угрозу – человек, освободивший себя от ответственности, морали, нравственности, духовности.

3. Раздвинуты исторические рамки происхождения и эволюции российской цивилизации в составе пяти локальных цивилизаций: аркаимской, греко-скифской, восточнославянской, евразийской и российской цивилизации 21-го века.

4. Представлена новая периодизация истории цивилизаций за десять тысячелетий, включающая смену исторических эпох, мировых цивилизаций (сверхдолгострочных циклов и долгосрочных Кондратьевских циклов).

5. Открыт закон сжатия исторического времени и его неравномерности в разных фазах цивилизационных циклов, тенденция ускорения темпов трансформации общества в периоды кризисов.

6. Выдвинута идея трансформации и дифференциации локальных цивилизаций в 21-м веке: формирование агрессивной англосаксонской цивилизации, возвращение российской, китайской и индийской цивилизаций, дифференциация исламского мира на шесть локальных цивилизаций.

7. Раскрыта внутренняя структура глобального кризиса 21-го века как кризиса цивилизационного, отражены фазы, составляющие генотип цивилизаций, – энергоэкологические, социодемографические, технологические, экономические, социокультурные и геополитические кризисы.

8. Авторы монографии рассмотрели закон поляризации и социального партнёрства цивилизаций и государств в период кризиса.

9. Важнейшее и актуальнейшее – изложена стратегия сбережения природных ресурсов и биосферы.

10. Представлена совершенно новая концепция диалога культуры и религии, передачи культурного наследия следующим поколениям.

11. Введено понятие цивилизационных войн.

12. Разработан оптимистический сценарий будущего на основе многополярного мироустройства.

Книга «Мир цивилизаций. Есть ли будущее?» отражает богатейший опыт ведущих философов, социологов, учёных из разных стран мира, актуализируя цивилизационную русскую школу как эпицентр гуманистической направленности, обогащая стратегию культуры диалога между цивилизациями, противостоит теориям о превосходстве какого-либо одного мировоззрения. Такие книги дают нам уверенность, что человечество преодолеет все кризисы, выйдя на язык диалога и партнерства.

СЛЕДУЯ ГЛУБИННЫМ ДОСТИЖЕНИЯМ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

О новой книге Алексея Малинова

Новая книга профессора Санкт-Петербургского университета, доктора философских наук А. В. Малинова «Исследования и статьи по русской философии». СПб., 2020 посвящена истории славянофильства и судьбам профессиональной философии в России, в частности, учению Введенского и Карсавина.

История славянофильства – первая часть 600-страничного исследования – зиждется на именах А. С. Хомякова, В. С. Соловьева и В. В. Розанова.

В «Поэтический историографии А. С. Хомякова» автор философского исследования обращается к немногочисленному (около 100 стихотворений) поэтическому наследию Хомякова, которого по праву можно отнести к последователям А. С. Пушкина, высоко отзывавшегося о поэтическом даровании Хомякова. Современники за многогранность личности называли Хомякова М. В. Ломоносовым 19 века, ведь Хомяков был поэтом, драматургом, живописцем, философом, историком, богословом, публицистом, изобретателем, архитектором, медиком, рачительным сельским хозяином.

Н. А. Бердяев проводил параллель между Хомяковым и Гёте. Современники, даже не согласные со взглядами Хомякова, отмечали его безупречность с точки зрения нравственных качеств.

Литературно-философское движение славянофилов. Высочайший авторитет, необычайная одаренность, личное обаяние сделали Хомякова лидером движения славянофилов, движения не политического, а литературного и философского. Оно пришлось на 40-е – 50-е годы 19 века.

Поэзия Хомякова рассматривалась лишь как средство выражения им своих славянофильских взглядов в полемике с западниками. Такой взгляд спровоцирован В. Г. Белинским, его статьёй «Русская литература» в 1844 году, где Белинский при-

страстен и односторонен, он целенаправленно пошёл на конфронтацию со славянофилами, избрав поводом стихотворение Н. М. Языкова, шурина Хомякова, «К ненашим».

Славянофильский кружок сложился в конце 1830-х годов, объединив не только единомышленников, но и родственников, друзей формой свободного философского общения. Они изначально воспроизвели тип философствования, как беседу, размышление вслух в дружеском застолье. Философия была формой досуга и свободного времяпровождения. Славянофилы позиционировали себя как свободные мыслители, которые никому не служат, для которых философия является способом получения удовольствия от общения и поиска истины.

Историзм славянофилов. Хомяков в своем творчестве часто обращается к старине, к Древней Греции и к древней славянской Руси, ставя их в один ряд. Былинный сказитель Боян, с которым отождествляет себя Хомяков, помогает восстановить связь прошлого с современностью, поддерживать традицию и наполнить ею смысл современности.

Автор выделяет как одну из главных тем философского интереса поэзии Хомякова – историзм. В историю и через историю в нашу жизнь вносится привкус непостоянства, бренности всего земного, недолговечности славы, власти, богатства. История опрокидывает смыслы и ценности современности. Исторические перемены оставляют лишь горькую усмешку. История имеет дело с тем, что уже ушло, что стало прахом и тленом. Все, с чем имеет дело историк, нуждается в проверке, интерпретации, исходя из смысла настоящего. Прошлое – это не наблюдаемая реальность, а только смысл, и единственным средством сохранения прошлого является память. Историей становится то, что достойно упоминания. Это, прежде всего, личности и события, связанные со славой и величием.

Память не возвращает старину, а воспроизводит её смысл. Старина присутствует в настоящем своим смыслом, своим значением для настоящего. Прошлое обладает смысловой избыточностью.

Современность как игра страстей. Обращаясь к современности, Хомяков характеризует её так: «наш век чугунный» (стихотворение «При прощаниях»). Если старина мыслится им как

воплощение веселья, силы и величия, то современность – прозаичнее, как господство рационалистического мировоззрения и эгоистических страстей:

И эгоизм, как червь голодный,
Съедает наш печальный век...
Угасло пламя вдохновения...
Пред строгой сухостью сердец.

И учение Хомякова, и его жизнь – протестуют против вымывания из жизни трансцендентного начала и веры.

Упрощение жизни приводит к духовному опрощению, над которым довлеют «купцов смышленные заботы».

Когда мир погружён в суету мелочных политических интриг, коммерческих расчетов, самодовольства посредственности, поэту в таком мире нет места, поэтому Хомяков обращается к прошлому, где находит силу творчества, подвига, самопожертвования, любви и правды.

Бердяев упрекал Хомякова в лени. Но многообразная деятельность Хомякова – лучшее опровержение лени. Современность им воспринимается как «суета земли бесплодной», но поэт наделён способностью: огласить смысловое преобразование реальности, как творение нового мира. Он говорит о жизни «звучной и свободной», то есть озвученной человеком и наделённой смыслом.

Бердяев говорил, что Хомяков гоняется за зайцами, разрешая свою тоску. На самом деле для Хомякова охота – не только сближение с природой, ощущение гармонического единства с ней, но и отзвук воинского дела, которое высоко ценил Хомяков.

Память делает прошлое историей, а поэзия превращает природу в одушевлённое существование:

Заря, тебе подобны мы!
Смешенье пламени и хлада.
Смешение небес и ада,
Слияние лучей и тьмы.

Творчество и природа противопоставляются повседневности, построенной на мелочных заботах и рассудочных устоях. Хомяков говорит не только о России, но и Западной Европе, которую вначале Хомяков видел «страной святых чудес». Но это уже в прошлом, теперь это мир лжи, корысти и мещанского прозябания. Хомяков прозревает истерзанность западно-европейского пути.

Актуальность учения славянофилов. Славянофилы были людьми высокой образованности, публиковали в Европе свои статьи, но взгляд их обращался к Востоку, в свете которого видится исторический путь человечества.

Восток – это не географическое понятие, а культурно-историческое. Оно не предполагает крайности – непреодолимой пропасти между востоком и западом. Восток идёт на смену Западу, является наследником и продолжателем лучших традиций и результатов.

Славянофилы оставались немногочисленным дружеским кружком. Востребованность их была ограниченной и у власти, и в русском обществе.

Споры западников и славянофилов не ограничились только серединой XIX века. Они во многом определили дальнейшее развитие русской философии заложив тематические и стилистические особенности, став своеобразной парадигмой русской мысли.

К сожалению, поэтический вклад Хомякова недооценён. Идеалы Хомякова: свобода, правда, дружба, покаяние, смирение, вера, братская любовь, – универсальны. Они гуманистическая основа русской философии в целом. Духовный призыв Хомякова никого не обольщает. Стихи обращены к друзьям и единомышленникам, к России и в этом смысле подобны молитве, да и сам Хомяков называл их молитвой, моля о духе жизни в России.

О. Ф. Миллер – петербургский славянофил. Очень познавателен материал, собранный исследователем, а славянофиле немецкого происхождения. Автор книги, рассуждая о взглядах Миллера, обращает внимание на парадоксальность участия немецких ученых в славянофильском учении.

Миллер стал идейным последовательным славянолюбом и русофилом. Ему принадлежит сборник статей «Славянство и Европа» (1877).

Хотя сегодня Миллер – полузабытый учёный, надо отдать должное его фундаментальным исследованиям: «Илья Муромец и богатырство киевское», трёхтомник лекций «Русские писатели после Гоголя», а также он первый биограф Ф. М. Достоевского. Он был активным деятелем славянофильского движения, плодотворным публицистом, принадлежа к академическому славянофильству.

Поборник исторических прав славянства, русский патриот, опираясь на сравнительный метод в своих исследованиях, он подчеркивал христианский гуманизм русского эпоса, его нравственную основу в противовес западному эпосу «огня и меча».

К. Н. Бестужев-Рюмин отмечал громадную начитанность, поэтическое чутьё, превосходное изложение, полное любви к русскому народу.

Характерна актуальность тех сложностей, которые возникли у Миллера, когда он выступил с критикой гимназической реформы, проводимой министром народного просвещения графом Д. А. Толстым, которая возвращала русский народ к изжитым римско-византийским началам, что противоречит универсальному духу христианства, носителем которого является русский народ.

Миллером было организовано студенческое научно-литературное Общество, объединявшее до 300 человек, а на его лекции в пользу нуждающихся студентов собиралось до 1000 человек.

Активное участие Миллер принимал в работе Славянского благотворительного Комитета, где познакомился с Достоевским.

Он критически реагировал на проявления террора и распространение радикальных настроений в русском обществе.

В его статье «Основы учения первоначальных славянофилов», оценивая пройденный славянофильский путь, он отметил значительное расширение круга славянофилов в последней трети XIX века, но все ещё им было далеко до властителей дум образованного общества. А сочувствие к восставшим на Бал-

канах славянам способствовало тому, что и в русском народе пробудилось национально-культурное самосознание. Славянофилы не могли принять презрительного отношения к своей собственной культуре.

Миллеру симпатично то, что славянофилы следовали христианским идеалам, фактически превратив свою жизнь в служение. Они ценили человечество во всей его совокупности, как и отдельный народ, входящий в него, как отдельная личность сохраняется в общине, так и целый народ должен звучать в дружном хоре народов.

Славянофильские взгляды Миллера разделяли К. Н. Бестужев-Рюмин и В. И. Ламанский, работавшие на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Принимаемые ими позиции можно назвать особым историко-философским явлением – академическое славянофильство.

Алексей Малинов, таким образом, актуализирует ту литературно-философскую работу, которая сегодня в условиях жесточайшего кризиса культуры и духовно-нравственного падения, как духовный якорь и моральную опору для тех, кто не оставил пути следования глубинным достижениям русской философии среди просветлённых и душевно чистых людей, как органическое явление среди железных доспехов так называемой цивилизации.

РАЗОЧАРОВАНИЕ ВО ВСЕМИРНОСТИ

**Александр Казинцев о Пушкинской речи
Ф.М. Достоевского**

Голос «Нашего современника»

Александр Иванович Казинцев (1953–2020) принадлежит к числу моих любимых и уважаемых публицистов. Его разговор с читателем в «Дневнике современника»: хроника сопротивления, который он вёл в журнале «Наш современник» с 1991 года, я ждала каждый месяц, выписывая журнал. Многоголосье России звучало в ответ на размышления о ней известного критика, публициста и поэта Александра Казинцева, который вспоминал уже в 2001 году: «Дневник пишется беглым, взволнованным почерком с о в р е м е н н и к а роковой эпохи. Я продолжаю говорить – будто звук выключили! Я пишу – горше, яростней, вывереннее – не читают...».

Не то, чтобы его именно не читали, не читали уже никого, реакции стало меньше, потому что захлестнули жизнь «господа и совки, паханы и лохи, козлы и тёлки – и миллионы других, без названия, имени, без будущего. Роль заботника, хранителя, да хотя бы и ночного сторожа при России в такой компании нелепа», – пишет Александр Иванович, все же исполняя эту роль хранителя русской традиции, её культуры и веры, думая о неудаче личной и национальной, потому что каждый год его жизни обогащался опытом, мастерством, болью, силой, а непрочитанность стала проклятием каждого мыслящего автора. Во многом под его влиянием вынашивалась моя мечта об издании литературного журнала «Берега». Может быть, поэтому Александр Иванович сразу согласился войти в редакционную коллегию издания «Берега», познакомившись с первыми номерами и ощутив духовное родство, помогая и привлекая в журнал известные имена, а в большей мере талантливую молодёжь в своей известной благородством манере.

В 2023 году 4 октября Александру Ивановичу исполнится 70 лет, и мне бы хотелось, чтобы мы вновь его прочли и прислушались к нему. Сегодня я размышляю о его статье «Вдохновенная ошибка».

Выход на общение с молодёжью

Александр Казинцев писал мне 18 июля 2018 года: «Литература действительно обмельчала. Да ведь и читатель, само общество обмельчали. Я помню, как читали в 80–90-е годы – запоем! Как глубоко переживали и переосмысливали прочитанное. Этот процесс познания литературы захватывал даже не тысячи – миллионы людей. И общество откликалось не на нахальные выходки журналюг, спортсменов, шоуменов, а на голос таких писателей как Валентин Распутин, Василий Белов, которых по справедливости можно было назвать «совестью нации».

Но вот беда: поняв это, я перестал писать. Для кого? Как когда-то Феллини ответил на вопрос, почему он ничего не снимает: «Мои зрители умерли». И читатели – тоже.

Но хоть как-то меня оживляет общение с молодёжью.

В прошлом году Андрей Тимофеев и его команда пригласили меня на обсуждение Пушкинской речи Достоевского. Я выступил и на основании выступления написал статью... Всё-таки я много лет работал с Распутиным и Беловым, в юности подружился с Арсением Тарковским – собеседником Ахматовой и Цветаевой. Я несу в себе традицию русской культуры, которую тот же Арсений Тарковский продолжил, получив её от поэтов начала прошлого века. Господи, какая же это временная даль! И никому она не нужна... Сейчас уже не могут не то, что получить и использовать этот опыт – не понимают, не видят самого его существования в наследниках, людях, ещё живущих среди современных».

И вот эту статью Александр Иванович прислал в журнал – «Берега», хотя она была уже опубликована в «Нашем современнике», но и в «Берегах» она тоже нашла себя. Когда я её прочла, то предложила Александру Ивановичу другое название, на что автор ответил: «Название «Разочарование во

всемирности» точно передаёт моё отношение к Пушкинской речи. Но оно входит в противоречие с самой речью. Получается, что это не я, а Фёдор Михайлович во всемирности разочаровался. Во всяком случае, так я это воспринимаю. Поэтому, если можно, оставьте прежнее название «Вдохновенная ошибка».

Восприятие Пушкинской речи

Могла ли я противоречить учителю? Статья о Пушкинской речи гения была напечатана. Александр Иванович задаётся вопросом в ней: несмотря на самую большую известность речи из всех произведений Достоевского, она сегодня «прочитана ли»? А тем более «с должной глубиной и ответственностью»? Знают ли сегодня русские люди о том, с каким восторгом была встречена Пушкинская речь? И почему?

Вот как писал сам Ф. М. Достоевский после своего выступления, после этой вдохновенной, приведшей зал в восторг и почти в психоз речи: "...Зала была как в истерике, когда я закончил, я не скажу тебе про рёв, про вопль восторга. Люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга. "Вы наш святой, вы наш пророк!" "Пророк, пророк!" – кричали в толпе... Я бросился спастись (так! – А.К.) за кулисы, но туда вломились из залы все, а главное – женщины. Целовали мне руки... Прибежали студенты. Один из них, в слезах, упал передо мной в истерике на пол и лишился чувств".

Теперь уже невозможно даже представить, чтобы подобное происходило вокруг имени какого-либо писателя на всей планете. А с Достоевским это произошло в 1880 году в зале Дворянского собрания.

Причины патриотического экстаза

Причины этого небывалого восторга А. Казинцев подробно разбирает. Сначала он называет объективную: «Завершался Золотой век русской литературы. Эпоха, в начале своём дав-

шая А. Пушкина, Н. Гоголя, М. Лермонтова, Ф. Тютчева, а в полноте сил – Л. Толстого, И. Тургенева, Ф. Достоевского. То было вершинное проявление национального духа, выше которого Россия ничего не дала». Достоевский охарактеризовал этот период русской литературы, как вершину литературы всемирной, как «самую славную из всех эпох» в мире.

«Не забудем и о факторе субъективном, – продолжает наш современник. – Первоначально открытие памятника Пушкину было намечено на 26 мая по старому стилю – день рождения поэта. В двадцатых числах литераторы, представители различных обществ и учреждений начали съезжаться в Москву. Но 22 мая умерла жена Александра II императрица Мария Александровна. На следующий день газеты опубликовали извещение: открытие памятника в связи с трауром откладывается. Называют новую дату 4 июня, затем – 6 июня.

А публика съехалась! Более двух недель десятки знаменитостей и сотни восторженных ротозеев колобродят по Москве. Устраивают торжественные обеды (25 мая в ресторане гостиницы “Эрмитаж” чествовали Достоевского). Участвуют в литературно-музыкальных вечерах (6 июня на одном из таких вечеров Достоевский прочёл монолог Пимена из “Бориса Годунова”). Общественная жизнь кипит, и с каждым днём вынужденного ожидания градус повышается!»

В этой цитате главное слово – общественная жизнь. Казинцев отмечает, что причины нервной взвинченности публики связаны именно с тем, что общественной жизни в России в полном смысле этого понятия тогда не существовало. «Власть строго следила, – писал Александр Иванович, – за тем, чтобы начавшееся после реформ Александра II оживление в обществе замыкалось на местном уровне. Пушкинские торжества давали легальный повод придать этой активности всероссийский масштаб. “Прогрессивная” Россия ждала судьбоносного, пророческого слова. И с каждым днём промедления всё истовее, всё исступлённей».

Содержание Пушкинской речи

Обращаясь к содержанию Пушкинской речи, Александр Казинцев указывает на планетарную отзывчивость Пушкина, так обозначенную Достоевским: «В самом деле, в европейских литературах были громадной величины художественные гении – Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такою способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин».

“Да, – продолжает цитирование Достоевского Александр Иванович, – назначение русского человека есть бесспорно все-европейское и всемирное... Стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в неё с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой общей гармонии”.

И далее с позиций сегодняшнего дня Казинцев слегка иронизирует: “Изречь окончательное слово” европейской и мировой истории – было от чего восторженно взреветь не избалованной похвалами отечественной публике!» Критик отдаёт должное высоте духа величайшего писателя, подлинного сына русского народа, его творчеству, родившемуся из духовного опыта его народа, которому необходима святость при всей его окаянности, который тяготеет к уравниловке, умственной зрелости и одухотворению. «Любовное смирение – это огромная сила», – эти слова старца Зосимы высвечивают из личности самого Достоевского, который позволял себе в “Дневнике писателя” немало нелестных слов, например, о “полячишках” и других народах. Но он как бы забывает об этом, глядя на “всецеловечность” русских через призму пушкинского творчества. Нелестность отзывов Достоевского объясняется горячей любовью сильной личности к своему народу и к его Отечеству.

Пушкинская речь была произнесена её автором за полгода до смерти. Что хотел Достоевский сказать напоследок русским людям? Поделиться мечтой о взаимопонимании на-

родов. Это та часть «Русской мечты», о которой сегодня неустанно говорит Александр Проханов: «Глубинное содержание российской цивилизации, меняя свои внешние формы, облекаясь из века в век в различные ризы и одеяния, оставалось неизменным в своей сокровенной сущности. Это была мечта об идеальном бытии, божественной гармонии, создающей справедливое царство, где нет насилия, гнёта, тьмы, попирания сильным слабого, богатым бедного, где побеждена самая страшная, преследующая род людской несправедливость, – побеждена смерть.

Образ этого царства переселился из языческих сказок в православное вероучение, в философию космистов, в мистерии поэтов и музыкантов, в политические декларации народовольцев и коммунистов. Этот образ и теперь живёт как мечта в глубинах народного чувства, не давая народу пропасть, побуждая его сражаться и строить, направляя его к совершенству.

Русская Мечта о справедливом государстве есть драгоценное достояние Русского Мира, который задуман Творцом как хранилище этого восхитительного замысла».

И Достоевский сказал тогда в Пушкинской речи о высоком предназначении своего народа, которое он видит в том, чтобы «вызывать это взаимопонимание, принимать души других народов братски», «когда народы, распри позабыв, в единую семью соединятся».

Призвание русского человека берётся под углом «вселенскости, христианского универсализма». Достоевский был продолжателем учения Хомякова о вселенскости жизни церкви и о призывании русского народа – быть глашатаем этого братского вселенского единения силою духа Божия.

Так в чём «вдохновенная ошибка»?

Александр Казинцев, отдавая должное могучей мысли Достоевского о вселенском служении русского народа, обращается к сегодняшнему дню, полагает, что тут много утопизма и идеализации, хотя «тезис о всемирном служении России чрезвычай-

но соблазнителен». Недаром В. Соловьёв положил его в основу знаменитой “Русской идеи”.

Так почему Александр Казинцев назвал Пушкинскую речь Достоевского «вдохновенной ошибкой»?

«Ошибочные тезисы, – говорит Александр Иванович, – порождали и ложные цели. Достоевский видел назначение русского народа в том, чтобы “внести примирение в европейские противоречия”. Но, во-первых, европейцы нас об этом не просили. Жизненный опыт показывает, как опасно навязываться с непрошенными благодеяниями. Во-вторых, в XIX веке, когда европейские страны десятилетиями враждовали из-за клочка земли (Эльзас в борьбе Франции и Германии – иллюстрация классическая), такое “примирение” было невозможным. Оно состоялось в XX столетии после двух мировых войн. Европу объединила не нравственная проповедь, а материальная выгода общего рынка».

Не согласен наш современник – Александр Казинцев, и с тем, что Достоевский рассматривал крестьянство как монолит, от лица которого он изобличал тогдашнюю элиту, не обращая внимания на расслоение крестьянства к концу XIX века, ошибка – сведение писателем понятия народа к крестьянству: «Сельчане питались “наполовину лебедой, мякиной, отрубями” (newrefs.ru. Пореформенное помещичье хозяйство). А Достоевский манил их “единением всечеловеческим”!»»

И завершает своё мнение о гениальной «ошибочности» Александр Иванович так: «Наконец, предельно алогичный тезис речи о “служении” Европе: “...Что делала Россия во все два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо больше, чем себе самой?”

«Сомневаюсь, – делится своими размышлениями Казинцев, – что это соответствовало интересам русского крестьянства. Не народный дух, а скудоумие петербургской элиты, направляемой такими ненавистниками России, как Карл Несельроде, стало причиной позорного “служения”! За которое Европа “отблагодарила” войной 1812 года, Крымской и Первой мировой.

Не достаточно ли, чтобы разочароваться во “всемирности”?

Александр Иванович не намерен упрекать Фёдора Михайловича в чрезмерном обольщении Европой. Достаточно и либералов, которые немало поработали над переписыванием нашей истории, над искажениями в мировоззрении русских художников. Казинцев говорит: «Мне отвратительно распространившееся нынче кликушество, когда неопиты патриотизма и Православия дерзают бесчестить выдающихся писателей и мыслителей. Достоевский – один из глубочайших критиков и даже обличителей современной ему Европы».

Казинцев ссылается на августовский выпуск “Дневника писателя”, где помещена “Пушкинская речь”, и где, отвечая на критику А. Градовского, Достоевский пишет: “Да она накануне падения, ваша Европа, повсеместного, общего и ужасного. Муравейник, давно уже создававшийся в ней без Церкви и без Христа... с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим всё, всё общее и всё абсолютное, – этот создававшийся муравейник, говорю я, весь подкопан”. Да и Освальд Шпенглер, когда писал «Закат Европы», он ведь говорил о духовно-нравственном закате.

Александр Иванович, учитывая реалии сегодняшнего дня, предлагает помнить и других русских мыслителей, например, Николая Данилевского.

Он, как и многие другие русские мыслители, предлагал своему народу трезвость мышления, разумное занятие своими, русскими и российскими проблемами, своими нуждами, самими собой, когда политики Европы и коллективного Запада воспалились в своей враждебности к России и русским.

Александр Иванович предлагает прислушаться, наконец, к замечательному высказыванию Николая Данилевского в его книге “Россия и Европа”: “...Невозможно и вредно устранить себя из европейских дел, но весьма возможно, полезно и даже необходимо смотреть на эти дела всегда и постоянно с нашей особой, русской точки зрения, применяя к ним как единственный критерий оценки: какое отношение может иметь то или

другое событие к нашим особенным русско-славянским целям, какое могут они оказать препятствие или содействие им. К безразличным в этом отношении... событиям должны мы оставаться совершенно равнодушными, как будто бы они... происходили на Луне; тем, которые могут приблизить нас к нашей цели, должно всемерно содействовать – и всемерно противиться тем, которые могут служить ей препятствием, не обращая при этом ни малейшего внимания на их безотносительное значение; на то, каковы будут их последствия для самой Европы, для человечества...”

В одном популярном американском фильме герой произносит: «Должен остаться кто-то один». Я часто слышу эту фразу, которая так ложится на действия ультраглобалистов. Время показало, что Запад не просто антагонист наш, нашего Русского мира, а он ему враждебен. И враждебность эта только усиливается, превращаясь в схватку за существование.

Присоединяюсь к Александру Ивановичу в его сожалении о том, что призыв Николая Данилевского до сих пор не услышан, что русское сердце и русская мысль всё также пленяются красотой фразы, масштабом рассуждений и обещаний, вместо того, чтобы трезво опираться на факты, поддерживать любовь к своей стране, к своей культуре, к своей конкретике, – исторической, социальной и политической.

ПОСЛАНИЕ ПОЭТА СЭДЫ ВЕРМИШЕВОЙ

Сегодня мне видится актуальной, будто сегодня написанной статьёй «Послание Блока» поэтом Сэдой Вермишевой

В статье «Послание Блока» (Берега № 1 (19) – 2017, с. 172) Сэда Вермишева обращается к циклу стихов Александра Блока «На поле Куликовом» и к стихотворению «Скифы», считая, что великим поэтом «в безупречной художественной форме проведён широкий геополитический, цивилизационный и этнопсихологический анализ отношений как противостояния и противоборства, так и возможного сотрудничества и союзов на всём Евразийском пространстве».

Кроме того, – полагает Сэда Константиновна, – Блок выстраивает гипотезу возможного развития исторических событий, в случае, если из архитектуры будущего планеты будет устранён или повреждён один из её важнейших элементов – Россия. Блок отстраняется от классовых и социальных интересов, опираясь на литературу древней Руси, свою интуицию и национальное сознание: «Блок ведом духом истории, где истинным объектом интереса противостоящих сторон являются территории, борьба за господство над ними и населяющими их народами, демонстрирует геополитический подход к проблеме, видя в ней борьбу за сферы влияния, продвижение своих интересов на больших пространствах, которая ещё недавно называлась территориальным экспансионизмом или противостоянием ему». Обращаясь к истории России, Блок пишет: «Наш путь – степной, наш путь – в тоске безбрежной, // В твоей тоске, о, Русь! // И даже мглы – ночной и зарубежной – // Я не боюсь.» Через века Блоку необходимо было осмыслить сражение на поле Куликовом в свете вызова его времени и грядущего России в метафизике столкновений, порождающих новые коллизии и новую проблематику.

Сверхсмысл в словах А. Блока «До боли // Нам ясен долгий путь! // Наш путь – стрелой татарской древней воли // Пронзил нам грудь» – это жертвенность, самопожертвование, гибель во имя дальнейшего пути. Гибель Пересвета не остановила врага навсегда: «И вечный бой! Покой нам только снится // Сквозь

кровь и пыль...// Летит, летит степная кобылица// И мнет ко-
выль...»

Особенностью великих художественных произведений является то, что каждое время прочитывает их по-новому. Блок относил Куликово поле к символическим событиям русской истории. «Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их ещё впереди», – так писал А. Блок в 1912 году».

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьим станом, как бывало,
И плеск, и трубы лебедей.
Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжёл, как перед боем.
Теперь твой час настал. – Молись!

Блок прозревал неизбежность возвращения России к ситуации Куликова поля.

Стихотворение «Скифы», датированное 29–30 января 1918 года, когда Россия за 7 месяцев 1917 года пережила две революции и ко времени написания «Скифов» потеряла в результате гражданской войны и иностранной интервенции половину своей территории, стихотворение это написано в дерзкой тональности с использованием вызывающей лексики.

Как отмечают исследователи, в дневниках А. Блока незадолго до написания «Скифов» (11 января 1918 года) имеется запись: «Тычь, тычь в карту, рвань немецкая, подлый буржуй. Артачься, Англия и Франция. Мы свою историческую миссию выполним. И мы широко откроем ворота на Восток. Мы смотрели на вас глазами арийцев, пока у вас было лицо. А на морду вашу мы взглянем нашим косящим, лукавым, быстрым взглядом: мы скинемся азиатами, и на Вас прольётся Восток. Ваши шкуры пойдут на китайские тамбурины. Опозоривший себя, так изолгавшийся – уже не ариец. Мы – варвары? Хорошо же. Мы и покажем вам, что такое варвары...» Вскоре Советской Россией был подписан на тяжелейших условиях Брестский мир. Дневниковая запись А. Блока предвосхищает его же позицию в «Скифах».

Сэда Вермишева отмечает острое национальное чувство, историзм мышления, геополитическое чутье А. Блока. Она вспоминает поэта в связи с историей отношений России и Запада, особенно перестроечного и постсоветского времени – это история безответной любви, переходящей часто в подострастие, России к Западу. и снова пришло время это осмыслить.

А восток? В последних строках цикла «На поле Куликовом» назван «Вражьим станом», откуда он слышит «рокоты сечи» и «трубные крики татар». Понятная земная «любовь-ненависть» для А. Блока менее опасна, чем закрытый, мистический, затаённый Восток. Излишне говорить, сколь описанная А. Блоком ситуация сегодня актуальна. Противостояние России и Запада нарастает. Восток – в выжидательной позиции, в позиции замедленного прыжка. И время неумолимо ведёт нас по предначертанным А. Блоком историческим путям. Суметь прочесть и осмыслить высокие смыслы и мистические пророчества А. Блока, его послания нам, современникам, и, соответственно, откорректировать внешнюю и внутреннюю политику России и Запада – вот достойная задача, от решения которой зависит будущее планеты.

В статье «Писатели в роли коллективного Чацкого» (Берега № 1 (19). 2017)

обращение мощного публициста Вермишевой к образу Чацкого – это её собирательное размышление о жизни России и мира в последние тридцать лет – период глобальных общественных реформ и трансформаций. В 2014 году она написала: «И от того, что не на преодоление трудностей настоящего и будущего тратятся силы и разум человека, не на объединение усилий перед возможными, а может и неизбежными катастрофами, а на усугубление царящего в мире хаоса, становится смутно на душе, и растёт ощущение того, что человечество слепло вступило в фазу самоуничтожения...» Сэда Константиновна не находила в окружающем мире какой-либо позитивной, в интересах человека и человечества, программы, заходящей за рубежи сегодняшнего дня... » Образ коллективного Чацкого – этого разрушителя сложившейся веками жизни, не имеющего перед глазами какой-либо другой модели развития вместо разрушаемой, его деструктивность и провакативность ассоциируется

с современными постмодернистами, циничными представителями либеральной общественности нашего времени: «фундаментальное знание, определяющее архитектуру будущего здания планеты, и шире – мироздания, – ускользает..» Будет ли выстроена контрсистема?

Во всяком случае, когда была объявлена пандемия, на помощь итальянцам в противостоянии вирусу пришли страны бывшего социалистического лагеря: Россия, Китай, Куба и Вьетнам, в отличие от хваленного Евросоюза, здесь ещё живут понятия благородства и подлинного гуманизма, значит будущее человечества за ними.

В Сэде Константиновне я нахожу то, что люблю больше всего в людях: благородную скромность и правду, красоту души. И теперь, когда я перечитываю её статьи и стихи, я собираю воедино свою любовь к ней, и я слышу из прочитанного голос вечности в её заботе о настоящем и будущем планеты...

«ОПЯТЬ ВЕТРА ЗАВОДЯТ ПЕРЕБРАНКУ...»

**О книге стихов Андрея Шацкого
«Сказы Куликова поля», Москва, 2022**

«Чтобы память попирала смерть», – таков смысл книги стихов, обращение к теме вечных полей русской славы: Куликову, Бородинскому, Буйническому, Прохоровскому, полями битв на Курской Дуге.

Куликовец Андрей Шацков, рукой которого действительно руководило высокое вдохновение, во вступительной части его поэтической книги «Опять над Полем Куликовым» обращается к пророческим словам Александра Блока, назвавшего битву символическим событием русской истории, которым суждено возвращаться...», потому что силам зла нестерпим свет России, над которой простирает свой покров Богородица, приснившаяся Блоку: «Ты сошла в одежде, свет струящей, не спугнув коня», пришедшая во сне поэту Шацкову, благословив на стихи о Куликовом поле. Она стояла в свой день Святого Рождества над Куликовым полем, её образ появился в небе перед началом штурма Кёнигсберга и взятия его Красной армией 9 апреля 1945 года.

Мои далёкие предки принимали участие в Куликовской битве в составе Ярославского полка. В памяти проносятся святые имена Дмитрия Донского и Сергия Радонежского, богатырей духа: Пересвета и Осляби, Микулы Вельяминовича, Дмитрия Боброва-Волынского, Дмитрия Ростовского, сражавшегося в полку Правой руки.

Энергии Куликова поля протекают через века, через победу в войне 1812 года, в Великой Отечественной войне, в водружении флага России над зданием Белого Дома в Чечне, которое совершил морской пехотинец гвардии майор Александр Николаевич Плющаков, через грядущие и настоящие победы, приближаемые такими людьми, как герой Донбасса и всей России, командир отдельного разведывательного батальона «Спарта» Владимир Жога...

«Будет Русь от поганых чиста»

В главе «На поле Куликовом» Андрей Шацков в монологе Ивана Красного, отца Дмитрия Донского, передает отцовский завет сыну. В русской литературе было много отцовских заветов сыновьям: пушкинский – «береги честь смолоду», бунинский – «остерегайся уныния». Дмитрия Донского отец наставляет: не остудить души, «не опогань её пустяшным страхом», помни о «тяжести Мономахова убора», о «княжеской крови».

И вот август 1380 года, когда закричали вороны за Доном, замутили воду сомы под обрывом, «заполыхал горизонт кумачово».

... Все ближе гремит путевой бубенец.
Весь в пыли и в дорожной невысохшей грязи,
С волчьих бродов несётся усталый гонец
Упредить о нашествии Дмитрия-князя.

Августовские звезды застучали, «словно дождь по крыльцу», увиделись «тропы от дома до Дона», «узорчатые стяги», «в серебряных росах легли ковыли под размашистым конного воинства шагом», потому что нет большей благодати для Руси, чем «вольное синее небо», и мудрец Сергей Радонежский предстаёт в молитве с князем перед Святой Троицей, ...Возвещают святые уста:

– Разорвутся ордынские вервии!
Будет Русь от поганых чиста!
... Задумчив стоит Пересвет
В преддверии славы великой.

Святая, нетленная дата – 8 сентября. Поэт ежегодно в первые семь дней сентября и сам чувствует энергии Куликовской битвы, видит себя во снах на поле боя, слышит ханский бубен, видит наёмников из Феодосии, одетых во всё чёрное, чувствует холод свинцовой воды Непрядвы,

Но Богородица простёрла
Незримый оку омофор
И.. чёрной птицей мимо горла
Стрела промчалась на простор.

Он помнит о страшных ценах за Победу, за свободу, «когда считать мы стали раны, товарищей считать»...

Каким мне ключом запереть
Границу от края до края?
Россия – вселенская твердь,
Отнюдь не преддверие рая.
Застыли в углу образа
Небесным, летучим отрядом.
И сын поднимает глаза
И смотрит внимательным взглядом.
И дланью обнял рукоять.
Расслышав отцовское слово:
«Рождённым в России – опять
Средь поля стоять Куликова!»

Художественное видение Андрея Шацкого отзывается в сердце православного человека. «Мы все стали очевидцами и непосредственными участниками мировой битвы добра со злом, – пишет поэт и прозаик из Донецка Валерий Герланец о наших днях: «Многие годы зло скрывалось под человеческой личиной, поучая остальных демократическим принципам, правам человека, показному миролюбию. Но потом оно явило миру своё подлинное лицо, лютую русофобию и звериную агрессивность».

Но силам зла, даже вселенским, никогда не одолеть сил добра – ни в сказках, ни в реальности. Ситуация сложная, такой не было ещё на Земле никогда, но завершится она полной победой русской цивилизации и Православия, потому что Правда и Бог на нашей стороне. В это надо верить, за это – молиться».

«И синь дождя стекала павшим в очи»

Вторая глава «Сказов о Куликовом поле» написана «во славу русского оружия и памяти старшего сына Дмитрия», выдающегося тренера ЦСКА, умершего от сердечного приступа на 37-м году жизни.

Сентябрь пригож, и так прекрасна Русь
Сим, наступившим впору бабьим летом,
Что я никак с тобой не соберусь
В дорогу, сын, за нашей славой следом.

Лирический герой «Сказов...» сливается мысленно с отцами сыновей, оставшихся на ратных полях русской славы. У православных отношение к смерти не как к концу, а к началу вечной жизни. Если Бог есть, то смерти нет. Образные ассоциации ведут к современности, к жизни и смерти Владимира Жогу, отцу которого Артёму Владимировичу президент России вручил Звезду Героя России 9 Мая. Прадед Владимира Жогу был участником Великой Отечественной войны, брал Кёнигсберг, был артиллерийским разведчиком. Владимир стал полковым разведчиком, командиром батальона.

Были одним подобьем,
Как две слезы с лица.
Стал он моим подобьем —
Смертным грехом отца.
... а над Русью в стае облаков
Вспыхнет омофора позолота.
Зазвенит печаль колоколов
Димитровской родительской субботы.

Судьбы народа и судьбы отдельных людей сплетены в единую цепь «За други своя» там, где Дух Святой дышит, в простых сердцах Бог почивает. С этой верой живут на Донбассе. Вот что пишет поэт Людмила Гонтарева из Краснодона: «Слова поддержки – это действительно нужно сегодня всем нам, живущим на Донбассе. К сожалению, нам кажется, что Победа не будет быстрой. А насколько она кровопролитна, мы уже убедились. Я живу в тылу – в Краснодоне – но в нескольких десятках километров не смолкают залпы орудий. К нам в школы завезли беженцев из наших же городов Луганщины, где сейчас жить невозможно... Еще в феврале были мобилизованы практически все мужчины 18–55. В моём небольшом педколлективе уже две вдовы... Сегодня действительно яркий праздник – День ЛНР, и не хочется говорить о войне, но вот как-то само собой написалось. Мы ведь живём в состоянии войны, а хочется надеяться на хорошее – правильное – её завершение. Мы верим в нашу Победу. Без этой веры нельзя жить».

«И реют хоругви шелковые...»

В третьей части книги Андрей Шацков обращается к Рузскому полю, к своей родной земле:

«Воскреснет Господь, и его расточатся враги..
И встретит со славой вернувшихся впору посад...»
На Рузское поле ложатся былого шаги,
И реют хоругви шелковые, воинства над!

Поэт вспоминает Захария Тютчева, которого, согласно «Сказанию о мамаевом побоище», князь Великий Дмитрий Иванович послал к «нечестивому царю Мамаю», Боброка Волынского, увидевшего, как «свет над Русью горит неведомый, а над ворогом – темнота».

Горит в сентябре на земле бескрайней Руси Богородицкая трава – душистый чабрец, «Куликово заветное в поросли из чабреца». Язык Шацкого загадочен и не предсказуем. Живое и живущее в его «Сказах» не привязано к быстро текущему времени, оно возвышается над вечной Русью, Россией, а её небесный дух, её красота, где-то наивность и доверчивость – под покровительством Богородицы.

Давно не ощущала такой высоты, какая в книге Андрея Шацкого, как близко душе его поэтическое видение и созерцание, как тепло от родственности с его творчеством, и безбрежная благодарность – за духовное стояние на ратных полях России.

Андрей Владиславович Шацков родился 1 декабря 1952 года в Москве. Автор четырнадцати поэтических книг. Член Союза писателей России и Международной ассоциации журналистов. Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ, премии Правительства Российской Федерации в области культуры, а также многих иных литературных премий и наград. Главный редактор альманаха «День поэзии – XXI века». Живёт в Москве и в Рузе.

ОБЩАЯ ГОРДОСТЬ, ОБЩАЯ ПАМЯТЬ

Литературное братание Калининградских «Берегов» с Воронежскими

Путь из России – в Россию, из тридевятого царства – Калининграда, пограничья, отделённого от России четырьмя таможенными и пограничным контролями, лежал через Москву, а оттуда – в Черноземье вместе с главным редактором журнала «Экоград» Игорем Панариным за рулем, Ольгой Орловой (главным редактором интернет-версии «Экограда»). В год Литературы и 70-летия Великой Победы поездке мною придается масштабное значение. Во-первых, выехать в Россию из Калининграда – это всегда событие. Не у каждого есть заграничный паспорт, а только с ним я проеду через Литву. Во-вторых, мой чемодан наполнен журналами «Берега», № 2(8)-15, в котором на этот раз плещутся литературные Воронежские берега, а открывается журнал пронзительными «Ивановыми беседами» елецкого автора Александра Новосельцева. В Липецке нас ждал автор «Берегов», № 3–14 – мужественный Александр Пономарев.

В давно задуманной поездке в Россию авторы из Черноземья выбраны неслучайно. В год Литературы – именно сюда! На Родину русской классики и ее последователей! В чемодане – журналы, а в сердце – предвкушение радости встречи с кругом дорогих и близких по духу лиц, хотя в основном знакомы лишь по творчеству, короткой переписке и цифровым фотографиям. Ум волнуется мыслями о месте России – «кристаллизованной пассионарности», как выразился Владимир Дергачев в его «Ландшафтах жизни». Он пишет: «Орловское пограничье» дало созвездие талантов: Тютчев, Лесков, Фет, Леонид Андреев, Писарев, Бунин, Пришвин, Михаил Бахтин и Сергей Булгаков. В пограничье возник гений Льва Толстого. Усадьба Ясная Поляна расположена в засечном лесу. В плодородном подстепье – малая родина Алексея Кольцова и Ивана Никитина, Андрея Платонова и Есенина. В юго-восточном пограничье в Поволжье родились Радищев, Карамзин, Белинский и Куприн».

Иван Бунин о своих родных местах говорил, что он вырос в «том плодородном подстепье, где образовался богатейший русский язык и откуда вышли чуть ли не все величайшие русские писатели во главе с Тургеневым».

Куликово поле

Посещения Куликова поля в плане не было, но когда машина вырвалась из Москвы, и глазам открылось душевно воспетое «русское раздолье», представилось, как шли войска Дмитрия Донского в этом же направлении на защиту земли русской, и этими мыслями я и поделилась со своими спутниками. Согласие было молчаливое, и я ещё не знала, согласие ли это, пока не появился указатель, и Игорь без слов повернул к священному месту России. На границе Тульской области раскинулось Куликово поле, и когда мы достигли Красного холма, весенний день клонился к закату. Это было 21 марта. Я давно заметила, что важнейшие события моей жизни или жизни души происходят в дни весеннего и других равноденствий и в дни величайших православных праздников. На Куликовом поле хотелось побывать 21 сентября, в День Пресвятой Богородицы, в год 700-летия Сергия Радонежского, но в ушедшем году удалось лишь доехать до Сергиева Посада.

Размышляя о Куликовом поле, думала о чудесном совпадении года 700-летия Сергия Радонежского и года возвращения Крыма, о духовной победе Сергия Радонежского над Мамаем, в те времена господствовавшем в Крыму, бежавшем туда после поражения на поле Куликовом и там нашедшем свою гибель. И вспоминался Александр Блок, не об этом ли он: «Куликовская битва относится к символическим событиям... Таким событиям предопределено возвращение. Разгадать их ещё предстоит».

Сначала с дороги открылся белоснежный с зелёными куполами храм-памятник во имя преподобного Сергия Радонежского, а за ним – монумент воинской славы России – памятник-колонна Дмитрию Донскому. Вечерело, в мягких сумерках окна мощного, имеющего частично вид крепости храма теплились огнями. Мы сначала заспешили к величественной колонне, что-

бы успеть поклониться до темноты участникам величайшего подвига Земли русской, уникальному произведению русского литейного искусства, состоящего из 200 чугунных элементов. Пошли напрямую, не дойдя до расчищенных дорожек, по не растаявшему еще снегу, неожиданно оказавшемуся почти по колено. Вот он, величавый обелиск, установленный 165 лет назад по проекту брата русского художника Карла Брюллова архитектора Александра Брюллова. Тянешь голову, крестясь, к золотому кресту на тридцатиметровой высоте, по триумфальному столбу с трехступенчатым основанием, с надписями и барельефами через шлемы, мечи, щиты русских воинов, сквозь пучки сужающихся кверху колонн к золоченой маковке с православным крестом. А в мыслях князь Дмитрий Донской, преподобный Сергей Радонежский, его посланники, богатыри, говоря современным языком, духовный «спецназ», иноки Ослябя и Пересвет. Брянский боярин Александр, в монашестве Пересвет, знал, что поразить Челубея, приблизившись к нему, можно лишь, позволив более длинному копью врага пройти через тело Пересвета, и таким способом, преодолевая смертельную боль, достать Челубея своим более коротким копьем. Оба погибли, но Челубей до этого считался непобедимым, будучи личным хранителем Мамаю. Потрясенная татарская конница ринулась на Передовой полк. Русское войско понесло огромные потери. Воображение рисует Дмитрия Ивановича в одежде рядового воина, который бился в рядах главного полка, был тяжело ранен. Но вот мощный удар свежих сил Засадного полка в тыл и фланг татаро-монгольскому войску! Остатки Мамаевой рати русские полки преследовали и уничтожали на протяжении 50 верст от Куликова поля. Здесь нанесен сильнейший удар по господству Золотой Орды, ускоривший ее последующий распад. Я смотрю на бескрайнее, еще частично заснеженное Куликово поле и вспоминаю где-то прочитанное, что хоронили погибших с обеих сторон в течение восьми дней. А затем мы входим в храм во имя преподобного Сергея Радонежского, возведенного в 1913–1917 годах по инициативе тульского духовенства по замыслу архитектора А. В. Щусева. Храмовая роспись – воплощение веры православной. Благостно в храме, такая неспешная служба, светло на душе и свято. Само это место святое, и триум-

фальный столб, и храм во время Великой Отечественной войны остались неповрежденными, несмотря на бои с артиллерией и бомбардировки. И снова ложатся на сердце слова В. Дергачева о «кристаллизованной пассионарности» на этом русском поле, вместившем в себе вселенскую историю, живое единство предков и потомков, для которых отсюда – с Куликова поля – поэт Юрий Кузнецов вынес:

Рваное знамя Победы,
Вынес на теле своем,
Вынес пути и печали,
Чтоб поздние дети могли
Латать им великие дали
И дыры российской земли.

Воронеж

К ночи мы добрались в Воронеж, в теплые объятия Вячеслава и Риммы Лютых. Вячеслав не раз выступал с критическими статьями на страницах «Берегов», его приезд в Калининград в октябре 2014 года стал событием литературной жизни. И было лестно и большой честью остановиться в Воронеже в их заполненной книгами квартире, долго общаться за гостеприимно накрытым столом. На следующий день была встреча с авторами Воронежа в Петровском книжном клубе, но до нее в первой половине дня мы разделились на две группы. Вячеслав показывал Воронеж Игорю Панарину с Ольгой Орловой, а мы с удивительной, солнечной, умной Риммой Лютой направились к реке Воронеж (теперь Воронежское водохранилище), чтобы совершить традиционный ритуал литературного братания берегов Балтийского моря с Воронежскими – опускание в воду кусочков янтаря из Балтийского моря.

Своим становлением Воронеж обязан Петру Первому и связан неразрывно с кораблестроением и рождением Балтийского и Черноморского флотов. В двадцатом веке Воронеж стал местом обучения космонавтов, но в год Литературы

будем говорить о писателях. В Воронеже родился И. Бунин, в 1936 году А. Ахматова навестила ссыльного Н. Я. Мандельштама, посещал могилу А. В. Кольцова и встречался со знаменитым актером И. М. Щепкиным В. Г. Белинский, М. Шолохов в течение трех лет учился в Воронежской губернии в Богучарах, и в своем рассказе «Судьба человека» главным героем делает уроженца Воронежской области. Баснописец Крылов, будучи личным секретарем С. Ф. Голицына, проездом в Саратов побывал в Воронеже, где участвовал как скрипач в концерте сопровождавших их музыкантов. Мне вспоминается Калининградская область, предшествовавшее Тильзитскому миру Фридландское сражение (Фридланд – это сегодня Правдинск Калининградской области). Среди участников Фридландского сражения прозаик, автор романов и тайный советник Дмитрий Никитич Бегичев (1786–1855). После войны 1812 года стал губернатором Воронежа.

И вот встреча с воронежскими современными авторами. Мой чемодан вместо журналов заполнился книгами, воронежским журналом «Подъем» – один из моих любимых журналов современности. В душе разлился свет, когда я начала читать подшивку «Вестника Антониевского храма» – культурно-информационное издание храма во имя Святителя Антония (Смирницкого), и эту подшивку мне подарила Римма Лютая, ответственный секретарь «Вестника...» И вспомнились мне слова Ивана Ильина о том, что «Россия спасется творчеством – возрожденной религиозной Верой, новым пониманием человека, новым политическим строительством и социальными идеями». Философ писал, что безыдейная интеллигенция не нужна своему народу, если она не исполняет своего назначения. Я очень благодарна воронежским авторам, которые прислали свои произведения для журнала «Берега»: Вячеславу Лютому, Александру Нестругину, Сергею Луценко, Сергею Чернову и Ивану Щелокову.

После воронежской встречи появилась у меня книга Михаила Федорова «Плодородный человек Егор Исаев». Егор Исаев – уроженец Воронежской области. Я не знала, и это удивительно, что Егор Исаев, оказывается, не был членом партии, но это не помешало ему получить Героя социалистического труда. Лич-

ные встречи, беседы Михаила Федорова и Егора Исаева стали содержанием удивительной книги, как будто слышишь голос самого Исаева, его размышления о философии войны, о перестройке, об изменившихся, или изменивших себе, поэтах на переходе к крутому индивидуализму. Поразила душевному величию Е. Исаева, сказавшему, что белорусы – первые русские, а мы вторые.

Михаил Федоров рассказал о поэте, и удивительно, что остальные книжные подарки были в стихах. Лежат стопкой у меня столе сборники стихов: Светланы Руденченко, где «день спелым яблоком судьбы в уста рассветным брызжет соком», «Выбирала цветы по цвету..» Зоя Колесникова, о творчестве которой Вячеслав Лютый сказал, что читатель начинает чувствовать: «мир еще человечен, а верность любящего сердца по сей день является животворящей кровью нашей литературы». «Солнце тихое» Александра Ромахова вызывает «к заповедному слову», к русским проселкам, «Монологи» Юрия Силантьева – монологи поэта о поэте, что «всего провозглашал превыше – Родину, Поэзию и Мать...». Александр Сухов в сборнике «Другой...», о котором Вячеслав Лютый подчеркнул, что «индивидуальность автора слышится в тихо звучащих в памяти строках: «еле помнит душа о просторах», «Не торопи меня, дай досмотреть закат», «Я все это видел, я жил на Земле». В них отпечаталась душа современника тех перемен, что изменили облик России».

И окунаешься в стихию народного языка в сборнике Ольги Лукъяновой «Горлинка», в которой звучит «эхо отдаленных разговоров, как с отдаленных берегов», и так пронзительно: «Друзей все меньше, свет берез – бездонней, но поле, как и прежде, все в ромашках...» Как говорит известный поэт Диана Кан о стихах Ольги Лукъяновой, это «книга именно духовных православных стихов в самом высоком смысле этого понятия». При уже сложившейся бесконечной симпатии к Лютым, они добавили к себе еще больше уважения и восхищения, когда я увидела, что почти к каждой подаренной книге воронежских авторов вступительное слово написано или Вячеславом, или Риммой Лютыми. И мне стала яснее, понята глубже эта черта литературного братства и великодушной

поддержки в Воронеже. И увидела я здесь явно просматривающуюся черту нового времени – духовное преодоление навязываемого индивидуализма, поняла, что русская идея никуда не уходила, несмотря на катастрофические вызовы времени, сохранилась священная глубина духовного опыта, его почвенность и серьезность ищущей мысли. Нравственный закон – это то, чем руководствуется художник слова, удержание себя в области света – об этом говорит Вячеслав Лютый в своей книге «Русский песнопевец», рассуждая о современной русской литературе: «Всякое мнение в пользу искусства, свободного от нравственных начал, оказывается лукавой речью». И как тонко подметил автор «Русского песнопевца», «этого не нужно забывать, и это не нужно специально помнить», потому что это входит «в состав твоей крови».

И в год 70-летия Великой Победы не могу не напомнить мои читателям, что Воронеж принадлежит к Городам воинской Славы. 25 января 1943 года в ходе Воронежско-Касторненской операции войска 60-й армии генерала И. Д. Черняховского полностью освободили Воронеж. Черняховский с войсками дошел до Инстербурга в Восточной Пруссии, этот город сегодня в Калининградской области называется Черняховском. 13 уроженцев Воронежа стали Героями Советского Союза, 3 – полными кавалерами ордена Славы. Говоря «До свидания!» ставшему родным Воронежу, с благодарностью всем, с кем Бог послал здесь радостные встречи, с благодарностью за статью о нашей встрече Римме Лютой и всем, кто написал на сайтах, скажу словами Дианы Кан:

Наш поклон родному дому.
Божьему лучу...
Щит к щиту. Шелом к шелому.
И плечо к плечу.

Липецк

23 марта мы были в Липецке. Нас встречал председатель Липецкого отделения Союза писателей России Геннадий Рязанцев-Седогин, разместив нас в маленькой уютной гостини-

це. Член Союза писателей России, он также протоиерей русской Православной церкви, настоятель храма Михаила Архангела. Он подарил две своих книги. Роман «Становящийся смысл», главный герой которого строит храм в течение 10 лет, встречается с разными людьми и сближается с ними, ведь «храм – это место, где сходятся все миры, все царства: и небо, и земля, и ад, – все соединяется в теле Христовом становящегося смысла». Вторая книга – сборник рассказов «Трудности перевода». Художник, – считает Геннадий Рязанцев, – подобен творцу. «Он вглядывается в красоту и гармонию мира горного, напивается великолепием божественных сущностей, опускается долу, чтобы рассказать миру о том, каким он должен быть. В этом суть призвания поэта. Правда, здесь он сталкивается с трудностями перевода».

Липецкая писательская организация реализовывает проект «Литературное краеведение», в котором участвуют как члены Союза писателей России, так и ученые Липецкого университета, проводя круглые столы: «Старчество: путь к рабству или путь к свободе?», «Художник и время», «Свобода человека в цивилизации комфорта». Недавно прошел вечер, посвященный 100-летию юбилею поэта Павла Шубина.

В силу занятости отца Геннадия, целый день в Липецке с нами был писатель Александр Пономарев с его женой Натальей, актрисой Липецкого кукольного театра. Александр, как я уже говорила, стал автором «Берегов» № 3–2014. Этот номер журнала был посвящен теме мужества, его рассказ «Наш принцип» запомнится раз и навсегда всем, кто его прочтет. Александр – писатель, драматург. Родился и проживает в Липецке. Автор двух книг прозы: «За нас. За вас. За Северный Кавказ» (2008), «Хризантемы для Эммы» (2012). Окончил филологический факультет Липецкого Государственного педагогического института, Республиканский институт МВД России по специальности «практическая психология». Служил в органах внутренних дел РФ. Подполковник милиции в отставке. Ветеран боевых действий на Северном Кавказе. Член Союза писателей России, Лауреат национальных и международных литературных конкурсов «Золотое перо Руси», «Славянские Традиции», «Большой Финал», «Доброе Слово», «Русский Стиль».

Мы идем по Липецку, и Александр рассказывает и показывает достопримечательности. Сначала идем в парк «Быханов сад», возникший на месте питомника плодовых и лесопарковых культур липецкого садовода Василия Васильевича Быханова, здесь стоит памятник комсомольскому вожаку и учителю В. Н. Скороходову, которого убили кулаки. Правда, в перестроечное время выяснилось, что учитель Скороходов заплатил своей жизнью за любовь к кулацкой жене. Проходим к площади Героев, к памятнику интернационалистов, идем в Нижний парк, а вот и источник минеральной воды. До реки далеко, и ритуал литературного братания с Липецкими берегами совершаем здесь, бросив кусочки янтаря в воды источника.

Александр с Натальей рассказывают о своем театре – это Липецкий государственный академический театр кукол. Коллектив театра – участник гастрольных и фестивальных проектов. В ноябре 2012 года на Международном культурном форуме в Турку (Финляндия) Липецкий театр кукол получил Золотой кубок победителя фестиваля и диплом международного жюри «За оригинальность исполнения» в номинации «Театральное искусство» со спектаклем А. Пономарёва «Вечерницы в Малороссии» в постановке заслуженного артиста РФ О. Пономарёва. Спектакль Липецкого театра кукол «Липецкая Ярмарка» А. Пономарёва, Э. Кораблиной, в постановке заслуженного артиста РФ О. Пономарёва был приглашён на 67-й Международный театральный фестиваль в Авиньон (Прованс, Франция), принял участие в Первом Международном фестивале театров кукол «Преданья старины глубокой» в городе Тамбове.

А также на сцене Липецкого государственного театра кукол проходит региональный фестиваль русской классики профессиональных театров кукол «Пушкинские истоки. Коренёвщина» с участием театральных коллективов из Липецка, Тамбова, Рязани и Курска.

Я спрашиваю о Липецке в годы войны, и узнаю о том, что во время войны на Липецк не упала ни одна немецкая бомба. Почему? Потому что в местной авиашколе в конце двадцатых годов училась группа немецких летчиков, среди которых был и будущий рейхсмаршал авиации Геринг. У него, как и у других курсантов, по легенде в Липецке была девушка, а у неко-

торых летчиков, сделавших позже карьеру в Германии, даже внебрачные дети. Уникальная житейская история Победы Любви, красоты и силы липецких Женщин над политикой, национальными и государственными интересами, даже если она мифологизирована, в мире есть и это.

Липецк – родина В. Г. Плеханова. Здесь ему установлен памятник у здания дома-музея, который является единственным музеем в России, знакомящим с жизнью и деятельностью основоположника марксизма в России, экспозиция музея показывает Плеханова как человека, без идеологической направленности.

Завершается наш липецкий день в библиотеке имени П. И. Бартенева. Петр Иванович Бартенев (1829–1912) – известный историк, первый пушкинист, археограф и библиограф, основатель, бессменный редактор и составитель журнала «Русский архив», отец отечественной исторической журналистики, родом из Липецкой области. Здесь мы познакомились с руководителем библиотечно-информационного центра им. П. И. Бартенева Татьяной Двуреченской, которая встретила нас очень доброжелательно, показала нам небольшой, но прекрасно оформленный музей им. Бартенева, подарила замечательно изданные «Записки Липецкого областного краеведческого общества», выпуск 8-й, полностью посвященный П. И. Бартеневу и его потомкам. В этом сборнике много интересных страниц, связанных с дружбой Бартенева со славянофилами, семьями потомков поэтов: Жуковского, Пушкина, Тютчева, с поэтом В. Брюсовым. А еще в библиотеке собрана потрясающая коллекция дымковской и романовской игрушки, и каждый персонаж – за чтением книги.

Прощаемся с безбрежной благодарностью с Александром и Натальей, с Липецком, где на стеле, посвященной мастерам города, парит над ним ангел-хранитель, пусть он бережно хранит гостеприимный город, а мы отправляемся в Елец, к писателю Александру Новосельцеву.

Елец

Сказать о городе Воинской Славы Ельце лучше, чем это сделал А. В. Новосельцев, не скажешь:

«У него есть СЛАВА.

Слава красивейшего из провинциальных городов России.

Слава города, приравненного указом Александра 2 к портовым городам России, имеющим право на открытую торговлю с границей.

Слава города первого элеватора и первого железнодорожного училища в России.

Слава города Бунина и Пришвина, Розанова и Хренникова.

Слава города с уникальной природой, позволившей создать вошедший в Книгу рекордов Гиннеса самый маленький в мире заповедник «Галичья гора».

Слава города со всемирно известными Елецкими кружевами, Елецкой ролевой гармошкой – прообразом аккордеона.

Слава города, в котором, благодаря имевшейся в нем технической библиотеке, человек с самой известной в мире фамилией Калашников изобретал всемирно известный автомат.

Слава города «Воинской славы», бывшего всех – от Тамерлана до Гудериана, города, где впервые во второй мировой войне фашисты, мечтавшие о мировом господстве, были окружены, и уничтожена та самая группировка, которая взяла Париж.

Слава города, находящегося под Покровом Божией Матери, спасшей и сохранившей Россию, Русь».

В Ельце мы отправились осматривать Знаменский женский монастырь. В советский период его постройки пришли в упадок. К 2004 году Знаменский женский монастырь был вновь открыт. Сейчас уже заново построен Знаменский храм монастыря, часовня над святым источником и купальня, выстроен деревянный храм во имя святителя и Чудотворца Николая, полностью отреставрирована колокольня. В прозрачном вальере – белоснежные павлины. Очень ухоженная территория с газонами и вечнозелеными насаждениями. И вид на город Елец с высоты монастыря потрясающий.

А потом мы побывали в одном из крупнейших православных храмов России – Вознесенском соборе Ельца. В прошлом году 8 сентября исполнилось 125 лет со дня освящения храма.

Вознесенский собор построен на средства жителей города. Проект был разработан знаменитым русским архитектором Константином Андреевичем Тоном – автором Большого Кремлевского дворца, храма Христа Спасителя в Москве. Вознесенский собор является одной из жемчужин православного зодчества. В настоящее время продолжается реставрация собора, признанного памятником архитектуры федерального значения. Александр Новосельцев, Александр Клоков и Андрей Найденов написали книгу «Соборный храм Вознесения Господня в городе Ельце». В храме находится икона Елецкой Божьей Матери. Было очень познавательно прочесть книгу В. Горлова и А. Новосельцева «Храм иконы Елецкой Божией Матери», где говорится, что списке чудотворных икон Божией Матери насчитывается двести наименований. В их числе Елецкая, празднование которой проводится 11 (24) января. Это наиболее древний иконографический тип иконы Богоматери, называющийся «Оранта» (лат. Молящаяся). Церковная традиция чудесное избавление Руси от нашествия Тамерлана связывает с заступничеством Богородицы, явлением ее в Ельце 26 августа 1395 года. А когда Александр Новосельцев рассказал, что в этом храме крестился писатель Валентин Распутин, сердце наполнилось каким-то особым теплым чувством к Вознесенскому собору.

В Ельце более двухсот достопримечательностей, и город требовал большего внимания к себе, на что, конечно, нужен не один день. Но даст Бог, еще свидимся!

Мы прошли по пешеходной улице, и Александр, будучи архитектором Государственной дирекции по охране культурного наследия Липецкой области, с горечью рассказывал, как не хватает некоторым ельчанам культуры, бережного отношения к архитектуре. С деревянных домов часто исчезают резные кружева наличников, а взамен – современные стеклопакеты, стены исторических построек обшиваются сайдингом, уничтожается самобытность и очарование Ельска.

Природа наделила Александра Новосельцева искрящейся многогранностью – главный архитектор города, краевед (шесть книг по истории Ельца, автор свыше 50 научных и краеведческих работ), музыкант, с красивым мужественным го-

лосом, владеющий музыкальными инструментами: баяном, гармонью, балалайкой. Он участник ансамбля казачьей песни «Червлёный Яр», руководителем которого является композитор Владимир Комаров. Кроме А. Новосельцева, в ансамбль входит Наталья Комарова – вокалистка. Коллектив собирает различные варианты текстов и мелодий казачьих и русских народных песен, частушек, наигрышей, сохраняя народную песенную культуру. Они выступают не только в городах России, но и Украины, Сербии, Польши, Индии, награждены дипломом лауреата за создание образа России и верности национальным музыкальным традициям на 7-м Всероссийском фестивале духовности и культуры «Бородинская осень». Как рассказал Александр, он придерживается традиций «застольного», домашнего пения, и так, по-домашнему, выступал в Центральном Доме Художника, в Орловском театре, в имениях Л. Толстого Ясной Поляне и Никольском-Вяземском (под Мценском), в Ростове и Азове, в Шолоховской станице Вешенской и Пухляковке у А. Калинина, в Гжели, в Сибири: шукшинских Сростках, Горно-Алтайске, у староверов под Белухой, в военных училищах и домах престарелых, в Липецке и по деревням области, в Союзе Писателей России, Доме Актера, Центральном Доме Литераторов, Академии наук России и даже на знаменитой сцене Политехнического музея в Москве. Коллектив занимается организацией фестиваля «Деревня, которой нет на карте», посвященного проблеме «умирающей» деревни». В тесной связи с деятельностью ансамбля «Червлёный Яр» находится книга Александра Новосельцева «Пал», на страницах которой можно обнаружить и песни ансамбля. «Червлёный Яр» принял участие в программе братьев Заволокиных «Играй, гармонь!» Передача, снятая в Ельце, была приобретена рядом зарубежных телекомпаний. Интерес к елецкой гармонии вызвал поток писем с Дальнего Востока, Севера и Казахстана. И просьба была одна: возьмем елецкую гармонь за любые деньги, только пришлите! В музыкальных отделах городских магазинов мгновенно были раскуплены все гармони.

Когда к ночи на машине Александр привез нас из Ельца в деревню Польское Становлянского района, мы оказались в центре что ни на есть бунинских мест, деревня Озерки, где жил

Бунин – в двух верстах. Остановились в жарко натопленном доме приветливого Геннадия Михайловича Алвина, искренне радовавшегося неожиданным гостям. А потом Александр принес гармонь и растянул меха: полились живые звуки особого народного инструмента, душа наполнилась уверенностью, что жива душа России, и никогда не умолкнут звуки гармонии на ее просторах. Вот как звучит гармонь в описании самого Новосельцева в его книге «Свет надежды»: «Гармонь выдохнула громкий чистый звук, похожий на голос счастливой молодухи, за которой ухлестывала вся деревенская округа, а замуж вышла по любви за ухаря-гармониста»

Но больше всего с Александром Новосельцевым роднит любовь к творчеству Ивана Бунина. Елец – это любимый город Ивана Бунина, с которым тесно связаны его детские и юношеские годы, город, изображенный в романе «Жизнь Арсеньева» и некоторых рассказах. Вот как писал Бунин уже в эмиграции: «Гул колоколов с колокольни Михаила Архангела, возвышавшейся надо всем в такой величии, в такой роскоши, какие и не снились римскому храму Петра, и такой громадой, что уже никак не могла поразить меня впоследствии пирамида Хеопса...» В Ельце открылась Бунину торжественная красота России.

Я снова и снова открываю подаренный «Свет надежды» Александра. В ней «Записки с родины Бунина»: «Край Бунинский. Век спустя». Я перечитываю их, и с новой силой встают перед глазами Озёрки, где в пруд, над которым стоял дом Бунина, мы тоже опустили кусочки янтаря, огромные черноземные поля, обсаженные по периметру двумя рядами берез, открывающиеся несколькими горизонтами просторы, как замечательно заметил Новосельцев: «Неба над ними много, его здесь больше, чем самой земли: со взгорков и верхушек полей видно, что земля с небом сходятся не сразу, сближаясь за тремя-четырьмя дымчатыми горизонтами». Стояла чудная погода, солнечный конец марта. Александр возил нас на машине и показывал эти взгорки, с мягкими после зимы красными ягодами на кустах шиповника, верхушки полей, свои грибные места, вместе с нами дышал весенним воздухом, угощал березовым соком с поверхности пня, срезанного кем-то довольно толсто-

го дерева. Мы кланялись этим взгоркам и полям, небольшим перелескам, большим глазам двух прудов у маленького домика Александра, у которого он «свел бурьян, освободил от непролазных кущ задичавшей вишни и малины. От переложенной выбеленной печи стал он наполняться жилым духом, изгоняя многолетний тлен».

На каждой странице книги Новосельцева встречаешься с автором-мыслителем, раздумывающим над тайной «угла падения» все падающей со времен Бунина и до сих пор не упавшей окончательно русской деревни.

Я вспоминаю удивительную тишину ночи в Польском, которую Новосельцев называет «величайшей в мире роскошью», и, говоря словами Бунина, «эту коричневую, чёрную, уже согретую весной грудь земли, и эти ростки и побеги вокруг, исполняющие свое предназначение, и сладкое головокружение от весеннего воздуха».

«Есть в этой жизни вещи вечные, – пишет Новосельцев, – и березовые аллеи, и пруды, а главное – чернозем». И я понимаю, что увезу с собой в душе эти многоуровневые горизонты, повторяя про себя вечные бунинские строки:

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет – Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я все – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав.
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленам припав.

Или описание Буниным полевых дорог в прозе: «Ах, эти проселки! Весело ехать по глубоким колеям, заросшим муравой... Ничего не видно ни впереди, ни по сторонам, – только бесконечный, суживающийся вдаль пролет меж стенами колосистой гущи да небо, а высоко на небе – жаркое солнце».

Возвращаясь мыслями к поездке в Черноземье России, чувствую, как мое сердце поет с благодарностью Римме и Вяче-

славу Лютым, Александру Пономареву и Наталье, Геннадию Рязанцеву, Татьяне Двуреченской, Александру Новосельцеву, Геннадию Алвинову за чувство дружественности и духовной любви, за единение, вспоминая слова Ивана Ильина из книги «Поющее сердце»: «На свете есть только одна возможность выйти из жизненной пыли и противостоять её вихрю; это – духовная жизнь. И вот, истинная дружба – это духовная любовь, соединяющая людей».

О Владимире Подлузском (1953–2021)

Личность Владимира Всеволодовича Подлузского, его творчество, его широта мышления незабываемы. Он был мыслителем, и это большая редкость в наше время, человеком талантливым, отзывчивым, профессионалом в литературе, активным и автором, и читателем.

У него болело сердце за Россию, за нашу литературу, за то, что литературной элитой в наглую называют себя те, кто так далёк на самом деле от этого понятия, болело сердце от уколов братьев и сестёр по перу, болело сердце от узнавания о бело-русских братьях, побежавших под флагом полицаев, от безумия «масочников» и «вакцинатов».

Владимир Всеволодович – чудный певец и пророк воссоединения трёх братских славянских народов, разоблачавший провокаторов, набрасывающих сети на многие опорные пункты подлинной русской литературы.

Когда была опубликована поэма «Стародубская пророчица» – предпоследняя публикация Владимира Подлузского в журнале «Берега», она идеально вписалась в многоплановый номер, благодаря уравниловке во времени и пространстве. Перед нами жизнь русского человека, славянина, попадающего в сложные ситуации и остающегося гражданином Отечества. Наверное, и через сто лет учёные тщетно будут разгадывать феномен современных авторов: их не замечают ни чиновники, ни депутаты, а они сияют ярким светом духовного начала и зовут за собой, возвышают читателя.

Владимир Всеволодович говорил: «Идеологические небо-скрёбы и высотки со сладким западным душком, они оттолкнули читателя, бросившегося на всякие пестрящие цветными обёртками помойки, типа перестроечного «Огонька». Нас всех коротичи сделали укороченными, как бы суженными, о чём предупреждал ещё Достоевский. Мы клюнули на дешёвые сенсации, искажающие смысл русского бытия. Однако всегда оставался довольно густой слой интеллигенции, которому милее родниковая вода, нежели бутылки со всякой западной, расцвеченной опасными реакциями, жидкостью. Потому и постепенно возрождается национальная словесность, наполненная звуками и ароматами нового столетия, способная реабилитировать утраченный вкус русской классики».

Валентин Яковлевич Курбатов, тоже светлая ему память! – отозвался о «Стародубской пророчице»: «Поэт не дал необходимого малого примечания. Он-то знает, что такое Стародуб, а мы, грешные, – нет. А вот знали бы, что он в прошлом столица Северской запорожской сечи и украинской крови, то текст сразу ранил бы сердце и заставил слушать его и русским, и украинским сердцем, которые разорваны произволом века и бесчеловечными играми политических честолюбцев. Но тема взята важная и больная, и «пророчество» милосердно и врачующе. Дай Бог, и сбудется! И опять у нас сердце будет одно. Любо!»

А вот поэт и глубочайший аналитик Сэда Вермишева о Владимире Подлузском: «Мой низкий поклон и благодарность Владимиру Всеволодовичу Подлузскому. Не достойна моя работа таких оценок. Но если приносит она хоть какую-то пользу людям – значит, надо продолжать её и в новых неблагоприятных условиях, а они нарастают. Еще раз спасибо бескрайнее Вам и Владимиру Всеволодовичу, передайте, если можно, ему эти мои слова с любовью»...

О Владимире Подлузском с уважением, высокой оценкой, с восхищением и признанием его книг и статей писали Григорий Блехман, Татьяна Грибанова, Николай Ольков, Владимир Скиф, Геннадий Сазонов, Нина Волченкова, Владимир Корнилов, Екатерина Козырева, Наталья Егорова и многие-многие его прекрасные, талантливые современники.

Можно написать отдельную книгу по отзывам и комментариям Владимира Всеволодовича и о нем. Я была очень счастлива, когда Вера Николаевна, вдова поэта, прислала мне – уже после ухода Владимира Подлузского – его несколько книг, которые я перечитываю, каждый раз испытывая удовольствие от встречи с его мощной поэзией, его художественными наблюдениями. Мы шли рука об руку как путешественники по литературным просторам нашей планеты, удивляясь или даже испытывая умиление от единодушия в оценках встреченных нами поэтов или прозаиков, которые умеют различать великое и ничтожное, обладают самодостаточным космосом.

К 70-летнему юбилею Владимира Всеволодовича удалось выпустить сборник воспоминаний, посвящённых певцу славянского мира, прекрасного образа славянки «Поэт Владимир Подлузский», он размещен на сайте <https://dovydenko.ru/> с возможностью скачать книгу.

Печатный вариант и электронный отправлены в библиотеки Сыктывкара и Брянска, Брянской области, Омска и Калининграда. Книга включает в себя воспоминания и эссе как самого Владимира Всеволодовича Подлузского, так и его ближайших друзей и соратников: Александра Александровича Лобанова, Веры Николаевны Подлузской, Людмилы Михайловны Максимовой, Лидии Владимировны Довыденко. Издание богато иллюстрировано, в том числе в цвете, украшено стихами Владимира Подлузского, короткими, но яркими характеристиками творчества его читателей.

Сергей Пылев написал о новом издании: «Чтение книги, посвящённой известному русскому поэту Владимиру Подлузскому, убедило меня в том, что она наполнена высокими духовными смыслами, волнующими приметами благородных качеств последних значимых литераторов нового искривлённого времени. Она как кладовая истинных достоинств и особенностей видения мира людьми, по-настоящему творческими. Высокий уровень мировоззрения трёх авторов: Александра Лобанова, Людмилы Максимовой и Лидии Довыденко, – является настоящей питательной почвой для глубоких судьбоносных выводов».

Степень духовного влияния поэта в современной литературе нелегко уловить и понять, потому что нет таких счётчиков. Но несомненно то, что благодаря таким национально-мыслящим поэтам происходит выражение в художественной форме целостности русской духовной почвы, разоблачение абсурда постмодернистских проектов. Владимир Подлuzский выражает лучшие стороны своего самобытного народа, крепит его духовные фундаментальные основы, чтит традиционные ценности.

Последний этап жизни Владимира Подлuzского совпал по времени с эрозией культуры, деформации понятия Божественного среди наиболее «прогрессивных» государств на планете, свергнувших и российское общество в эти процессы эрозии и нравственного оскудения. Но Поэт всем своим творчеством ответил отказом – пригубить из козьего копытца, оглядывая мудрым взором пути человечества и выражая поэтическим языком философию сердца, добра, истины и красоты.

«ПОЭТ – СПАСАТЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

**О трёхтомнике поэзии Дмитрия Мизгулина
«Избранные стихотворения». – С-Пб, 2019**

Три тома стихов Дмитрия Мизгулина, разделённых годами: с 1974 по 1994, с 1995 по 2004 годы и 2005–2019 – сокровенные свидетели не просто времени, а переломных лет в истории не только Отечества, но и планеты. И этот всемирный взгляд поэта притягивает к себе пристальное внимание, к его темам, сюжетам, свойствам образной речи, своеобразию стиля, сердечному устремлению.

Дух движения в пространстве и времени пронизывает творчество Дмитрия Мизгулина, чувствуется философский лиризм и поиски глубины на обмелевшем море умствования и морального банкротства.

Взяв эпиграфом слова Александра Пушкина «Россия, встань и возвышайся!» – Дмитрий Мизгулин делится с читателями своими размышлениями, прозрениями, озарениями о судьбах Отечества, о нас, землянах, о призвании русского поэта.

«Где твой Бог, родная планета?»

Был большой, уютный дом – единый народ из 15 республик, была вера в свет, благодетство, славянское братство:

Было Отечество, было, и нету.
Ветер гуляет по белому свету.

Поэт стал свидетелем разыгранной шоу-битвы в мире, заполыхавшего Приднестровья, Кавказа, падения Берлинской стены, активизации бандеровщины. На пустеющее гнездо сиротства стала похожа земля:

Опять не засеяно долгое поле,
Но брошено семя обиды, войны и позора.

Боль за Отчизну, глубочайшую нежность к матери-земле
чувствует поэт, вопрошая:

Где твой Бог, моя Родина-Русь?

Где твой Бог, родная планета?

Как выход и утешение, как возвращение к своему родному
коду русскости, Православия, как тёплую руку поддержки про-
тягивает поэт читателю:

Мы жили, не зная молитвы,
Без Бога построили храм.
И всё уступили без битвы,
Доверившись лживым волхвам.
Господь...

Услышав слова покаянья,
Простит нам былые деянья.
Услышит молитвы – и разом
Вернёт нам и силу, и разум.

...Во всем по заслугам
Воздаст непременно сполна.

Поэт имеет право на укор, если наделён духовной силой,
если берёт на себя ответственность и формирует обществен-
ное сознание, собирая воедино славянскую душу:

Все ждём, а надо бы спешить,
Немного нам Господь отмерил...

Пронзительные мотивы стихов: вечный «терновый венец»,
удручающая пассивность, ожесточённость или безысходность
в борьбе за существование, горечь утрат:

А непутёвые сыны
Пропили Родины богатства...
Забрали нефть, забрали лес,
Ушли с насмешкою и злобой.
... Гуляет нынче непогода
По всей планете.

Русский поэт отыскивает поводы для радости: «утренние голоса птиц», «играющее солнце, «синь бескрайних небес». Попробуй, это отбери, если есть жажда нравственных начал, если есть «время для молитвы» об укреплении духа, о чистоте и ясности ума, о том, чтобы не допустить опускания рук, чтобы не утонуть в житейской суете, а выбрать Родину и Бога.

Творить своё время

Дмитрий Мизгулин говорит, что «Поэтами рождаются, но не всегда становятся». И для становления поэт предназначен «творить своё время, а не отражать его». Он «созидатель времён». Среди «поколения вкладчиков» не все предатели, но всё же:

Измена здесь, измена тут...

Но если рассматривать человека как вершину духа на земле, если помнить и хранить в себе его как символ победителя, символ духовной высоты, то можно этому противостоять, выражая себя по-мужски смело перед трусостью и потребительством, с твердостью перед враждебными силами – это и творческий потенциал, и отход от стереотипов, и мягкость и нежность, как к матери, к родной земле.

Поэту свойственна смена форм деятельности, среди которых поэзия – душевная исповедь, образное выражение русской тоски, печали о несбывшемся, и в то же время синтезированная в словесном оформлении потребность в интеллектуально-духовном труде.

В этой жизни мутно всё и зыбко,
Но полны предчувствием любви
И твоя прощальная улыбка,
И глаза печальные твои.

В них сила молитвы, вера в то, что ты будешь понят, это духовное ополчение перед «мутностью и зыбкостью», желание «седлать коней и быть», «вершить свой труд»:

Душа надеждою жива,
А сердце – делом.

Космос Мизгулина

Я старею так непринужденно,
Что совсем не страшно мне стареть, —

потому что ты ведь обретаешь мудрость, ты делаешь всё, чтобы было меньше зла, а больше – добра и понимания. Ты знаешь интуитивно, что если «погаснет последняя спичка, //то вспыхнет последний костёр», а увидев, как «на том берегу и на этом сирень беспощадно цветёт», ощутишь гармонию и успокоение:

О самом простом и хорошем
Подумалось мне в этот час.

Это как шёпот небесный, повеление жить ради той земли, где родился, в том времени, в котором пришёл в мир, оттаивание заледеневшей души, ностальгия по подвигу и нравственной чистоте, трогательная человечность и сердечность.

Озарится пусть душа свечением
У иконы тающей свечи.
И наступит тишина такая.
Что услышу, сердце затая,
Как, сама себя превозмогая,
дышит тяжело русская земля.

Земля живёт «в век тотальной обналички», когда «всё шумим и спорим», когда «замело снегами нашу память, //Легкими становятся утраты», «остывают страсти в человеке», «потерялась в сумерках дорога».

Наш газ охотно пользуется планета,
Мы снова в центре мировых судеб.
А сами кое-где сидим без света,
И денег – только на насущный хлеб.

У нас в мозгах то карнавал, то саммит,
Не ведаем, где друг, где лютый враг...
Пусть виноват весь мир,
Но мы-то сами,
Но мы-то с вами – люди или как?

Бессчётны потери в погоне за металло-пластиковыми благами цивилизации, и как много человек обретает, обратившись к отчему дому, родимому краю, к своим корням, традициям предков.

Вот поэт выходит на берег Иртыша и видит буксиры с «клубящимся дымом над трубой и флагом над кормою», чувствует, что осознаётся «грех унынья», что «где-то вершится молитва», а «слова разлетелись, как пули, //и головы бесы пригнули».

Раз случилось, значит, так и надо.
Просто это время снегопада,
Остывают небеса и реки

Всё, что нам казалось самым главным,
Исчезает в снегопаде плавном.
И снега бескрайние покроют
Наши души сумрачным покоем

Утром выйдешь – а вокруг сугробы,
Отыскать тропинку хорошо бы,
Удивишься – сколько в мире света..
Хорошо б опять дожить до лета.

Выйти утром к солнечной реке —
Без любви и счастья – налегке.

Воспринимая наши кризисы и сложности как временные, человека как «бессмертное создание творца», поэт Дмитрий Мизгулин верит, что «когда-нибудь да пригодится России умный человек», в силу несломленного духа и русской самобытности, в то, что Поэт – спасатель человечества и земли, и с ним трудно не согласиться, потому что он наш, русский, православный, славянин, сын своего народа, над землёй которого так много неба.

«МИГ НАДЕЖДЫ, ЧУДА, ВДОХНОВЕНИЯ...»

**О книге Людмилы Воробьёвой.
Литературная критика. Сборник статей. –
М: Российский писатель. 2022**

27 объёмных статей, составивших 608 страниц книги, говорят о талантливой отзывчивости Людмилы Воробьёвой на яркие явления в современном литературном мире в России, в Республике Беларусь и среди пишущих на русском языке в Германии. Все три части сборника подчинены единому стилю, в фундаменте которого «философия света и мудрости», тонкое кружево исторического и метафизического, при подчеркнутой приверженности Людмилы Воробьёвой критике в духе русской традиции.

Минчанка, она хорошо знакома читателям таких изданий, как: «Берега», «Наш современник», «Москва», «День литературы», «Подъём», «Приокские зори», «Север», «Нёман», «Новая Немига литературная», «Российский писатель», «Осиянная Русь» и множества других, она автор книг: «Душа слова», «Время жизни, любви и подвига», «Единство вечных истин».

И вот новая, великолепная книга критики. Авторское чутьё Людмилы Анатольевны, сам воздух её критики, тепло дыхания в часто холодной атмосфере равнодушия обретают полноту и цельность при, казалось бы, таких разных творениях современников в их отражении действительности, в жанровом отношении, но скреплённых точностью схваченных деталей при разных ситуациях, пережитых героями статей, созданных Людмилой Воробьёвой.

Она видит в творчестве выбранных ею авторов реющие стяги истины, находки сердца и ума, души и образной речи поэтов и прозаиков, подчеркнуто дистанцировавшихся от постмодернизма и постчеловека, провозглашающего толерантность, но на самом деле такого далёкого от терпимости и благородного восприятия. Она различает иногда несовпадение автора книги и его героя, по-разному отыскивающего свой собственный путь в творчестве, сохраняя национальную

самобытность. Как говорил Михаил Пришвин в своих дневниках: «Содержание произведения есть сам художник», поэтому так пристально всматривается Людмила Воробьева в отмеченных её вниманием литераторов. «У правды стоят всегда двое: тот, кто сражается против неё, и тот, кто стоит за неё», – пишет Людмила Анатольевна, размышляя о творчестве Игоря Григорьева, отмечая схваченную им и отражённую в поэтических строчках подлинность бытия, тернистый путь России в поэмах: «Стезя», «Обитель», «Русский урок». «Несчётные суммы утрат» должны получить оправдание и должны быть восполнены, что особенно актуально в контексте вечного противостояния цивилизаций.

Анализируя творчество Натальи Егоровой, автор сборника критики внимательно всматривается в тему русской поэтической традиции, выделяя её триединство: Бог, Вера, Православие, сохраняя нравственно-философские и духовные ориентиры русской культуры, соединяя надмирное и повседневное. Выражение в слове непостижимого, «душ высоту, что идут по судьбе, как по водам», – это планетарный взгляд русского поэта Натальи Егоровой, утверждающей силу и энергию самой жизни. Её творчество – доказательство того, что могучие реки поэзии по-прежнему полноводны в России.

Неподдельная искренность отмечается в книгах Михаила Позднякова, это «школа простоты», «поход в детство», как когда-то ходили в народ, уважение к маленькой личности, и в основе всего – мелодия белорусского слова.

«Божественный свет любви и покаяния» льётся со страниц книги Натальи Советной «Угадывай любящим сердцем». Промысел Божий заключает в себе великую тайну о человеке. Это книга для каждого, потому что освещает «наше личное движение к Истине». Она направляет на труд души, даёт откровение, вызывая к лучшему в сердце. Покаяние, духовное исцеление, подлинная картина бытия, широта мысли и евангельский свет – книга как органическое целое философии и литературы.

Нравственный императив самоусовершенствования личности доминирует в творчестве Анатолия Андреева. «Ундина. Монолог Маринеско» – это философско-психологическое произведение ставит во главу мысль об ипостаси гуманности.

Борьба души, ума, психики и сознания становится предметом анализа Анатолия Андреева через образ Маринеско, его дилемму возмездия и прощения, невероятно сложный духовный путь к правде. Забытый подвиг поднимается из глубин забвения на поверхность жизни.

Невозможно перечислить все книги, которые анализирует Людмила Воробьёва, но это список реакций её затаённого внутреннего мира, где просторно большим смыслом для созерцания и соучастия, для расширения панорамы и внимания «субъектам» в их видимой единственности.

«ЗОЛОТОЙ ВИТЯЗЬ» В КАЛИНИНГРАДЕ

Встреча с поэтом Александром Орловым

Когда Александр Орлов ответил согласием на приглашение – приехать в Калининград, я уже предвкушала приятное, или лучше сказать – пир души – многогранное общение с интересным мне человеком – Поэтом, который не только не разочаровал, но еще больше укрепил меня в вере в талант и самоотдачу благородного, храброго витязя русского слова. Первая встреча состоялась 11 августа 2022 в библиотеке имени космонавта А. А. Леонова в Калининграде, которая стала ярким творческим вечером поэта, прозаика, публициста, педагога, историка, директора Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь», члена редакционного совета журнала «Берега», постоянного автора журнала, составителя рубрики журнала «Поэтическая седмица». Он также член Совета экспертов Патриаршей литературной премии им. Кирилла и Мефодия, член литературного форума «Мирь Слова» Издательского совета Русской Православной Церкви.

Собравшиеся читатели и авторы журнала «Берега» радостно встречали выступление Александра, не заметив времени, заслушавшись стихами из свежих сборников поэзии: «Ожившее солнце» и «Кимера». Александр Орлов для общения выбрал какую-то особо сердечную ноту, так что то и дело собравшаяся аудитория вздымала руки в аплодисментах, разделяя его оценки культурной и общественной жизни, подходы к педагогике, с интересом слушая рассказы об известных писателях, и, конечно, душевно одобряя прочитанные стихи, пронизанные верой в духовное преображение жизни. Очень приятно, что в нашей встрече принял участие известный яркий мыслитель, писатель, профессор, доктор филологических наук, Андреев Анатолий Николаевич, развивший тему сегодняшнего учительства, ведь Александр Орлов еще и учитель истории. Я люблю такие встречи, очень признательна всем участникам, потому что в них теплота, благородная скромность, интеллект и красота души.

«Солнце духа»

Поэтический сборник «Ожившее солнце» Александра Орлова – это «солнце духа» (Николай Гумилёв), светившее над Россией многие века назад, и оно вновь оживает в актуальном мире, в котором пребывают поэт, его читатели, его родные и близкие люди, фольклорные образы: Житник, Жихарь, Полудница, Хозяин вод, Травница..., стоит лишь оказаться наедине с природой, как они оживают, преодолевая временные пласты. Круг образов из древних мифов и народных поверий удивляет новизной авторской подачи, преломлённой в лучах не только ожившего солнца, но ночных звёзд, в поэтической стихии личностного восприятия.

Поэтические дороги не бывают пустыми, оказалось, что только вслушайся и всмотришься, ты ощутишь некий священный трепет перед природой, вековой Россией, в которой слышны «чародейные речи», если только «небесным тишинам своё сердце откроешь», если «забудешь трассу, город и век», то, сделав «привал в каком-то захолустье», ты становишься причастным к «слезливым тайнам некошенных трав», к открытию холодных звёзд, среди которых «одну я всю ночь согревал». Звёзды, воды, травы и колосья, что «быстро ушли на размол», «меня молча добром поминали». Все эти художественные образы одушевлённой природы не только «населники небылиц». Это мир поэта, для которого «и от стогов неубранного жита // на небо возносился русский дух, // освобождённый от назойливого быта». Раскрывая «ромашковую бездну» природы, её «свет огнеликий», поэт ищет любви, а поиски раскрываются «вереницей связей» в едином времени Руси:

Ушли по звёздам стадо и пастух.
Как звали его – Велес или Власий?

«Богом поцелованный хромец»

Природные образы поэтического сборника сменяются христианскими темами. Спаситель идёт босиком, «следы остав-

ляя на море». «Богом поцелованным хромцом» называет поэт святого блаженного Константина Новоторжского, чудотворца, который любовью растопил «тысячи сердец и зимы всеильную опеку». Поэт ощущает себя «сыном небесного народа», познавшего «в себе Христа», «под молитвы встречающего зарю»:

И с небом не прерву я разговора.

И я не прерву разговора с поэзией Александра, оставляя горячие закладки августовского солнца в подаренный сборник, чтобы снова к нему не раз вернуться.

И ливень бил по городу жестоко,
Навязывал в горячке полутьму,
Всё рассказать хотелось – но кому?
Воде, осевшей в недрах водостока,
Или, быть может, Небу самому?
Мне вечер не оставил и намека.
И руку друга я при встрече жму...

Балтийск

12 августа гости отправились в Балтийск. Огромная благодарность отцу Игорю, штатному клирику Собора Кирилла и Мефодия города Калининграда, иерею Игорь Симакову. Это человек высокой культуры, глубоко интеллигентный и сердечно открытый, он заботливо вёз нас в самый западный город России Балтийск, придавая особое значение творческой деятельности писателей-почвенников, противостоящих культурной эрозии словом и делом, стоящих на защите русского языка. На всех наших встречах он отмечал важность Света Православного слова, любви и добра.

В Балтийске мы совершили морскую прогулку к Северному и Южному молу, к рейду Балтийского моря, и, пройдя по старой части города с маяком и памятником Петру Первому, пришли в Свято-Георгиевский морской собор поклониться частичке мощей Святого праведника Фёдора Ушакова, не знавшего поражений легендарного адмирала, помолиться за победу Рус-

ского мира. Нас благословил настоятель Свято-Георгиевского морского собора Балтийского флота, помощник командира бригады по взаимодействию с верующими военнослужащими архимандрит Софроний, доктор богословия, первый священник в Калининградской области.

В библиотеке имени В. Г. Белинского мы пообщались с моряками Балтийского флота, познакомились с заместителем Председателя Совета ветеранов Балтийского флота, капитаном 1-го ранга, служившим на Балтийском флоте, участником дальних походов, поэтом, Почётным гражданином БГО Владимиром Алексеевичем Мурзиным, который рассказал о своих взаимодействиях в настоящее время с Донбассом. От всей души благодарим ведущего методиста Балтийской ЦБС – Елену Валентиновну Ковтун.

Светлый

Завершающим городом литературных встреч с читателями стал Светлый, молодой город, активно развивающийся в последние десятилетия. Эту встречу в библиотеке имени Николая Фёдорова организовал молодой писатель и журналист Дмитрий Коновалов, который на всех трёх встречах отмечал важность общественной деятельности, направленной на укрепление духовности русского народа.

И вновь Александр Орлов говорил так, что никто не заметил, что прошло два часа. Речь шла о литературном форуме «Золотого Витязя», о работе в Издательском Совете РПЦ, в жюри Патриаршей премии по литературе. Жизнь немыслима без Бога, без Отечества, без духовных произведений, почитания отцовских традиций – эти мысли составили духовный стержень выступления Александра Орлова.

Феномен целостного осмысления жизненных явлений, сохранение исторической памяти стали ключевыми в тематике книги «Кимера», отдельные стихи из которых были прочитаны автором на встрече.

«Кимера»

Поэтический сборник «Кимера» получил название от деревни, откуда произрастают корни поэта, который «был призван в православные войска», где сливается родовое чувство с православным, где «люди сходятся сердцами». Александр Орлов обращается к теме Великой Отечественной войны через рассказы конкретных людей, с которыми ему довелось встретиться. Поразил рассказ о его бабушке, которая взяла в семью на вокзале брошенного родственниками участника войны, лишившегося ног.

Жизнь великого страдания и великого сострадания продолжилась, в эпоху СВО эта тема опять пронзает душу:

В звёздный сумрак берёзовый пар
Вновь уходит, как в армию парни.

Духовная трезвость и нежность к близким по духу людям и святым, как праведный исповедник Иоанн Русский, чудотворец:

Мне теперь и не снятся погони,
Стал мне братом конёк-горбунок.
Повстречал я на русской иконе
Иоанна, что жизнь мне сберёг.

Обретение устойчивости, собственного развития в органическом духовном единстве с «медоваром, аскетом, молчальником» и святым преподобным Трифоном Вятским, чудотворцем, ангелом кротости, и рыболовом Андреем, «ждущим отца с Петром», и четырьмя прадедами – везде «сень родовых крестов», «раскрытый вижу настезь Отчий дом».

Вопреки навязывающей себя модернисткой мировоззренческой бесплодности Александр Орлов противостоит им и этим близок современным, свежим словом перед небесами, Богом, Отечеством, родом в своём неподражаемом интонационно-художественным почерке. Залог победы света над тьмой – такая поэзия, в которой мы узнаем себя и друг друга через неуничтожимое чувство правды, неизъяснимое духовное родство, Божественное единство.

«СТИХИЯ МИЛОСЕРДНОЙ ЛИЧНОСТИ»

**О книге Василия Килякова
«От истока к устью». – Воронеж, 2021**

Стихотворения заветно полны любви к родной земле
и ко Господу нашему! Это классика современной
поэзии. Есенин там, предполагаю, в восторге!

Сергей Пылев

Получив сборник «От истока к устью» из рук самого автора, открыла самодостаточный поэтический космос, обретя нечаянную радость, чувство плотности и надежности внутреннего мира русского православного человека.

Зная, что Василий Киляков – талантливый оригинальный прозаик и объективный критик, с теплом в душе увидела, что, как поэт, он обладает своим голосом и лирической интонацией, в которой трагические волны бытия обретают мощностъ симфонии. Вступительное слово к поэтическому сборнику написала вдумчивая Римма Лютая, определившая его как «лирическую стихию милосердной, внутренне чистой и доброй личности».

«По дороге неторной, ковыльной»

Исток жизненной реки лирического героя Василия Килякова – это светлая Русь и извилистый путь, как без него, без движения, путь неторный, ковыльный, а взгляд – чаще в небо, чем в землю, на отдалённые звёзды, на дальнее светило – луну, в «миры иных полей», чей холодный свет рождает желание прижаться к родной, тёплой почве, как к матери.

Куда направлен «коней торопливых очарованный бег»? А полёт вольных журавлей? А куда мчит «фордик меж полей»? Нет ответа, никто не догонит, потому что не знаем, куда идём. Нам хочется пристальнее всмотреться в жизнь наших предков, наших мам, и не обнаружить там нынешней окаянности, а лишь святость:

Утром она, как святая,
Последним – голубок кормит.

Память подгоняет другие картины из прошлого, дарующего
силы природы с избытком. Вот семья лосей переплывает Оку:

Потом на берег первозданный
Все выбрались —
И затрубил
Сохатый дико и гортанно
В избытке грозных, дерзких сил.

И вся Россия предстаёт океаном сюжетов и тем, глубинных,
величавых, священных:

И такое волнение, братцы,
Словно в небо нырнул головой, а до дна
Ну, никак не добраться.

Вдруг, случайно встреченный человек видится родным:

Рукою доброй человека
Взял русский человек.

И это нормально, по-божески, душевно, вольно, широко.

И как овец печальный пастырь,

Пасёт три тучки небосвод, под которым протекает «жизнь-
веснянка в васильковом платице».

«Млечный Путь пылит...», не от его ли пыли вдруг возникает
желание странствий, неудовлетворённость существующим
положением:

Уеду вдаль, уеду навсегда...
И вновь пойму, что я люблю Россию,
В которой счастье жить и умереть.
Власть земли, ее неизмеримая сила удерживает,
«коренная система любви
Да к земле крестьянская тяга».

Вспоминается сенокос, во время которого попадаете
птичье гнездо:

«Обойду, окошку, сберегу...»

Острое чувство пронзительной нежности ко всему живому
особенно сильно в деревне, где «лежу в стенах на сеновале —

и жизнь люблю», где «бойкий петух горланил,
И заря на ладонь легла», где «куры пьют из лужи//
небес голубизну», где «заря костром калины //
Сентябрю рубаху сушит».

Это чудо русской стихотворной речи, сладостного бытия,
когда заплечный груз лёгок, как перышко, а ты, как река, про-
бивая себе путь меж холмов и лесов, отражаешь в себе небо, его
иконописные краски на заре.

«Мы разные, а путь у всех один...» – говорит поэт. Это путь
поиска, ответов на извечные вопросы:

Под какую корявой звездой
Ты, Россия, плывешь в непокой?
Неужель, чтоб ожить, тебя мертвою
Сбрызнут водой —
А потом уж живую?

И вновь поэт бежит от «ожиревшей бабы Москвы», в дерев-
ню, которая

«душу вылечит и разбудит,
Образ вымоет до новизны...
И вспыхнет светом «добро, что несёт она людям,
То, которому нет цены...»

Только бы хватило веры «в народ наш искренний», было
бы «чувство Бога», а в неверии – гибель и «вселенский страх»!

«Неповторимое»

Что такое неповторимое? Это чувство любви, чувство остро увиденного бытия, неотвратимого, внезапно наступающего и переполняющего:

Заболеть бы непоправимо
Безответной любовью.
Снова стать гордым, нежным,
И счастливым – так ясно, так зримо.
И счастливо-безбрежно —
Непоправимо!

Это рука об руку идущая, восстановленная ненадолго действительно счастливо безбрежная гармония, предчувствующая несбывшееся:

Я постигаю этой жизни суть —
Увидеть сердцем, как не вечно
Всё, чем так люди дорожат.

И в теснинах горней души, на путях прощения и сердечного умиления, а также осознания неслиянности с той, кто знает пределы и муки, рождается молитва:

Я украдкой молюсь за тебя...

А в «саду гремит тишина», пронзённая соловьём среди жёлтых акаций, и пылает костром боль души: «Было! Было!» и, может быть, детская, чистая вера в Божественную доброту.

И в осмыслении целостности жизни, в осознании того, частью какого целого ты являешься, нет обид, безысходности, ощущения тупика, а есть вопросы, рождённые в напряжённом личностном пространстве поэта:

Кто же жизни выучит умных нас?
О Господи, зачем мы все не дети?
Зачем враги?
Мы все в пути...
В одном огне мы все горим...

«Дар и вечность»

Родная земля, Православная вера взрастили мудрого, мужественного и в то же время нежно и тонко чувствующего, любящего, благодарного сына, в сердце которого боль за утерянные смыслы, за погасшие источники света:

Третий Рим, проданная земля,
Толпа рассеяна, столица пьёт.
Родиной сорят... Жизнь – базар.

Его сердце в печали «за крест Христов», за потери, за «жизнь на тризне», оно жаждет «подвига и труда», совестливости, правды, нравственности... Его взгляд органичен и пристален, что даёт ощущение его не одиночества, а как одного из нас.

Ведь не зря:

Пригубил я святого питья
Окаянной душой поэта.

Это значит, что Василий Киляков получил творческий дар от вечности – противостоять худым временам погони за материальными достижениями, пренебрежения святыми ценностями, что равно движению по краю над пропастью, глубину которой дано постичь лишь творческому человеку.

Органично для русского поэта вписывание в себя мироздания по имени Россия, наполненного божественным духом, путь «в Небеса, где смирение, любовь и печаль».

Радуюсь за себя и за читателя, которому повезёт встретить сборник поэзии Василия Килякова и постичь духовное ратоборство, я с любовью вчитываюсь в строчки о Божьей Матери «Спорительнице хлебов», о краяхе Господа, которой всем хватило, всматриваюсь в свет огней, в письма голубиных перьев, вслушиваюсь в ангельское пенье, в дыхание без берегов, в тайну наших душ, потому что большая личность поэта прозревает корневое, фундаментальное, душеопорное, укрепляющее, удерживающее, прорывное посреди нынешнего хаоса, рядом с которым «мир в Боге и в детях».

Нано или био: кто кого?

Национальная катастрофа в образовании, медицине, науке, культуре, искусстве, угрозы цифровизации и роботизации человечества – это следствие перевеса на планете Земля искусственного над живым, следствие гибели биосферы Земли, не дождавшейся ноосферы, в которой совесть и нравственность, гуманное сознание человека играют решающую роль. Катастрофические скорости исчезновения живой почвы, духовное оскудение, расчеловечивание и вопросы, кто и что за всеми этими кризисами стоит, – со всей остротой встали перед человечеством. Русские писатели с неослабным вниманием относились к теме сохранения жизни на земле и предупреждали своих читателей о губительности для человечества позиции: «Природа не храм, а мастерская» (И. С. Тургенев). А П. Чехов говорил о том, что с убытием в природе, «убывает в человеке» человечности и социальной справедливости в обществе. Искусственный мир на Земле превышает сегодня природный, живой, и это превышение ускоряется.

Адский плавильный котел, в котором из живого (невосполняемые природные ресурсы) варится неживое (техника, транспорт, гаджеты, спутники и другие материальные предметы, нацеленное на краткосрочное потребление), все больше пожирает кислорода, воды, энергоносителей, заваливая планету ядовитыми отходами, уничтожая плодородный покров земли. Мы находимся на грани гибели, собирая остатки биологического вещества. Наука должна направить исследовательские институты на изучение этого явления и поиска выхода общественного развития в условиях катастрофы на планете в сохранении того, что еще осталось.

Эксперименты над природой высмеял Фазиль Искандер в его книге «Созвездие Козлотура», повествующей о беспомощности ученых, скрестивших тура с козой и получивших злобное существо с повышенной шерстистостью, но не дающего молока и не способного – слава Богу! – к воспроизведению потомства.

Как писал поэт Юрий Кузнецов: «И улыбка познания играла на счастливом лице дурака». Улыбка потихоньку сползает с лиц экспериментаторов, когда они видят, что человечество оказалось на «Лезвии бритвы» (Иван Ефремов). Так узок путь

человечества, нет уже никаких магистральных линий технического прогресса, в котором остро встал вопрос о якобы перенаселенности земного шара, в то время как все богатства человечества оказались в руках небольшого количества людей, число которых равно, пожалуй, количеству пассажиров в автобусе.

В романе «Час быка» Иван Ефремов показал катастрофичность для планеты олигархического устройства общества, которое становится средоточием зла, идущего от правящих мыслящих существ. Ефремов предупреждает о недопустимости существования цивилизаций, перекрывающих путь к знаниям для своих подданных, недопустимость запрета на постижение искусства, культуры, этики, философии, недопустимость сосредоточения жизни в гигантских городах, потворство осквернителям всех мастей, осведомителям, бандам изгоев, ненавидящих и презирающих наследие отцов, традиции, духовно-нравственные основы жизни, Божественное ее начало.

Роман Чингиза Айтматова «Плаха» призывает к ответственности за природу на земле. Он рисует катастрофические сцены бойни сайгаков. Рядом мчатся тигр и леопард – у них одна общая беда – человек. Технически вооружённый дикарь, манкурт обрекает природу, а значит, и себя на уничтожение.

Нужны высоко духовные, мудрые люди, герои, которые заставят проснуться человечество от летаргического сна технического прогресса. Ракетный обруч вокруг земли – это тот же манкуртовский обруч вокруг головы человека, не помнящего родства, корней, Божественных заветов, материнских песен, отцовского тепла, земли Отечества, чести и достоинства. Спасти Землю и небо вокруг неё от тысячи ракет – это значит обрести свою родовую память, силу рассудительности, мудрость Святых всех религий – высший цвет человечества, и это призвание не только писателей, но и ученых.

Писатель Валентин Распутин в повести «Прощание с Матёрой» (1976) взял для сюжета реальную историю. В результате строительства гидроэлектростанции были затоплены поселки, жители которых покидали обжитые места, подвергаясь тяжёлым нравственным испытаниям: ломались судьбы людей, рушилась связь поколений, уничтожались традиции крестьянской жизни. Валентин Распутин обращается к пони-

манию читателей, что у того, кто потерял память, предал своё прошлое, у того нет и жизни.

Сегодня почти не осталось на Земле места, где не было бы разрушительных для неё следов человеческой деятельности. Загажены ядовитыми отходами промышленности не только реки, озера, моря, но и океаны, выхолощены и истощены бывшие плодородные поля, засорён даже космос оставленными и сломанными спутниками и ракетами. Биосфера, а это всё живое на земле – подбирает остатки.

Сегодня многие учёные обратили свой взгляд к учению В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере. Ноосфера – это мыслящая оболочка земли, это сфера разума и науки, взаимодействия природы и общества. Наряду с огромной потребностью – сохранения биоресурсов, не менее важно понимание, что самый большой урон биосфере наносит **массовое технократическое мышление**, формирующее глобальную городскую техносферу, техногенную, губительную среду обитания человека и живых организмов ради прибылей и сверхприбылей отдельных людей и государств.

Некоторые из учёных, например, Э. С. Демиденко, доктор философских наук, создатель философской школы в Брянске и Всемирной Информ-Энциклопедии в Калининграде, предупреждает об омертвлении биосферных пространств уже в 22-м веке. Это уведёт землян в города, в которых будут выживать на биотехнологических процессах питания и оздоровления. Чтобы не допустить этого, предстоит восстановительная работа – массовая, трудная, если люди осознают масштабы работ, чтобы избежать омертвления Земли.

Следует учитывать,- пишет социальный философ и эколог Э. В. Гирусов, – что времени остается очень мало для проведения подобной работы, т. к. биосфера находится на пределе своих возможностей саморегуляции, которые уже превышены человеком более чем в 10 раз, он ставит вопрос о жёстком научно-обоснованном государственном контроле использования земных ресурсов.

Нам необходимы «духовное мужество», «духовная внутренняя напряжённость», и нам необходим диалог между цивилизациями земного шара.

Для сохранения биосферы и биоресурсов нужно преодолеть острые разногласия между ведущими государствами мира, чтобы объединить их для решения жизненных вопросов. Только сообща возможно открыть пути к научно-рациональному решению не только экологических проблем, но и сохранению биосферной жизни на Земле и её совместимости с миром искусственным, но рационально построенным на биосферном фундаменте.

Вопрос сохранения остатков биосферы напрямую связан с духовным и культурным оскудением человечества. О Вечности и её непознанной тайне, о преодолении духовного скатывания к мещанскому потребительству – эти вопросы поднимали ещё в первой половине 19 века славянофилы. Они открывали своим учением горизонты вселенского масштаба. Сегодня графомания планктоном выстелила землю так, что плодоносящему дереву негде бросить семена, чтобы этому семечку приникнуть к почве и пустить росток. Талантливый мыслитель – именно это плодоносящее дерево, в то же время он часто ощущает себя инкогнито в мире, где уже давно не слышали о том, что поэты и философы заклинаят человека «не спать разумом». Это сыновья и дочери побед духа, они могут научить, «что делать», «как не бояться», потому что поняли свой удел – несение креста, изо всех сил любя и прорастая «готовностью целовать уникальную планету Земля».

Э. С. Демиденко написал статью «Кто ты, Послечеловек?» о трансформации человеческого организма под воздействием меняющейся среды обитания, а также об искусственном конструировании тела и психики.

Позже он выступил на почвоведческих чтениях совместно с профессором БГСХА, доктором сельскохозяйственных наук, академиком РАЕН Е. В. Просянным – с предложениями альтернативного земледелия в связи с деградацией естественных почв.

Обоих учёных сближает почвенничество – учение Хомякова-Кириевского-Достоевского, это философия истинно русского почвенничества – с опорой на традиционные нравственно-духовные ценности, на кровную связь народа с взрастившей его почвой, – возвращается всякий раз в трудные времена, как раз сейчас снова наступившие.

Нам нужно Мироздание, где так важно не спящее сознание. Оно по силе только тем, кого относят к избранным, если не сказать великим, потому что Божий дар в них преобладает над рациональностью. Так называемое «цивилизованное общество» не видит таких мыслителей, не замечает, называет какие-то другие имена, но русский народ, народная жизнь вбирает в себя творчество таких ученых, как Божественных посланников, насыщает свою жизнь их вселенской правдой. Это целители для общества, в которое прорвалось окаянство: «Мир без России не обойдётся» (поэт Сэда Вермишева). Благодаря нравственным вменяемым людям ослабленный организм Земли медленно обретет глубокое дыхание, ясность ума, самосознание, благодаря силе благородства, нравственности ума, соединению нитей разорванных времён и поколений, пространств культуры и традиций, людей, знающих о совместном с Богом делании.

Доктор философских наук из Санкт-Петербурга Александр Иванович Субетто отмечает, что если рыночно-капиталистическое человечество погибнет от экологической своей несовместимости с законами Биосферы, на его «могильной плите» (как в свое время сказал немецкий писатель из ГДР Зигфрид Ленц на «круглом столе» «Литературный газеты» в 1988 году) могут быть выбиты слова (воспроизвожу по памяти): «Здесь похоронено человечество, в котором каждый человек хотел счастья только для самого себя». Человечество стоит перед качественным скачком в состояние Ноосферного разума, который означает переход из состояния «Разум-для-Себя» – в «Разум-для-Биосферы, Земли, Космоса».

Современным учёным видятся два крайних варианта дальнейшего развития драмы человечества: либо человек окончательно уничтожает биосферу и гибнет вместе с нею вместе со своими нано-технологиями, либо постепенно создаёт новую, безопасную для себя модель развития земного мира.

Изменение образа мышления – это изменение отношения к планете. Как распространять добродетели, как обладать ими и пользоваться? Сейчас происходит интерпретация мира, а его нужно изменить. Служить миру, чтобы гармонично существовать. Мир не очень хорош, потому что происходит производ-

ство информации, а знания отодвигаются, идёт производство страха, несправедливости. Давайте приближать время Великих Людей – Созидателей, Борцов за планету и Человечество!

Тяжелейшая ситуация современности, – говорит доктор философских наук Сухейль Фарах, – требует от нас больше ответственности, больше бдительности, смелости, мудрости и скромности. Требуются новые созидрующие идеи, предложения и практические шаги, которые способствовали бы сплочению, а не разделению верующих разных религий и носителей разных самобытных культур; которые могли бы по-настоящему объединить сердца и умы разных религиозных конфессий и культурных групп и стать общероссийским образцом и духовным достоянием для большинства населения нашей Отчизны и даже далеко за её пределами.

Несмотря на насильственно внедрённую, чуждую нашему менталитету Болонскую систему в наше образование усилиями министров А. А. Фурсенко и Д. В. Ливанова, выхолощенные недра России, вырубленные леса, загрязнённые реки, успехи либеральной прозападной идеологии, всё же идёт жесточайшее идейное противостояние со стороны патриотически настроенной оппозиции, истоки которой в традиционных социальных институтах, они отражают языковое и этническое сознание русского народа. И в этом вековом противостоянии западников и славянофилов также уникальность и самобытность становления Российской цивилизации. Идеи В. И. Вернадского о ноосферной цивилизации, разработки П. Сорокина, К. Циолковского являются наиболее перспективными для цивилизации будущего, основанной на ответственности за жизнь, природу и Космос, – это «космическое послание» России, её динамической гармонии – человечеству.

Разработки таких русских ученых, как Владимир Иванович Вернадский, обращают нас к бессмертным словам Н. В. Гоголя: «... в то время, когда на одних концах России еще доплясывают польку и доигрывают преферанс, уже незримо образуются на разных поприщах истинные мудрецы жизненного дела. Ещё пройдет десяток лет, и вы увидите, что Европа приедет к нам не за покупкой пеньки и сала (*читай: нефти и газа*), но за покупкой мудрости, которой не продают больше на европейских рынках».

НАБАТНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КОЛОКОЛ

**в новой книге Валерия Герланца
«Портал в сказочные миры»**

Валерий Герланец – известный на Донбассе и далеко за его пределами писатель, драматург и публицист, заслуженный деятель искусств ДНР, член Союза писателей ДНР и Союза писателей России, многократный победитель международных и республиканских литературных конкурсов и премий. Его произведения для детей и юношества издавались в Белоруссии, Германии, Израиле, Канаде, России США, Чехии, на Украине, а также ставились в профессиональных театрах, театральных коллективах школ искусств и дворцов детского и юношеского творчества, звучали по радио и телевидению.

Ряд прозаических и поэтических произведений Валерия Ильича давно вошли в школьные хрестоматии и учебники, выходили в престижных литературно-художественных журналах и альманахах, а философская сказка «Как Иван правду искал» включена в собрание сочинений лучших современных писателей во славу М. Горького «Литературный фонд», которое вышло в 2018 году в Москве.

Валерий Герланец пишет: «Так случилось, что мы с Вами живём в таких регионах, на которые коллективный Запад давно точит свои хищные зубы. В мире крайне беспокойно, но в последние месяцы обстановка накалилась до предела как у нас в Донбассе, так, насколько можно судить из сообщений СМИ, и в Калининградской области. Однако, несмотря на это, люди литературы и искусства продолжают работать, надеясь на благоразумие большинства политиков, а главным образом – на Армию и Флот России.

Донецк сейчас окружен с трех сторон украинскими войсками до зубов вооруженными современным НАТОвским оружием и получившими солидное подкрепление в виде инструкторов и бойцов из стран-членов блока. Но паники нет, все предприятия, торговля, больницы, учебные и культурные заведения работают.

Я тоже продолжаю работать: подготовил книгу «Портал в сказочные миры», куда вошли мои прозаические произведения (три повести и семь сказочных историй), написанные в основном за годы войны».

Это захватывающая по сюжетным линиям и с великолепным стилем изложения, с образной, живой манерой беседы с читателем книга в равной степени полезна как детям, так и взрослым. Талант художника и мыслителя Валерий Герланец употребил на страстный призыв в художественном Слове к землянам: остановитесь и оглянитесь вокруг. Наш Дом – наша планета страдает под тяжестью техногенной беспощадной эксплуатации природных богатств. Двуногие существа обезумели от гонки вооружений, от перепроизводства товаров краткосрочного потребления, нанося невосполнимый урон земле и ставя ее будущее на край пропасти.

Читатели книги обретают возможность узнать, с одной стороны, как много удивительного и прекрасного на чудесном творении Божьем по имени Земля, с другой стороны, о гнусном отношении к ней, о загрязнении во имя алчности и бездумного обогащения в неразумных пределах.

В сказочной повести «Земноводные против людоземных» в протестных выступлениях за сохранение Тишинского болота участвуют не только думающие люди, но и обитатели болота, защищающие свой таинственный для людей мир, демонстрируя интеллектуальные способности, приходя на помощь тем, кто является подлинными друзьями природы:

– Безусловно. Это биологи, экологи, океанологи, климатологи, лесоводы... Но их мнение мало кто учитывает в абсолютно чокнутом обществе потребления, созданном сородичами-вырожденцами. Ради сиюминутной выгоды людоземные идут на любые преступления против флоры и фауны... И даже против самих себя!

– Людоземные... До зубов вооружённые бульдозерами, экскаваторами и самосвалами!

Решение местных властей – пожертвовать Тишинским болотом ради строительства вредоносного мусоросжигательного завода, вынуждают защитников вновь и вновь объяснять, казалось бы, понятные вещи:

– Многие люди недооценивают значения болот, которые имеют огромное экологическое значение. Они фильтруют и питают водой ручьи и реки, чистят атмосферу, дают приют многим видам растений и животных...

Болотные жители демонстрируют таланты и интеллект. Как только тишину над Тишинкой разорвал рев моторов техники, «в небо тут же взмыли и тревожно закружили над озерцами и топиями стаи аистов, цапель, куликов и диких уток. С каждым мгновением их становилось всё больше и больше, пока они не закрыли своими широкими крыльями полнеба».

Власти отступили перед защитниками Тишинского болота, но сколько же мест на земле, которые также нуждаются в подобных мероприятиях!

Писатель нарисовал как предупреждение неразумному человечеству в рассказе «Город, который ушел по-английски» картину гибели города, где жители избавились от ответственности за экологическое равновесие: «Так и стоит теперь этот город-призрак в стороне от людского присутствия, как горестный знак неумения Человека жить в гармонии не только с природным, но и рукотворным миром, словно в назидание последующим поколениям».

В «Сказе об астероиде и третьей планете» астероид любит прекрасной молодой планетой Земля: «астероид вдруг увидел планету, поразившую его своей невероятной красотой. От ярко сияющей звезды она была третьей по счёту и самой очаровательной не только в своей крошечной системе из девяти планет, но, пожалуй, и во всей галактике. Уж кто-кто, а астероид, много миллионов лет рассекавший бескрайние космические просторы, знал это лучше других». Через тысячи лет он с трудом нашел Землю, окутанную ядовитыми парами. На вопрос, что случилось, Земля ответила:

– Я... я пыталась как-то притормозить интеллектуальное развитие двуногих, но не смогла... Пока ты отсутствовал, произошло непоправимое... Эти существа повздорили друг с другом и устроили ядерный ад. Их разум смог создать ужасное оружие, но на то, чтобы предотвратить его применение, разума, увы, не хватило... Взрывы, огненные смерчи и дикая радиация уничтожили всё живое.

Также и в других повестях и рассказах, как, например, «Чудо в перьях», «Волшебный мотылек» писатель предлагает людям задуматься о судьбе планеты, о последствиях неразумной деятельности человечества, так мало понявшего еще загадки земли, о ее уникальности во Вселенной, о многообразии, стремительно сокращающемся, флоры и фауны.

Книга Валерия Герланца – призыв к читателю: задуматься и что-то сделать для своего города и в целом для всей земли против наступления техногенной, опасной для человечества цивилизации, понять, что есть Ложь, а что Правда («Как Иван правду искал»), понять, что экология – одна из самых актуальных тем, потому что невосполнимы потери от сгоревших лесов, тысячи гектаров, от загрязненных не только рек, но и морей и океанов в результате разливов нефти, от отравленных рыб, птиц, животных, от выброса вредных веществ в атмосферу. Необходима популяризация научных экологических знаний и принятие законов, охраняющих природу.

Валерий Герланец в ряду тех русских писателей, начиная с автора «Слова о полку и Игорев», Александр Пушкина, Ивана Тургенева, Антона Чехова, и продолжая Сергеем Есениным, Валентином Распутиным, Чингизом Айтматовым, Василием Беловым, кто талантливым пером выводит на свет варварское отношение к природным ресурсам, нарушение заведенного в мире порядка, человека, который, «духовно браконьерствуя» по отношению ко всему, что его окружает, начинает разрушаться и нравственно.

Писатели первыми заговорили на тему экологии и продолжают эту традицию – изображение человека в единстве с природой, которая принимает самое активное участие в человеческих делах, предостерегая и предупреждая о неизбежном трагическом финале, если человек не станет защитником природы, а не её повелителем.

«ПРОЙДЁМСЯ БЕРЕГОМ БАЙКАЛА...»

**О книге Владимира Скифа
«Он место в космосе искал. Книга стихов о Байкале». –
Санкт-Петербург.- Иркутск. – 2020**

Само название сборника задаёт вселенский масштаб и планетарное значение озера Байкал, о котором Владимир Скиф пишет всю свою сознательную жизнь, живя на берегу этого красивейшего озера на планете.

Мы помним песню о «славном море – священном Байкале», и кто-то отправляется к нему, как я когда-то, в 1981 году, села в поезд, чтобы прибыть к его чистейшим водам, чтобы посидеть на его древнем берегу, который давно в моей душе «отыскал место», и смотреть мечтательно на саранки и цветы багульника, пробовать мягкого, нежного омуля, пройти на катере вдоль скалистого берега или пешком, постоять под шагающими деревьями среди песков, взять в пригоршню прозрачную и прохладную воду, а потом набраться смелости и нырнуть в бодрящие волны, ощущая родство, и выныривая, как байкальская чайка, а ночью, лёжа в палатке, слушать плеск звёзд в его глубинах. Стихи Владимира Скифа возвращают к воспоминаниям, когда, как пишет поэт:

И страждущим, веющим оком
Искал я таких же, как я.

Боже праведный, как же мне знакомы эти поиски... Как же мне, так долго живущей на берегу Балтийского моря, понятно то состояние, когда «приглашали во двор облака», когда «занимался рассвет между звёзд и былинок», когда из утренней росы черпали «мелодии слов». И вот «Байкала синего магнит» родственно притянул к себе:

И развернулся, расточил Байкал
Свои немыслимые воды.
В нём столько глуби, донных скал,
И столько ветреной свободы.

Мне так понятно, что «батюшка-Байкал повадился к крыльцу», я также, едва просыпаясь, уже слышала зов моря в трёх сотнях шагов от дома, воспринимая его как дар небес.

Пройдёмся берегом Байкала,
Как будто берегом добра, —

это море стихов Владимира Скифа об уникальном озере – тоже уникально, где Байкал – это духовная биография поэта, эстетический каркас его поэзии, где природа задаёт художественно-речевую интонацию его поэтического повествования, которое день за днем рождалось из впечатлений мгновенных, но становящихся частичкою вечности. Байкальское лето и зимы, ветхость деревушек, с «отмякшей душой от летних дождей», «слитков солнца», «золотых вод», – это всё наполнение души, в которой в тоже время поселилась печаль за будущее озера, за чистоту воды:

И шумит не Байкал, а печаль.
Боже правый, за что так гонима
Мать-природа, её чистота?
Неужели она не любима?

Ещё как любима защитниками озера, положившими жизнь на спасение его вод от вмешательства злого человека. Какие ангелы-хранители у Байкала! Валентин Распутин, Александр Вампилов, Леонид Бородин, Глеб Пакулов, Василий Забелло, Владимир Скиф, Анатолий Байбородин...

Радостно встретиться с Валентином Распутиным в стихах Владимира:

Кажется, что наступил обычный день, но у Байкала «тянутся ладони: осыпать мир холодным хрусталем». И в весенний день «в тугую грядку» Валентин Распутин «бросает золотые семена» – семена вдохновенных слов в лицо тех, кто искажает лицо первозданной земли:

Гляжу на Байкал и страдаю безмерно
И думаю: Господи, где же ты есть?
Господь не ответит, тогда я, наверно,
Убийцам Байкала придумая месть.

О спасении Байкала, о спасении мёртвых уже посёлков на Ангаре, о мёртвой воде, наполнившей овраги, где гибнет последний таймень, умирает последний налим:

Как надгробье плотина встаёт,
И, зажатая, стонет вода.
То не Братское море поёт,
А гудит мировая беда.

Молчун по жизни, Распутин не молчал, а боролся за спасение Байкала, спасение природы Сибири, спасение Русского дома:

Он сердцем собственным латает
Пробитую в России брешь.
Куда держава улетает
И с нею тысяча надежд?

Его над бездною проносит
Несчастий самых горьких вал,
Но он не мог Отчизну бросить,
Оставить без любви Байкал.

Русский национальный прозаик Валентин Распутин и поэт национального православного чувства Владимир Скиф с высокой степенью страстности выразили свою нравственную определенность в защите Байкала, Отечества, его настоящего и будущего. А звучащий глагол Александра Вампилова... Скиф говорит о нём:

Ума вековое наследство
Ты принял и тайну постиг...
.....
...Как верно, как больно, как точно
Увидел ты жизнь и любовь.
Не зря в тебе с кровью восточной
Слилась святорусская кровь.

Внутренняя суть творчества великого драматурга, соборно собиравшего читателей и зрителей против тех, кто совмещал клевету с бесстыдством.

У могилы Вампилова

Мы разные. Мы все шальные.
Мы гордые аж нету сил.
А здесь мы встали, как родные,
Вампилов нас объединил.

Мы изменяемся с годами,
Но каждый душу сохранил,
Мы все пришли к нему с цветами.
Вампилов нас соединил.

Уникальность душевного проявления, твердость в полноте духа, внятное разделение добра и зла Вампилова остались нам небесным даром:

Нынче бредит театр извращённой потехой,
Исчезает – тревогу хранящая – мысль.
Но Вампилов сияет не сбитой вехой,
Где высокие русские смыслы сошлись.

И Владимир Скиф сам выходит на высокие русские смыслы, называя Байкал «Планеты совестливым глазом», «На планете байкальская зреет слеза» – боли за обозначившийся край жизни на земле по вине человека:

Смотри, горят сибирские леса
Предвестником вселенского пожара.

Он ведёт разговор с грядущим поколением о том, что «человек – венец вселенной – Погиб, не думая о нас»:

О тех, кто заново рождается,
Кого убил двадцатый век,
В небытие, в ничто стремится
Последний мёртвый человек.

И кажется бессмысленной, пустой,
Попытка отравителей Байкала
Запас воды божественной, святой
Пустить в расход, чтоб смерть её лакала.

Поверьте, злодеянья не простим.
Подумайте и силы соразмерьте.
Мы все равно вам ходу не дадим
При нашей жизни и при нашей смерти.

В космос байкальской глубины в сборнике Владимира Скифа входят писатели и художники, удивительная природа, создающая в мыслях и в душах гармоничные образы, как «застывшие вспышки», высвечивая сочетание красок, присущих небу и земле, его по-детски нежное прикосновение к былинкам, его дочь в венке из живых лилий и медуниц, где «затаилось пенье птиц» и треск кузнечика, где «чабрец пахнет вечностью», излечивая от необъяснимой тоски.

Не умри! Не исчезни в болотном тумане.
Не сомкни над собою свои берега.
Мы любить и жалеть тебя не перестанем
И когда-нибудь мы одолеем врага!

Поэт поведал о себе, своих детях, спутнице жизни – жене Евгении, брате Анатолии и сестре Валентине, своих друзьях, любящих и неразрывно душою связанных с Байкалом. В стихотворении «Звёздная ночь и утро на Байкале» озеро воспринимается как центр мироздания, как центр творения мира:

И ожили ветки и былинки,
Засверкали зёрнышки росы
На траве, на камне, на суглинке,
Словно в Сотворения часы.

Просыпался, сотворялся житель
И молился на Господний кров.
В этот миг Великий Вседержитель
Шествовал по кромочке миров.

А он ведь источник жизни, красоты, счастья, меры. Небесный распорядок становится частью нашего душевного распорядка в стремлении к осмысленности, добру, высшему началу.

«САД В ЗОЛОТОМ ОГНЕ»

О сборнике стихов Сергея Зубарева «Ночного бражника полет»

Обладая пятью сборниками стихов Сергея Зубарева, я владею поэтическим сокровищем человека, которого как-то не получалось увидеть лично, но вот это и случилось на церемонии фестиваля «Коктебельская весна» – 2020 в Симферополе, где Сергею вручили диплом и знак Лауреата литературной премии имени Николая Гумилёва.

Сергей Куприянович Зубарев родился в 1954 году в Челябинске, живёт в Анапе, член Союза писателей России. Он принадлежит к традиционной почвенной литературе, это подлинно русский поэт, именно русский тип целомудренной православной традиции, выражающей духовную жизнь и большие идеи.

Голос России

Чтение его сборников – это наслаждение поэтическим мастерством и его художественными открытиями. Радость для глаз и души – цветение ветреницы, «коснешься ль музыки озябшею душою», чувства, «вдруг, неожиданного, большого». И пенье речки, и свет зари, – «только слушай и смотри...», только откройся сердцем навстречу всё еще прекрасному открытому поэту миру, где «ночуют облака в саду», где запах «мёда и яблок», их вновь и вновь чарующее созвучие с облаками. Кому это доступно? Только тем, у кого есть невидимые миру крылья, позволяющие видеть, как «с астр летит пыльца», как свет опускается на страницы сборника стихов, как оживает при каждом соприкосновении с ним читатель, но не простой, а равный Поэту, если понимает и принимает его «свет небесно-голубой», если замечает «музу с бубном охрипшего грома», если может соединить «музыку и исповедь».

Постоянные составляющие русской поэзии и вечного русского мира притягивают читателя: это любование окружающими людьми, созвучной настроению природой, проявлениями русского характера, бытия, предназначения поэта, судьбы Родины, ирония по отношению ко всякого рода разрушителям нашей культуры и менталитета.

Голос поэта – это голос потаённой России, о которой слышали да не знают «властелины денег» с жадными руками, предавшие свою культуру, не желающие её знать.

А она, эта потаённая, глубинная России, живёт себе, соединив земное и небесное, различая лавр, венчающий победителей, которые зачастую его сами себе и надевают, и терн, на шипах которого «кровь Христа, идущая в Небо».

Вера в Россию и русскую культуру даёт возможность создавать жизнеспособную поэзию, вопреки постмодернистам и «постчеловекам», при этом сохраняя трезвый ум, цельность мироощущения, красоту полнокровной лексики, восприятие живого слова, подлинной музыки, живописи – это ли ни животворящее дело, развитие духа, искреннее и наполненное?

«Душа шепталась с Богом»

Сколько звуков жизни в стихах сборника, сладких и молитвенных, пения скрипки и сверчков, мелодий Моцарта и Листа, плеск вина, веселый треск дров в костре: «в спящих травах не уснут цветы, // Будто слаще им никто не пел», «в тишине, в стакане плещется луна», и всё это выливается «из души нараспашку», которая состоит из «потёмок и Света», пьянящих и сжигающих стихотворца дотла. Ведь поэт будит не будильник, не птичье пение, а стихотворная строчка, которая пробивается, как подснежник, на свет, потому что «бессонная душа шепталась с Богом».

Мы шли в Симферополе вдоль укреплённого недавно берега реки Салгир, неширокой и неглубокой, местами стремительной и потом с еле заметным движением, приближаясь к библиотеке имени Ивана Франко, такой красивой, блистательной, уютной и гостеприимной, на церемонию награждения. И здесь я познакомилась с женой поэта по имени Любовь. Я не удивилась, что

такой красивый человек, как Люба, может быть, и рождена, чтобы вдохновлять Сергея на талантливые стихи, на то, чтоб вырастали крылья, чтобы глаза поднимались к звёздам, а потом опускались к детской кроватке. Воля человека подстёгивается словами «надо» и «нельзя». Коль на себя взвалил «поэта крест», иди к «своей вершине», не выпуская «из рук подругу-лиру», «заглянув в глаза любимой». Жену в стихах он называет Берегиней «за то, что бережно поддерживает пламя», и «душу обжигая, и ладонь».

Какие подарки несет к ногам Любви поэт: «сад в золотом огне», гусиное перо, «упавшее с неба»:

А мотыльки летят в раскрытое окно
на лампы яркий свет, им обжигает крылья
Горячее стекло. Так будет вновь и вновь.
Летающие вослед, все рухнут от бессилия.
Когда-нибудь и мы... Не плачь, моя Любовь...

Жизнь является накоплением любви, многоликой, питающей, выпрямляющей. И когда люди живут много лет рядом, то важно слышать друг друга, прощать, чтобы сказать:

Как небо весною безоблачно сине!
И травы купаются в майской теплыни.
От яблонь цветущих хмелеет округа...
Мы любим друг друга! – Мы любим друг друга!

Слова всеохватные, и в личном плане, и во всеобъемлющем, христианском. Сбережение женственности, сохранение женского предназначения – важнейшие и спасающие, исцеляющие деяния в нравственном возрождении и сохранении жизни, и семьи, которой угрожают ювенильные опасности, социальная несправедливость.

«Выдавливаю беса»

Сергей Зубарев видит, где есть места «разрыва» в ткани русской традиции, где бесчинствуют чуждые подражания западным образчикам, и латает нашу русскую ткань традиции,

утверждая своей поэзией полотно совестливости, светописи, небесной высоты и подлинности.

О каком говорите Вы счастье?
Нет его и за тысячу миль.
Раз людей продают на запчасти,
Словно угнанный автомобиль.

С неба капнула в реку звезда,
Значит, с нами и он плачет тоже.
Плачься Богу, а слезы – вода,
Да иная и крови дороже.

Вот говорят: «вся наша жизнь – борьба
За лучшее на этом свете место»,
«Выдавливаю из себя раба...»
А я всю жизнь выдавливаю беса.

Естественная реальность, критическая интуиция, полемика с либералами, сосредоточение на родном позволяет Сергею Зубареву поднять вопрос взаимоотношений общества и поэзии. Он обращается к тому времени, когда поэты собирали стадионы, а почему сейчас такого нет?

Не оттого ль, что много криводушных?
Но вот стихи, как прежде, не звучат,
И люди не внимают им послушно.

И никого не гонят из страны.
Пускай себе крамольно что-то пишут.
Властям поэты нынче не страшны,
Поскольку их почти никто не слышит.

В стихотворении «Апокалиптическое время» вновь вопросы:

Что за режим во дворе?
– Денег тотальная власть...
Мерзкой той власти конец
Будет ли? Грянет ли час?
Наш терпеливый Отец
Скорбно взирает на нас...

Поэт не позволяет себе отстранения от реальности наших дней, не идёт за толпой, ищет русские смыслы, сохраняя Верность себе и дому:

Я, как бриг, в штормах поистрепался,
Пережить сумел девятый вал.
Хоть в чужие звезды и влюблялся,
Порт приписки с флагом не менял.
...Милей в сто раз родная гавань
И душе, и сердцу моему.

... Я в глазах родных любовь прочту,
Лишь одну я не забуду горечь,
что не все сегодня на борту.

Мы ощущаем «стихотворный озноб» поэта, потому что он «не пишет, сгорает»:

«Трещина мира прошла через сердце поэта»
И оглушительной болью пронзила его.
Бог стихотворцу дал Слово, но отнял за это
радость покоя. А так, в остальном, ничего.

«Крест поэта» – «нести нелегко, но не бросишь крест свой в поле – яблоней цвести».

Он нацелен на сопряжение духа, обретение смысла в продолжении русской традиции в современности, он возвышает личность понимающего читателя.

Поэзия Сергея Зубарева противостоит современным провокациям, перформансам, пустым «брендам» и бредням, новым варварам и провокаторам. Это русский тип современной поэзии, централизующей Личность, которая немыслима вне своего народа, Отечества и Христа.

«НА ВОЙНЕ ПАМЯТЬ ОБОСТРЯЕТСЯ...»

О книге Елены Крюковой «Лазарет»

«Много людей прошло сквозь сердце моё...»

Книги с высшим смыслом... Их становится всё меньше, при постоянном количественном росте бессмысленных и ничтожных. Сама Вселенная узнаёт себя через книги Елены Крюковой, через её героев, которые воспринимают мир как огромный храм с фресками на каждой стене, обращённой на Юг, Восток, Север и Запад.

Герои книги «Лазарет» Алексей и Николай – выдающиеся хирурги, опалённые войной и репрессиями; их пути сходились и расходились на фронтах и в лагерях в Сибири и на Севере. Главный герой Алексей – не только хирург, но и глубоко верующий Православный, который под белым халатом врача носит рясу и крест. Николай – вначале ярый атеист, принимает Православие под влиянием Алексея, после смерти синеглазой девушки-санинструктора и её ребёнка.

Фреска первая – «Северная стена» – знаменует собой эпилог большого жизненного пути. Алексей перед уходом в мир иной вспоминает свою жизнь, рассказывая её шёпотом девочке-нянечке. Он лежит в лагерном лазарете с разбитым плечом за очередной побег левым плечом и благодарит Господа, что у него правая рука здорова, и он может креститься. Преодолевая телесную боль, он думает о девочке-санитарке, которая ассоциируется у него с музыкой, называет её инфантой, царевночкой. Он её не видит, один глаз выбит при побоях, другой не видит из-за сожжённой сетчатки и затянут белой плёнкой. Но человек слышит, как инфанта-нянечка моет полы, ощущает, как она кормит его с ложечки кашей – «собачьей едой». Ему трудно глотать, трудно говорить, но он посылает девочке свои мысли и сны: «Тело – хворост, душа – играющая рыба, дух – усыпанное звёздами небо».

А за окном страшный мир; там, за перевалами ненависти и любви, на Западе идёт война, о которой узникам никто не говорит. Мир воспринимается умирающим словно живопись. Ве-

ликий Небесный Художник создал его так, что мы или позируем Ему, или сами рисуем окружающий мир, в котором кто-то видит «вокруг себя не тех, кто верит в Бога, а тех, кто верит в кровь и злобу».

«Помню ли я всех встреченных на пути? – спрашивает себя Алексей. – Много людей прошло сквозь сердце моё. Сокровищами моими стали они. Имена их помню не памятью – кровью. Ибо они – мой народ; и я – народ их родной».

Герой «Лазарета» думает о себе как о зеркале, отражающем тысячи миров и людских судеб. Но на самом деле писатель Елена Крюкова – это зеркало миров, которое обращено то к Православному храму, где идёт исповедание прихожан, то к лазарету всей многострадальной Земли, то к отдельной личности, осознающей свой срок в нашем мире: «Я не буду хвалить себя и очернять себя, – шепчет перед смертью Алексей, – не буду короновать себя или казнить себя; ты сама все поймёшь, ведь амальгама зеркала такая серебряная, праздничная, такая чудесная, она мерцает Луной и сверкает Солнцем в небесах, она освещает моё сердце изнутри, и ты увидишь, как оно бьётся Полярной звездой в зените, не в клети измученных рёбер».

Девочка-музыка становится последней слушательницей умирающего Алексея: «Знаешь, я от мук, причинённых мне, человеку, людьми, братьями моими, весь выгорел внутри, вместо печени пепел, вместо потрохов порванные струны, вместо сердца – кровавый комок... А ведь сказано в Писании: где сокровище твоё, там и сердце твоё. Где теперь сердце моё? Ужели в небесах? Нет, ещё нет. Здесь, на земле? Но и земли мне уже не видать. Так где я? На железной койке в тюремном лазарете? Железная койка – моя земля. И ты, дитя, ты моя исповедница, я твой причастник, а ведь сколько лет я исповедовал и причащал людей».

Невозможно прожить на Земле без боли, без неё ты не узнаешь правды о том, что не только Земля – огромный храм, но и каждый отдельный человек, его душа – это храм, часть большого Храма, серебряная дверь которого всегда открыта:

«Исповедь – это чудо, исповедуясь, ты становишься всем сущим, Белым Светом обширным, Царём Космосом в смоляной, антрацитовый, расшитой турмалинами и лалами парче, и звёзды в тебе шевелятся, играют и мерно, медно, медленно идут по

угольному, дегтярному полю, будто коровы с алмазами во лбу, и перебрывают великие небеса вдоль и поперёк, уходят вдаль, навсегда, – ты, признаваясь в содеянном, никогда больше не вернёшься туда, где ты это сотворил».

Оказавшись в лагере по доносу, что он, доктор, оперировал врага, Алексей совершенно отстраняется от понятий «свой» и «враг». Он размышляет о человеке и своей любви к Родине: «А может, я любил мою Родину ещё до рожденья; Родина ведь в нас течёт, она наша кровь, наше упование. Не изменим ей. Не поглумимся над ней». Всю жизнь работая в лазаретах: в первую мировую войну, в гражданскую войну и в Великую Отечественную, начиная простым санитаром в первую мировую, он понял, что люди «ко всему привыкают, и Миръ становится единым лазаретом, где все страдают, вопят, смеются, молятся, едят, пьют, выздоравливают и умирают, но только никогда, никогда не воскресают».

«Я рос в лазарете, как фикус на белённом мною подоконнике. И я вырастал, и я осознавал себя, лазарет и таинственный Миръ за окном, где бесконечно творились революции и войны; и я, ухаживая за ранеными, посильно участвовал в страшных и прекрасных событиях, ибо тот, кто живёт, не может не жить, кто дышит, не дышать не может.

...Одною ногой ступал в безумие, зато другою я прочно стоял на земле, я знал: есть болезнь, и есть здравие, и я клал мою молодую жизнь к подножию общей, великой и кровавой Жизни-Распятия, в городе с храмовых колоколен лился то тяжёлый и гулкий, то нежный и прозрачно-птичий, весенний звон, а мне было недосуг заходить в церковь помолиться и поставить свечу: я задыхался от работы, и хирургия была моим светом в ночи, слоями моего Времени, моей любовью».

Но этого оказалось недостаточно: «...я всё дальше, всё бесповоротней уходил по дороге священного безумия. Безумие мое, дитяtko, заключалось в том, что я хотел не в одном лишь родном лазарете лечить людей, а пуститься в дальний путь – по земле, по войне, по широкому Миру, и на этой длинной, страшной и бесконечной дороге лечить, лечить, лечить. Дарить, дарить, дарить. Отдавать, отдавать, отдавать. И не брать. Не брать никогда».

Отправившись на войну добровольцем, молодой доктор Алексей оказался в прифронтовом лазарете: «Мы жили везде

и спали везде. Не жалуясь, не разбирая. На войне никто ничего не говорит, только все всё делают. Война – молчаливое искусство.

Отдаются только приказы. Звенят крики команд. И гром залпа. И летит огненная смерть. Наше дело правое. Мы победим. А если не победим? Что нас ждёт? Нас всех? И врагов, и друзей?

Некогда было искать ответы. Я еле успевал поворачиваться. Обезболить. Перевязать. Вытащить пулю. Выпростать из красного мяса дикий чёрный осколок, стальной коготь. Десятки осколков, иной раз и сотни, не вытащишь, изымаешь лишь самые крупные, чтобы сильной муки не причиняли. Раны воспалялись. Гноились. Я вытирал лицо от пота и слёз гимнастёркой: мне выдали обмундирование; глубже надвигал на лоб каску: бойцы кричали, ты, доктор, ты давай береги себя, ты тут у нас один-единственный, тебя убьют, и кончен бал, погасли свечи! Кто нас будет спасать? Жизнь нам возвращать? Очень много было ранений в живот и в голову. В животе таится жизнь; в голове живёт мысль. А дух? Где он живёт? А душа?»

Вереницы солдатских глаз проходили перед доктором на хирургическом столе: «Эти глаза видели поля смертей. Созвездия смертей. Снопы смертей и её стога. Убитых людей Время сгребало в стога, а я? Что я делаю тут? Да, людей спасаю. А столько людей на земле – меня ждут! Разве я их покину! Мой народ гомонил и кричал вокруг меня, и мне счастливо было чутя себя его семенем, маковой росинкой».

Весь мир – лазарет

Алексей родился в маленькой деревне, матери не помнил, остался после смерти отца с двумя братьями, один из которых отвёз Алексея в городской лазарет санитаром, и этим уготовил ему судьбу хирурга.

И Алексей ещё не знал тогда, что встретит на войне своего друга-врага – хирурга Николая. Николай – человек дела, он уверен, что все на свете «делают дело, а иного не дано». «Никакого Бога нет, – рассуждает он. – Всё это сказки, про богов. Люди сами себе утешение в скорбях выдумали, чтобы сильно не плакать по ночам».

Огромный врачебный опыт, полученный на войне, работа в госпитале делают Николая Петровича высоким профессионалом. Несмотря на внешнюю суровость, он задумывается о людях, их судьбах, о боли, которая выпадает им на долю:

«Осколочных ранений тьма-тьмушая. То и дело осколки в ведро выбрасываю, они звенят. Спать лягу – этот звон у меня в ушах. Кого оперирую под местной анестезией, новокаин вкачу, они лежат, зубами скрипят, иной раз я им между зубов щепку вставляю, чтобы вгрызлись крепче и не орали. Терпят. А кому даю общий наркоз. Мне ещё в городе присоветовали, в госпитале: ты там раненых щади. Они и так в бою побывали. Смертушку в рожу видали. Жалей их. А тебе что, эфира жалко?» Но солдат после эфира «...медленно поворачивает голову на железяке стола, и его бурно рвёт. Всеми внутренностями. Всей проклятой войной. Всей святой войной».

И лазарет не является защитой от смерти и боли: «...бомбят раненых и врачей. По всем конвенциям такого делать нельзя. А вот делают. Наглецы. Война, разве у неё есть совесть? Совесть, она для мирных времён».

«Человек убивает человека»

Слепой Алексей, лёжа на лазаретной койке, исповедуясь перед молоденькой нянечкой, вспоминает своё первое причастие: «Священник бормотал надо мной молитвы, и я не особенно вслушивался в слова. Я впивал их всем собою, будто я был хлеб, и это меня, меня обмакнули в сладкое вино. Потом я встал, неиспытанное чувство Вселенской чистоты разлилось по телу, по сердцу, по всей церковке, по всему окоёму за её старыми дряхлыми стенами. Я был одно с Мiромъ. А Мiръ воссоединился со мной. Как бы сохранить это чувство, думал я потрясённо, не уронить, не растерять. Захлестнула волна неиспытанного счастья. Я боялся его нарушить любым жестом, разбить хрусталём. Это как в любви. Внутри меня пело. Кто это пел? Я сам? Бог? Душа?»

Он открыл для себя, что Православие дало миру живоносное, объединяющее начало, что русский народ, благодаря боговейной и горячей вере во Христа Бога, наиболее способен к примирению и объединению с другими народами.

В последние дни своей жизни Алексей размышляет: «За нашими спинами столько драгоценностей в сундуках. Столько мудрости! А мы живём одним днём. Есть в одном дне наслаждение, но есть и опасность забвения того, что было и что надобно помнить. Человек беспамятный – это машина, шуруп. Всяк может его вывинтить и ввинтить, куда заблагорассудится».

Надо помнить, что сундуки драгоценностей – это наши традиции, наше культурное наследие, научные достижения, наши святые, наши герои, наши победоносные битвы и трудовые подвиги.

Почему же человек убивает человека? Из страха, который, как известно, отключает одно полушарие, из сатанинского влияния, из-за низких вибраций духа, из-за ограничивающих мысль и мировоззрение убеждений?...

«Я вижу мою Землю, – вышётпывает Алексей свои последние слова, – а на ней идут войны, сшибаются миры, народы в кровь бьют друг друга, топят, сжигают и вешают, расстреливают в упор, один народ убивает другой, из ненависти, а бывает, из любви, ведь когда зверь-человек любит и страдает, он хочет убить того, кто причиняет ему страдания. А когда он любит и счастлив, он хочет убить того, кого любит и кто любит его – чтобы его любовь никому другому не досталась. Чтобы только он один владел!»

Свет со тьмой, добро со злом вечно сражаются, как на земле, так и на небесах: «Человек убивает человека. А там, вдали, над полем, я вижу, как сшибаются тучи. С одной стороны наползают тучи светлые, облака кучевые, летят из них стрелы солнечные, стрелы пламенные, стрелы огненные; с другой стороны наваливаются тучи смоляные, нефтяные, дегтярные, цвета взорванной земли; они, несомые грозовым ветром, приближаются быстро и неотвратно; летят из них чёрные длинные копья, вонзаются в светлые, сияющие тела лёгких, победно-радостных облаков. Битва Небесная! Битва Предвечная! Там, в небесах, времена и народы бьются – не на жизнь, а на смерть. И очень важно, кто победит. И – надо победить! Даже если все умрём!»

«Мы – сила! Мы – слава. Мы – вера. Мы – воинство. Мы пойдём сражаться за Родину и за жизнь, и мы уже – народ. И, умирая, падая на землю в кровавом бою, мы продолжаем жизнь. Мы не даём земле умереть! Ещё немного! Ещё живи! Ещё..»

Мысли о встреченной на фронте синеглазой медсестре – её, раненную при бомбёжке санитарного эшелона, спас от смерти хирург Николай, а доктор Алексей нежно называл её Душой, Душенькой, – не оставляют героя книги. Она становится его упованием, его великой надеждой на жизнь, его любовью. У Алексея Душенька ассоциируется с Богородицей: «Где же душа, где она кочует, где ночует, где гнездится, птица? Если бы знать ответ! Синие очи глядели, летели в меня с византийской иконы. А может, с Херувимской-Серафимской фрески, где тёмно-золотой, как густой цветочный мёд, фон, и Оранта поднимает руки ладонями ко мне, и глядит на меня круглыми громадными, величиною с чайное блюдце, синими глазами, и хитон Её кровавый, и плащ Её синий, и спасибо, благодарю Тебя, Царица Небесная, что не оставляешь меня без призора, молчишь и глядишь, приглядываешь за мной; и всё меньше земного моего времени заботу Твою отработать Тебе, и всё больше понимаю я, важнее любви к Живому и постоянного, каждодневного воскресения угаасающего, бесконечно умирающего Живого нет у человека, да и у Бога, дела на земле».

Излечение и молитва

Алексей лечит и молится. Он исцеляет людей чуткими руками и исцеляет Божиим Словом. Земное и небесное слились в единое целое, вневременное: «Душе моя, душе, восстани! что спиши!»

«...я сам, сам те пламенные молитвы на ходу сочинял, и Господь меня простил за это, и не только простил, а в сём новом, северном Вифлееме, в сердцевине лютых полярных морозов, в скрещении кровавых закатных, посмертных ножей, среди расстеленных по выставшей землице белых парчовых платов, неистово, яростно сверкающих под низким молочным, сливочным Солнцем и под солью-россыпью юродивых звёзд, Господь меня – да, меня! жалкого слугу Своего! разнесчастливого, битого-забытого иерея Своего! каждодневного пахаря чернозёмного-вселенского, безграничного поля Своего! – поддержал, ободрил, обласкал, с небес сильною рукой перекрестил! Так, без слова

единого, Он сказал мне: делай, что должен делать, и буду Я тебе помочь!»

И так понял Алексей, что его предназначение – собирать души живые, собирать сокровища душевной красоты, которые не подвергаются эрозии, работой духа укреплять каркас общественного бытия. Елена Крюкова уходит от политической его проекции, ей важна внутренняя, нравственная, совестливая, духовная опора, включающая в себя и личную, интимную, и общечеловеческую, общенародную составляющую. Войны всё равно заканчиваются, и наступают времена диалогов. И снова понадобятся верные слова для внутреннего оформления диалога цивилизаций, общения народов и культур.

Слово «славянин» возникло от полученного человеком в незапамятные времена небесного дара Логоса, Слова, чистого, совестливого, справедливого; оно дано нам, чтобы в очередной раз спасти планету от вырождения, эгоизма, злобы и хитрости, и чтобы именно России, с её устремлённостью к высотам Духа, стать эпицентром позитивных исторических изменений. «На войне память обостряется». Народы мира, наконец, примут и поймут её, России, глубинность, святость, целомудрие, безмерные страдания, готовность через страдания созидать великую радость, и услышат её песнь, обращённую в небеса.

Во втором номере журнала «Берега» (апрель 2023) был опубликован отрывок из новой книги Елены Крюковой «Лазарет», которая с тех пор уже увидела свет в издательстве «Литрес» (<https://www.litres.ru/book/elena-krukova-11120473/lazaret-69188080/chitat-onlayn/page-5/>)

Прекрасно оформленная художником Владимиром Фуфачёвым, книга «Лазарет» посвящена памяти великих русских хирургов: святителя Луки (Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого)¹ и Николая Михайловича Амосова².

¹ Архиепископ Лука – российский и советский религиозный деятель, врач-хирург, учёный и духовный писатель, автор трудов по анестезиологии и гнойной хирургии. Доктор медицины, доктор богословия, профессор. Лауреат Сталинской премии первой степени за монографию «Очерки гнойной хирургии»

² Николай Михайлович Амосов – кардиохирург, учёный, литератор, академик АН СССР и НАН Украины, Герой Социалистического Труда

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДИАГНОСТИКА» НАШЕГО ВРЕМЕНИ

О книге Галины Чудиновой «Хранители»
(Пермь, 2022)

В основе книги повестей, рассказов, очерков «Хранители» Галины Чудиновой – подлинная Православная вера и её поиски, как автором, так и её героями – хранителями нравственных основ жизни нашей страны. Исповедальная лиричность глубокой женской души и драматизм событий, настигающих Россию в постсоветский период, понимание необходимости удержать человечность, верность традициям, – делают труд Галины Чудиновой литературным свершением.

На многие вопросы к руководству России мы до сих пор не получили ответов, но писатель видит среди окружающих её людей – духовно сильных героев, противостоящих коррупции, мафиозности, алчности, находящих также словесное определение ситуации и рождённых ею задач. Они с риском для жизни отстаивают веру в справедливость, созидают, помогают себе и другим, участвуют в событиях в Чечне и на Донбассе.

Писатель встречает в жизни не только «Хранителей», но и разрушителей, раскрывая суть и причины этого с молчаливой грустью и душевным страданием из-за неразвившегося таланта её героев, или неосуществлённой любви, или необрётённой веры, или неутолённой жажды бытия.

Мы не хотим, чтобы нам писали нашу историю так называемые «победители в холодной войне», лживые и корыстолюбивые, и одна из нас – писатель Галина Чудинова – говорит своим современникам и потомкам, как оставались честными её герои в 90-е годы, хотя это было очень нелегко – противостоять тем, кто откликнулся на призыв «обогащайтесь, кто может» и как может. В шоковых реформах сгорела очень быстро популярность борца с «партийной бюрократией», на месте которой выросла беспредельная – чиновничья.

Все герои книги социально активны со знаком плюс или минус. Они занимают разные ступеньки на общественной лестнице: Мамлюкаев – министр, «арбузный мальчик», ставший царьком поселения, криминалитет, возглавивший местное самоуправление, директор завода, разбитый болезнью. Обращаясь к актуальности, Галина Чудинова схватывает метафизическое дыхание бытия, указывая, кому противостоят её «Хранители»: «Украинские и русские либералы почти полностью сдались Западу: кто за кружевные трусики, кто за баварское пиво, кто за виллы и счета в Европе».

Книгу открывает повесть «Такова аспирантская жизнь», нелегкий марафон молодого учёного Анны к защите кандидатской диссертации на фоне жизни в Москве в 80-е годы XX века: в череде смертей генеральных секретарей КПСС, в пересказе анекдотов о лидерах Страны Советов, начиная с Хрущёва, коллекционировании белых мерседесов бывшим министром МВД Щёлоковым, укравшим люстру из Таврического дворца, а также сыном Кириленко, поместившим огромный вклад в Цюрихский банк. Бандитизм и мафиозность партийной верхушки 80-х годов разрослась раковой опухолью по стране в «лихие» 90-е годы, принесшие России превышение смерти над рождаемостью. Рождалась или возрождалась либеральная интеллигенция, мечтавшая о загранице и млевшая перед всем иностранным. А честные культурные люди страны умирали от инфарктов в истощающей борьбе между чувством и долгом, в поисках смысла в безвыходной ситуации, – извечная тема русского писательства, за которую смело взялась Галина Васильевна.

В повести «Дорога – подруга моя» Андрей Шадрин отправляется в путешествие по миру благодаря свалившемуся на него наследству от тёти. Перед этим, находясь в депрессии, он хотел покончить жизнь самоубийством, от которого спасла ангельской верой и молитвой любящая его девушка Ирина, учитель русского языка и литературы, интеллигентная, жертвенная, чуткая и умная. На фоне взаимоотношений и переписки Андрея и Ирины разворачивается нешуточная баталия между олигархом, директором «Уралкалия» Рыболовлем и его бывшей

женой, судящейся во многих странах Европы за виллы, счета, машины, картины, приобретённые на награбленное на Урале.

Равнодушного путешественника по миру Андрея Ирина вовлекает в понимание России, нелегкой судьбы Православия на примере героев произведений Алексея К. Толстого, Аркадия Аверченко, Михаила Осоргина, помогает постичь, как страшно остаться без Родины.

Повесть «Творящие благо» – о том, как сложно нащупывается путь обычных людей к прекрасной, благородной, великой России, к её возрождению среди невзгод, хищений, смертей: «В сердце боль затаив, песню счастья пою», – повторяем эти слова известной песни, уходя от богоотступничества, принимая духовное единение, которым мы всегда обладали интуитивно.

«Хранителей» мы часто застаём за молитвой, за слушанием литургии в храме, за торжественным и неспешным церковным пением, причастием и исповедью. Цельная личность Александра Левицкого контрастирует с мятущимся и, как он говорит о себе, «живущим не своей жизнью» Николаем Коваленко. Он ищет себя то на Луганщине, то в Никарагуа, то в Аргентине, пока, наконец, не обретает «найденную жизнь» в строительстве Православного храма, собственной семьи.

Александр с женой Ольгой остались в осаждённом Луганске, поддерживая ополченцев. Убийство жены Ольги у цистерны с водой от рук украинских карателей, – невосполнимая утрата и горе привели Александра к храму. «Всё чаще вспоминались Левицкому слова отца Вячеслава: «Так какую же светлую жизнь хотим мы построить в Донбассе без Бога? А у меня в Городищах за всю войну не погиб ни один человек: все спасались молитвами».

«Нехристианин Паршек» – это повесть о судьбе Порфирия Иванова, автора оздоровительного учения «Детка», о котором так много говорили и писали в 80-е годы XX века, имевшего немало последователей, в том числе находятся они и в наше время. Порфирий Корнеевич Иванов умер в 1983 году в возрасте 85 лет. Старец ходил босиком по снегу, раздетый до пояса, проповедовал обливание холодной водой и голодание – один день в неделю. Это был небывалый в истории человечества экс-

перимент. «Сначала он снял шапку, потом отказался от одежды и обуви, и так стал ходить круглый год. И победил природу любовью, овладел целительными силами, возвращал зрение слепым, поднимал парализованных, лечил раковых больных». Он обращался в разные инстанции от ЦК КПСС до научных учреждений, чтобы его опыт можно было распространять среди молодежи, но не находил поддержки, лишь оказывался в психиатрической больнице. Сам же он в конце жизни признавался, что он мог исцелить лишь того, кто его об этом попросит, завещал обращаться к нему с просьбами и после его смерти. Сложный образ, созданный Галиной Чудиновой, предстает как человеческая душа, в которой борется божественное и бесовское.

В рассказе «Противостояние» Сергей Рогов, начальник тыловой части, морально сражается с нечистым на руку начальником оперативной группы отряда МВД Фёдоровым. Рогов возвратился домой со скромными заслугами, как он сказал на исповеди: «Грязная с тараканами столовая стала чистой. Описано имущество на складах, отреставрирован памятник погибшим воинам, отряд нормально питался, стирка, баня, снабжение – на должном уровне. Домой я вернулся с потраченными из своего кармана восьмьюдесятью тысячами рублей, с проседью в бороде, с расшатанными нервами да с кучей благодарностей от чеченцев и своих сослуживцев, от командования в Перми. Грешен я, чуть не убил человека (Фёдорова), да Господь отвёл от убийства, спас и меня, и мою семью». В полном молчании выслушал отец Александр эту необычную исповедь и допустил Сергея Рогова к причастию в светлый праздник Рождества Христова». Русская тоска и порыв, не однолинейный характер главного героя воспринимается читателем как нечто естественное, понятное, родное.

Неоднократно отправлялась Галина Чудинова на Донбасс после 2014 года, она делится своими выводами в очерке «Скорбь и надежды Донбасса»: «Всем понятно, что судьба его жителей напрямую зависит от коренного улучшения ситуации в России, а страна вновь находится в состоянии круговой обороны от сил объединенного Запада. Но главная опасность исходит от врагов внутренних. Для спасения и России, и Донбасса нам действительно нужен тип человека молитвенника, воина, героя,

труженика, семьянина, патриота. Только такой – нацеленной на победу, – должна быть наша государственная идеология, только при таких условиях мы выстоим, победим!»

Автор «Хранителей» обращает внимание на актуальность творчества Владимира Голубева (книга «Выживание русских»), Алексея Ивакина («Донецкий исход»), Ивана Лепина («Марс над Полуденной»), Ивана Донецкого («Мама, если не я, то кто же», «Донецкий реквием»).

Герои книги Галины Чудиновой получили страшный опыт 90-х годов, Чеченской кампании, опыт отстаивания Русского мира в Новороссии. Большинство из них исполнены простоты и тихой душевной красоты, естественности, непосредственности в их любви к Отчизне, служении нравственному закону, что делает возможным восстановление связи времён, одухотворённую чуткость по отношению к предкам потомками, осуществление земных надежд на благоденствие Отечества. Надо, чтобы все прочли эту книгу и поняли «необходимость скорейшего строительства новой исторической эпохи, нравственной и социально справедливой России с её духовно зрелым, социально эффективным обществом, где каждому человеку найдётся дело...».

Галина Васильевна Чудинова – прозаик, литературовед, публицист. Автор нескольких книг. Кавалер ордена Достоевского III степени (2013). Член Пермской краевой организации Союза писателей России с 2015 года. Прихожанка пермского староверческого храма во имя Святителя Стефана Пермского. Живёт в посёлке Юго-Камский Пермского края. Публиковалась в журналах: «Берега», «Литературная Пермь», «Сибирский старообрядец» (Новосибирск), «День и ночь» (Красноярск), «Всерусский Собор» (Санкт-Петербург), «Крылья» (Луганск).

«ИСПОВЕДЬ ОФИЦЕРА»

О творчестве Алексея Новгородова

Алексей Викторович Новгородов, когда мы познакомились в Союзе писателей России, привёл в изумление четырьмя орденами Мужества на его груди. Таких людей редко встретишь, потому что их всего четыре человека в стране.

Он родился в звездный день – 12 апреля 1961 года в Подмосковье, служил в воздушно-десантных войсках, затем – двадцать лет солдатом правопорядка, от слушателя Московской высшей школы милиции МВД СССР до руководителя подразделения центрального аппарата МВД России. Участник Первой и Второй чеченских кампаний. Был ранен. Полковник милиции, награждён не только четырьмя орденами Мужества, но и медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Лауреат премии «Фемиды» (2010), премии Фонда Всехвального Андрея Первозванного, Центра Национальной Славы России «За Веру и Верность» (2014).

Его душевная и духовная красота открывалась мне постепенно в его произведениях и личных встречах, в его интеллигентности, предельной скромности, чувстве собственного достоинства, простоте и радушии в общении. Его жена Алёна сказала однажды: «О нас говорят, что мы с Алексеем – это мужество и красота». Помолчав, она добавила, что красота – это Алексей. Я ее отлично поняла, по-женски поняла, какое мужество надо иметь, чтобы ждать из смертельно опасных командировок, и что она любит в нем больше, чем мужество, его доброту и красоту души.

Со временем я узнала, что у них в семье не употребляют спиртного, совсем. Алена рассказывала, как на юбилей Алексея они пригласили чуть ли не двести человек, и было весело и интересно без капли спиртного. Алексей был воцерковлённым человеком, но не афишировал этого, верил в Создателя, никому ничего не навязывая, и Алёна разделяет православное мировоззрение.

Христианское, православное предстаёт в творчестве не явно, а в поступках его героев и самого автора. Я прочла все его произведения, позже вылившиеся в книгу «Исповедь офицера». Пер-

вым был рассказ «Боевая машина жигулёнок» // Берега – 2015 № 6 (12). Это рассказ-быль не только о бесконечно выручавшей на чеченских дорогах машине, он о «выполнении разведывательных задач операми УБОПа, засовывающим свой нос во все уголки полыхающей Чечни для получения оперативной информации о бандитах и их пособниках, о совершённых преступлениях и готовящихся терактах, о пленниках и заложниках». Раскрытая остроумным художественным языком, тема освобождения русского пленного, находящегося «в зиндане, где голод наматывает кишки на кулак, где боль от побоев и ран навевает мысли о смерти», – это освобождение неизвестного русского, чьего имени они не успели узнать. Это рассказ о смертельно опасном труде солдат правопорядка и благодарности поистине боевой машине жигулёнок.

«Верёвочка»

Через год Алексей прислал повесть «Веревочка» // Берега – 2016. № 6 (18), в которой находит конец одна из бесконечно вьющихся верёвочек по пресечению «напёрсточников, взлетевших на пене беспредела девяностых до уровня серьёзного преступного авторитета, наметившего себе цель – стать губернатором N-ской области».

В 2018 году была написана повесть «Серый» // Берега № 1(25) – 2018. У неё длинное, но необходимое подназвание: «У механизма победы в шестерёнках сотни зубцов». «Серый» снова возвращает читателя в военную Чечню, где он движется немислимыми ходами ума, души, воли к предотвращению террористического акта в Москве.

В этом же году Алексеем была создана повесть «Отложенный гол» // Берега № 4(28) – 2018, которая посвящена теме хоккейного детства, это попытка подытожить этапы своей жизни: «Атаки ледовых батальонов переросли в боевые атаки настоящей войны. Любимая хоккейная площадка сменилась горами полыхающей Чечни. На смену беззаботным дружеским посиделкам пришли допросы бандитов и преступников разных мастей. Калейдоскоп жизни закрутил разноцветные пазлы моей судьбы, иногда демонстрируя какой-то яркий фрагмент, заостряя на нём внимание, затем отодвигая его в дальний уго-

лок этой недетской философской игрушки, чтобы потом под другим углом показать его, высветить иным светом, обрамляя совсем другими красками понимания».

«Получив в воздушно-десантных войсках пожизненную прививку: «Никто, кроме нас» и стократ закалив в Московской высшей школе милиции МВД СССР чувство обострённой справедливости, я шагнул из хоккейной коробочки в удивительно разнообразный и непредсказуемый мир уже настоящим защитником – Оперуполномоченным московского уголовного розыска.

Нисколько не сомневаясь, что мир ждал только моего прихода в правоохранительную систему, чтобы, наконец-то, вбить осиновый кол и забить последний гвоздь в крышку гроба распоясавшейся преступности, получив хоть и синий, но всё-таки диплом оперуполномоченного с высшим юридическим образованием, я досадовал лишь об одном, что создать беспреступный рай мне придётся только на отдельно взятом участке местности, ограниченным зоной административного действия 65-го отделения милиции города Москвы».

И вот детское увлечение хоккеем снова позвало на лёд, чтобы совершить отложенный сорок лет назад гол.

Последним произведением стала повесть «Выбор» //Берега № 3 (33) – 2019. Она тоже получила подназвание – Выбор между личным и вечным.

Выбором было заявление о направлении туда, куда его звали судьба, совесть, профессиональные навыки: «И закрутила меня круговорот Кавказских командировок, и уже непонятно, где по времени я больше находился: здесь или там. И опять же – что считать «здесь», а что – «там»: Москва? Владикавказ? Назрань? Нальчик? Грозный??? Первая Чеченская, вторая Чеченская кампании, выборы в Карачаево-Черкесии, ликвидация последствий Осетино-ингушского конфликта. «Опер» в мобильном отряде, руководитель спецгруппы, начальник отдела по борьбе с организованной преступностью, «важняк» ГУБОП, начальник спецподразделения».

Алексей писал: «Господь всегда даёт выбор: либо стоять насмерть, невзирая ни на что, оставаться самим собой, быть преданным Родине, Вере, Флагу, Дружьям, либо прогнуться и потом подбирать, один лучше другого, оправдания своему малодушию».

«...у него был выбор, чтобы остаться в живых, – надменно улыбаясь, считая себя вершителем судеб, с издёвкой в голосе признался в убийстве Евгения Родионова бригадный генерал Ичкерии Руслан Хайхороев, нисколько не стесняясь иностранного представителя ОБСЕ. – Он мог бы жить, мог бы веру сменить и жить, но он не захотел с себя креста снимать».

ДА!!! После ста дней плена и жестоких пыток бандиты предложили Евгению Родионову изменить вере, снять нательный крест и принять ислам. Казалось бы, от голодного, избитого, замученного пацана требовали немногого; всего лишь собственноручно снять крестик, как символ веры, но он отказался, за что был жестоко казнён в свой девятнадцатый день рождения. С ужасом в глазах и разорвавшимся сердцем Женю опознала его мать по нательному кресту с запёкшейся на нём кровью, который был найден в могиле на обезглавленном обезображенном теле».

Выбор есть и у «уважаемых товарищей из Москвы»: наградить тех, кто выполнял свой долг под пулями и ежесекундным риском для жизни, или присвоить себе их подвиг.

Выбор есть и у тех, у кого отняли «товарищи из Москвы» победу: «Лёжа на кровати, я не молился, ничего не просил, а просто разговаривал со Святителем Спиридоном, не произнося вслух ни слова, чувствуя, как по телу разливается умиротворённость, успокоенность и понимание правильности своего выбора. Спасибо Василичу с его красавицей женой Леночкой, которые на заре нашей дружбы, вернувшись с Корфу и вручая этот дар, одухотворённо рассказывали житие святого, навеки связали меня искренней любовью со Святителем Спиридоном, которую незримо стократ сильнее я получаю в ответ. Я ему просто по-сыновьи рассказываю свою жизнь, а он с иконы смотрит на меня всегда разным: то грустным, то весёлым, то озабоченным взглядом, держа в руке камень, из которого вверх вырывается пламя, и одновременно вытекает вода. Это он на Никейском соборе таким чудом доказал триединство Господа – Отца и Сына и Святого Духа. А мне отдельно, строго по-отечески показывает, что помогает он только людям с чистыми, как ключевая вода, помыслами, твёрдыми, как камень, убеждениями и пламенной душой».

САУР-МОГИЛА. ДОНЕЦК-2021

Тема культуры уступает лишь
теме войны на Донбассе.

Николай Бурляев

Вот и новая встреча с Донбассом 7 сентября 2021 года. Как изменилась граница между ДНР и Ростовской областью! Погранпереходы мощнейшие, как на границе Калининградской области с Литвой и Польшей. Огромные ангары, таможенные досмотры, пренебрежительные пограничники и таможенники. Не раз я слышала в Донецке жалобы на пограничников России, на их грубость, если не сказать хамовитость, что неприятно задело и меня.

Но вот попадаешь на территорию ДНР. Какие симпатичные и человечные лица на границе здесь. Работают чётко, и быстро, и доброжелательно. Здесь человек другой породы, семь лет живущий в условиях войны.

8 сентября едем к Саур-Могиле из Донецка на машине, которую вёл легендарный спортсмен, поднимающий гирию одним мизинцем, у которого медалей по весу столько, что даже его тренированное тело не может их носить вместе. Это президент Федерации гиревого спорта Донецкой Народной Республики Александр Павлович Дяговец, заслуженный мастер спорта; судья международной категории; обладатель рекорда Книги Гиннеса; десятикратный рекордсмен мира, чемпион мира и Европы, России, Белоруссии, Греции, Германии, депутат народного Совета ДНР, внимательный, лёгкий в общении, с чувством юмора.

По дороге к Саур-Могиле столько охраны в камуфляже, на некоторых постах танки, что я интересуюсь, помогают ли сегодня в охране луганчане или все из ДНР. Александр Павлович улыбается: «Своих хватает». Мы с ним, а также с писателями Сергеем Бережным и Юрием Хобой всматриваемся в тянущийся во все стороны далёкий степной горизонт.

Вспоминается А. П. Чехов, его рассказ «Счастье»: «– Экая ширь, господи помилуй! Пойди-ка, найди счастье! Тут, – продол-

жал он, понизив голос и делая лицо серьёзным, – тут наверняка зарыты два клада. Господа про них не знают, а старым мужикам, особенно солдатам, до точности про них известно. Тут, где-то на этом кряже (объездчик указал в сторону нагайкой), когда-то во время оно разбойники напали на караван с золотом; золото это везли из Петербурга Петру-императору, который тогда в Воронеже флот строил. Разбойники побили возчиков, а золото закопали, да потом и не нашли. Другой же клад наши донские казаки зарыли. В двенадцатом году они у француза всякого добра, серебра и золота награбили видимо-невидимо. Когда ворочались к себе домой, то прослышали дорогой, что начальство хочет у них отобрать всё золото и серебро. Чем начальству так зря отдавать добро, они, молодцы, взяли и зарыли его, чтоб хоть детям досталось, а где зарыли – неизвестно.

Моё счастье было другим, наподобие того, как описывал Иван Бунин, когда брёл по степи пешком в Святые горы: «Ветер стал ласковый, мягкий. Солнце согревало меня, и я закрывал глаза, чувствуя себя бесконечно счастливым. В южных степях каждый курган кажется молчаливым памятником какой-нибудь поэтической были. А побывать на Донце, воспетом “Словом”, – это была моя давнишняя мечта. Донец видел Игоря, – может быть, видел Игоря и Святогорский монастырь».

Найденным кладом были для меня встреча и общение с моими собеседниками. Расспрашиваю Сергея Бережного об Игоре Стрелкове, как Сергей Александрович нашёл Юрия Хобу и как издал его книгу «И вновь пылит Чумацкий шлях». Оказалось, в интернете, как и я, и мы встретились сегодня вживую впервые.

Машин, мотоциклов и автобусов на дороге становится всё больше. Мы приближаемся к Саур-Могиле, встреча с которой в моём сознании подготовлена очерком (вернее, он назвал его песнью) «Саур-Могилы» Николая Фёдоровича Иванова http://dovydenko.ru/images/berega_pdf/Berega_3_33_2019.pdf

«Донбасс порожняк не гонит! Если работать – то нет никого впереди Стаханова. Песни петь – неподражаемы Соловьяненко, Богатилов, Кобзон. Снимать кино – на форсаже Леонид Быков со своей поющей эскадрилей. Встать жертвенно против врага, никого не выдать и быть сброшенными в шурф шахты – всей Молодой гвардией.

А уж если иметь в своих степях высоту – то Саур-Могилу под триста метров над уровнем ближайшего Азовского моря. Захочешь, а не придумаешь более выгодного места для корректировщиков огня. Поищешь, а не найдёшь более погибельного места для пехоты, хотя в данном случае “могила” переводится всего лишь как “курган”».

Мы наблюдаем огромный ряд автомобилей, проходим вдоль такого же ряда автобусов, а людей с каждой минутой становится всё больше. У подножия Саур-Могилы построена огромная современная сцена, с экранами с двух сторон, с мощными микрофонами. Поставлены стулья для тех, кого сегодня наградят государственными наградами.

Ещё дома я прочла в СМИ, что мотоциклисты клуба «Ночные волки» совместно с ополченцами Донбасса подготовили акцию «Русский лес».

Саженьцы дуба, олицетворяющие доблесть и героизм русского воинства, привезли со всех уголков России. Всероссийская акция «Русский лес» стартовала в Севастополе в 2019 году. С тех пор мотоциклисты во главе с лидером мотоклуба Хирургом (Александр Залдостанов) сажают деревья русского леса по всей стране.

Ямы под саженьцы были выкопаны кем-то заранее, оставалось только набрать воды из машины с цистерной и полить. За водой сходили Сергей Бережной и Юрий Хоба, который активно ещё и фотографировал прибывшее правительство ДНР во главе с Денисом Пушилиным.

Мы с Александром Дяговцем стали высматривать приготовленные для посадки молоденькие дубки и, не сговариваясь, остановились на маленьком, пышном и приземистом. Пусть станет частью «Русского леса», высаженного у подножия Саур-Могилы. Растите, деревья, расти, русский лес! Сфотографировались вчетвером на фоне знамени ополченцев, а потом, проходя в сторону сцены, увидели несметное число мотоциклов.

Мы остановились у свежего перезахоронения погибших защитников Донбасса, молча почтили память. *«На могиле гвардии старшины наконец напишут его имя: “Гришин Олег Григорьевич. «Медведь». 03.02.1966–28.07.2014”. Отстоявших Саур-Могилу и оставшихся на ней под крестами и могильными холмиками*

окажется семеро. Семеро смелых. “Грек” – Хиргий Руслан Геннадиевич. “Урал” – Блажко Иван Васильевич. “Таксист” – Картуз Сергей Николаевич... А вот “Реве”, “Бумеру” и “Сёме” повезло, выжили. Нельзя, чтобы погибали все. Никак нельзя: Донбассу ещё сражаться и сражаться» (Николай Иванов).

Это был грандиозный день – День освобождения Донецка от немецко-фашистских захватчиков в 1943 году. Там собралось около 6 000 человек: правительство ДНР, ветераны, общественники, военнослужащие из РФ, ДНР и ЛНР, Защитники России и Донбасса – духовные и реальные, кто проливал свою кровь за независимость республик.

Собрался съезд ветеранов «Защитники России», объединивший участников боевых действий: войны в Афганистане, чеченских войн, грузино-абхазской войны, конфликтов в Приднестровье, Южной Осетии и Донбассе.

Курган Саур-Могила, за который советские войска вели ожесточенные бои, стал и символом Славы героических защитников Новороссии в 2014–2015 годах.

В 1967 году здесь был открыт мемориальный комплекс, который включил обелиск высотой 36 метров и скульптуру советского солдата у его подножия. Позднее здесь был зажжён Вечный огонь памяти воинов, погибших при штурме стратегической высоты в годы Великой Отечественной войны. Но в результате боевых действий в августе 2014-го мемориал получил сильнейшие повреждения.

И снова вспоминается песнь Николая Иванова: *«Пехоту изрешетили, но едва убийцы перешагнули взятый редут, из знойного июльского марева перед ними словно из земли вырос пилон с танкистами. Богатыри, красавцы в шлемах и комбинезонах! Несокрушимая силища, не выведи их скульптор из боевых машин, не выстрой в шеренгу прямо под пулемётную очередь. Воистину: ну что стоило спрятать гвардию за бронёй, глядишь, остались бы живы. А так... так маленькие, словно лилипутики в сравнении с горой и памятниками, камуфляжные человечки с полуфашистскими эмблемами на украинских шевронах посчитали за честь и ухарство вновь вскинуть автоматы. И очередями, очередями по своим дедам – грузинам, русским, белорусам, по*

таким же, как они сами, украинцам: танковые экипажи всегда считались интернациональными».

Члены Союза писателей России и Союза писателей ДНР и ЛНР также прибыли на праздник, на котором вручали государственные награды участникам боёв в 2014 году, в том числе родственникам павших в кровопролитных сражениях. Вечная Слава им!

Но приехали не только награждённые. Большинство людей прибыли, чтобы почтить память и возложить цветы к монументу. Потрясло единодушие, чувство братства, тепло и нежность друг к другу собравшихся людей. Я смотрела на широкую лестницу на Саур-Могилу, заполненную нескончаемым потоком людей, и к горлу подкатывал комок чувств – причастности к тому, чему не находится слов, и пониманию того, что «нефть подступает к горлу», как говорил поэт из Донбасса Алексей Парщиков, что, как опять же написал Николай Фёдорович, Донбассу ещё сражаться и сражаться.

Вот и познакомились у Саур-Могилы с полковником Ольгой Корса. Она легенда командиров Донбасса. Воюет с 2014 года. Установки «Град» дивизиона «Корса» уничтожали колонны противника, накрывали его опорные пункты, отгоняя украинских оккупантов от Горловки, Донецка и Макеевки. Реактивный дивизион Корсы – самая мощная ударная сила корпуса ВС ДНР. Подразделение принимало активное участие в Иловайской операции, в Дебальцевско-Угледорской операции. Сейчас это уже давно не ополчение. Это настоящее воинское подразделение.

Ольга – потомственный военный. В 18 лет надела погоны и больше их не снимала. Вся жизнь подчинена чёткому регламенту служебного устава. Кто же не знает, не понимает, что у войны «не женское лицо», но без них невозможно. Как только на Донбассе вспыхнули первые искры противостояния, она осознала, что её место в строю. В ополчение вступила в апреле 2014-го. С тех пор она на передовой.

В зарождающейся армии тогда ощущалась острая нехватка опытных офицеров, военспецов её уровня можно было пересчитать по пальцам. По первой специальности Ольга – разработчик программного обеспечения для систем наведения баллистических ракет.

В Славянске она устраивала рейды в тыл врага и уводила оттуда технику, ставшую впоследствии костяком для создания реактивного дивизиона ВС ДНР.

После ухода из Славянска подразделение Корсы передислоцировалось в Горловку. Город находился почти в полном окружении украинской армии и постоянно обстреливался. Командование ВСУ несколько раз в ультимативной форме предлагало ополченцам покинуть город, угрожая сравнять его с землёй. Требовалась активная работа артиллерии по подавлению огневых точек противника. Тогда за дело бралась Корса. Действовали слаженно и чётко, получали координаты, выезжали, отрабатывали цель и возвращались. Приходилось решать невыполнимые, казалось бы, задания. Светлая память, дорогая Ольга!

Хочу познакомить читателей с жителем Донецка Виктором Михалёвым. Это донецкий кузнец, которого однажды посетила идея – гильзу от снаряда, прилетевшего с Украины, перековать в розу. С 2014 года донецкий мастер говорит: «Они нам – снаряды, а мы – искусство. Снаряды – это страшно, это гибель, душа кричит». И он создаёт образ мечты о мире: гильза прорастает кованой розой.

Виктор Петрович переосмыслил войну в жизнеутверждающей и созидательной манере, создавая свои изящные и антимилитаристские работы. На пробитых касках, на гильзах зацвели нежные кованые розы. А неразорвавшийся снаряд от вражеского «Града» мастер превратил в корону Российской империи. Кузнец создал памятник защитникам Саур-Могилы, взяв за его основу снаряд от реактивной системы залпового огня «Ураган», перековав то, что несёт смерть, в красоту жизни.

Возвращаясь в Донецк, успела принять участие в Круглом столе, продолжении Купринских чтений. Встретилась с писателем Валерием Герланцем, подарившим книгу-миниатюру «БезУМНЫЕ МЫСЛИшки», в которой собраны афористически оформленные мысли, юмористические и сказочные миниатюры, созданные автором за четыре десятка лет. Они публиковались в «Литературной газете», в «Аргументах и фактах», в изданиях Донецка.

Луганчане вручили сборник «История Луганщины в лицах: выдающиеся деятели родного края», известные не только в России, но и в мире: Владимир Даль, Алексей Стаханов, Всеволод Гаршин, Михаил Матусовский, Любовь Шевцова и другие. А также пронзил меня сборник детских рассказов о не закончившейся войне, начиная с блокады 2014 года. Авторы – Татьяна Анпилогова и Нина Вострякова.

И вот совсем небольшая на этот раз прогулка по городу, к театру оперы и балета. В 2003 году в Театральном сквере была установлена скифская композиция, состоящая из трёх бронзовых скульптурных фигур: пекторали, воина и шлемовидного головного убора. Все три фигуры – копии произведений скифского искусства. Скульпторы: Юрий Иванович Балдин и Владимир Григорьевич Киселёв. Столько читала о золотой пекторали скифского царя, и вот её увеличенная бронзовая копия необычайной красоты. А подлинник хранится, а точнее хранился, в Музее исторических ценностей в Киеве. При Порошенко музей закрыли, просто закрыли, и никто не знает о судьбе скифского золота, видели отдельные вещицы на жене Порошенко, щеголяла в них и София Ротару, «прославившаяся» помощью ВСУ из денег, полученных на гастролях в России.

Надо было обязательно перед дорогой домой зайти в Спасо-Преображенский собор в центре Донецка, отстроенный вместо взорванного в 1936 году, где первая Пасхальная служба прошла в 2007 году. Острый запах белоснежных лилий накрыл меня при входе в храм. Редкие посетители. Службы не было, звучал в записи нежный церковный хор. Я остановилась у иконы святителя Николая Чудотворца и просила о мире на земле, о прекращении войны на Донбассе, прекращении в России жестоких, саморазрушительных действий, будь то выборная фальсификация, или игры в монархию, или пытки заключённых, всего того, что является свидетельством моральной деградации верхушки, молилась о том, чтобы человечество помнило о несломленном духом народе Донбасса как вершине нравственного подвига.

«Я ТУТ»

О книге Елены Дубровиной

Елена Дубровина мастерски владеет художественным языком прозы, отыскивая в повседневном мире сюжеты для решения социально-психологической и духовно-нравственной задачи повседневного бытия в своих произведениях. Елена – автор романа «Туда, где рождается Солнце», сборников рассказов: «Пшеничное сердце», «Бабушка-Вуду», «Я тут». Её рассказы вошли в сборники российских авторов «Покатилось жизни колесо» и других изданиях.

Её проза получила высокую оценку на VI Международном литературном фестивале «Славянская лира-2019» в номинации «Малая проза. Свободная тематика». Она победитель белорусского радиоконкурса 2018 г. (аудио рассказ «Заколдованное платье» – Радио «Гомель-плюс») Рассказ читает популярный теле- и радиоведущий Сергей Краснобо-род: <http://elena-dubrovina.ru/pobeda-na-belorusskom-radio-konkurse-ot-radio-gomel-plus/>

Её общественная работа в составе жюри городских и региональных конкурсов чтецов: «Живая классика», «Откроем для себя Исаевские строки», «Я научила женщин говорить» и др. позволяет ей находить сюжеты для своих рассказов и вдохновиться на поиски истины, раскрывая в своём творчестве образы, духовно сопрягаемые с православной этикой. Персонажи рассказов остаются в памяти, вызывая в сознании необходимость нравственного каркаса общественной жизни. Выступая инициатором и организатором литературных конкурсов для школьников, она приобщается к миру необычных детей, став организатором благотворительного проекта для детей-сирот и детей-инвалидов «Лука и лучики». И это даёт решительность и ответственность музе Елены Дубровиной находить в людях, оказавшихся в обстоятельствах лжи, черствости, бездушия, лучики человеческой теплоты и сердечности, обнаруживая сложную связь героев с Небом.

Рассказ «Батюшка из Луганска» о наполнении сердца «топливом», имя которому любовь. «Настоящее чудо – это мир, настоящее чудо – это любовь». В условиях войны, когда злые силы ломают ветви в кроне православия, иноверец припадает к православному кресту, а неистовые побеги древа жизни произрастают через семерых детей батюшки.

В «Бисере на асфальте» автор поднимает тему мастерства в различных занятиях людского рода, и главное, чтобы каждому «ремеслу внимал Бог», чтобы в «удушливой среде зависти и порока» мастер помнил Создателя.

«Цвет безобразия» – это рассказ о бывшем Дворце культуры, который сейчас наполнен бильярдной, кальянной, кафе с несмолкающей дисгармонией звуков – одним словом Дворец без культуры, потому что «настало странное время, когда духи смердят, обувь неудобна, декор уродлив, книги тупы, хлеб и вода – муляж и синтетика» на фоне мрачного урбанистического пейзажа». И всё же ещё не всё потеряно, потому что мы это понимаем и этого не принимаем.

Елена Дубровина – современный писатель, который, подобно Ф. М. Достоевскому, не боится спуститься в трущобы и мир беспризорников, готов, хороров, клиентов психологов, беднейших слоев России, и найти там не отчаяние, а тихую веру, молитву, преодоление обстоятельств, сохранение чувства собственного достоинства. В сборнике рассказов «Я тут» она предлагает «по достоинству оценить широту русской души самого обыкновенного человека». Самый неприметный герой её рассказов, по мнению Елены, неповторим, несёт в себе огромный уникальный мир. Она утверждает человечность, учит состраданию, милосердию, сборник полон доброты и любви.

Новый сборник рассказов, прекрасно изданный в Санкт-Петербурге в 2020 году, привлекает внимание читателя к природе, искусству, как говорит сама автор: «это широкий охват видимого под призмой прошлого и будущего». Книга называется «От: ума, воображения, сердца». Её рассказы публиковались в журналах: «Берега», «Молоко» и множестве других изданий, – и получили высокую оценку литераторов. Сборник состоит из трёх частей: От ума (известные читателям «Берегов» «Бисер на асфальте», «Цвет безобразия»), От воображения, От сердца, где

Елена Дубровина отвечает на вопросы о сути дел человеческих, сути их результатов, о душе, любви и сердце, смело указывает на причины деградации личности, лишённой цельности и духовности. Мы ярче понимаем подлинность жизни, и того, что мы есть друг у друга.

Собранные Еленой воедино воображение, любовь и интеллект – «три птицы, свободные и вольные лететь, куда хотят, и прекрасно, если при этом они ручные».

Качество прозы Елены Дубровиной гарантировано также редакторским сопровождением великолепного прозаика нашего времени Сергея Пылёва, с помощью которого я открыла для себя творчество Елены, у которой наряду с широтой кругозора, вовлечённости в глубины жизни, есть главное – духовная интонация.

Елена Дубровина – современный писатель, который, подобно Ф. М. Достоевскому, не боится спуститься в трущобы и мир беспризорников, готов, хороров, клиентов психологов, беднейших слоев России, и найти там не отчаяние, а тихую веру, молитву, преодоление обстоятельств, сохранение чувства собственного достоинства. В сборнике рассказов «Я тут» она предлагает «по достоинству оценить широту русской души самого обыкновенного человека». Самый неприметный герой ее рассказов, по мнению Елены, неповторим, несет в себе огромный уникальный мир. Она утверждает человечность, учит состраданию, милосердию, сборник полон доброты и любви.

Елена и сама организатор благотворительного проекта для детей-сирот и детей-инвалидов «Лука и лучики».

Новый сборник рассказов, прекрасно изданный в Санкт-Петербурге в 2020 году, привлекает внимание читателя к природе, искусству, как говорит сама автор: «это широкий охват видимого под призмой прошлого и будущего». Книга называется «От: ума, воображения, сердца». Ее рассказы публиковались в журналах «Берега», «Молоко» и множестве других изданий и получили высокую оценку литераторов. Сборник состоит из трех частей: От ума (известные читателям «Берегов» «Бисер на асфальте», «Цвет безобразия»), От воображения, От сердца. где Елена Дубровина отвечает на вопросы о сути дел человеческих, сути их результатов, о душе, любви и сердце, смело указывает

на причины деградации личности, лишенной цельности и духовности. мы ярче понимаем подлинность жизни, и того, что мы есть друг у друга.

«Лично для меня, – пишет Елена, – масштаб писателя открывается в следующем: когда он работает над произведением в реальном времени, он одной рукой держит связь с предками, а другой – с потомками, при этом творит с оглядкой на вечность – получается такой крест. Крест писателя.»

Собранные Еленой воедино воображение, любовь и интеллект – «три птицы, свободные и вольные лететь, куда хотят, и прекрасно, если при этом они ручные».

Качество прозы Елены Дубровиной гарантировано также редакторским сопровождением великолепного прозаика нашего времени Сергея Пылева, с помощью которого я открыла для себя творчество Елены, у которой наряду с широтой кругозора, вовлечённости в глубины жизни, есть главное – духовная интонация.

«Я ДУМАЮ ПО-РУССКИ»

Владимир Иванович Даль

Был он лекарем, хирургом, основателем Русского географического общества, автором учебников по ботанике и зоологии, научных статей, писателем, собирателем фольклора, этнографом, бытописателем башкир и казахов, сочинителем сказок и познавательно-нравоучительных рассказов для народа, чиновником, работал на токарном станке, играл на музыкальных инструментах, пел, был гомеопатом и спиритом, а главное – создателем всемирно известного «Толкового словаря живого великорусского языка». В данном небольшом исследовании речь пойдет о Дале – лейтенанте флота России.

Морской кадетский корпус

В 1814 году братья Карл и Владимир Дали прибыли в Санкт-Петербург, чтобы поступить в Морской кадетский корпус. Это было престижное учебное заведение, на счету которого среди выпускников множество славных людей России. С Далем учились будущий адмирал Павел Степанович Нахимов, герой Наваринского сражения капитан 2-го ранга Иван Петрович Бутенев; будущий декабрист, публицист, мемуарист Дмитрий Иринархович Завалишин.

В морском корпусе кадеты проходили обширные курсы по множеству дисциплин: по математике, физике, химии, геодезии, астрономии, навигации, механике, грамматике, истории, географии, иностранным языкам, артиллерии, фортификации, корабельной архитектуре. По успеваемости Даль был двенадцатым из восьмидесяти трех выпускников.

Впечатления о пребывании в Морском кадетском корпусе Владимир Иванович отразит позже в полубиографической повести «Мичман Поцелуев, или Живучи оглядывайся», а также, спустя годы, Даль сочинил шуточную автобиографию в стихах, озаглавив ее «Дивные похождения, чудные приключения и раз-

ные ума явления... Даля Иваныча». Про кадетский корпус там сказано: «Как Даля Иваныча в мундир нарядили, к тесаку прицепили, барабаном будили, толокном кормили, книг накупили, тетрадей нашили, ничему не учили, да по субботам били. Вышел молодец на свой образец. Вот-де говорит: в молодые леты дали эполеты. Поглядел кругом упрямо, да и пошел прямо. Иду я пойду, куда-нибудь да дойду».

Я думаю по-русски

Владимир Иванович в 1817 году был произведён в гарде-марины (гардемарин означает морской гвардеец), и на бриге «Феникс», самом красивом и самом быстроходном на то время, отправляется из Санкт-Петербурга в различные порты Балтийского моря. Из всего корпуса в плавание отобрали двенадцать лучших воспитанников старших классов.

В дальнем походе в «дневном журнале» учебного плавания юных моряков принимали с почётом как представителей народа, победившего армию Наполеона. Чувство гордости за свой народ укрепилась в гардемаринах. А в музеях видели они модели рудных насосов, машины для забивки свай, пильной мельницы, телеграфа, «стул на колесах, на коем сидящий человек с довольною скоростью сам себя подвигает», осматривали датскую королевскую библиотеку. В загородном дворце принимает гардемариннов шведская королева, которая велела подать гостям лимонаду, разрешила гулять по саду и даже ягоды рвать. Гардемарины получили богатый морской опыт, так как выполняли на судне поочередно матросские и офицерские обязанности. Наставник у практикантов оказался достойный – лейтенант флота, поэт, академик, князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов.

Посетив Данию, Даль вспоминал: «Ступив на берег Дании, я на первых же порах окончательно убедился, что отечество мое Россия, что нет у меня ничего общего с отчизною моих предков». А в конце жизни он напишет: «Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делают человека принадлежностью той или другой народности... Кто на каком

языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски».

На бриге «Феникс» служило сто пятьдесят матросов. Они сыпали неслыханными прежде словечками, прибаутками, поговорками, и Даль, их запоминал, понимая самобытную красоту и точность нового слова.

Работая над главным делом – созданием Живого словаря, Даль писал о том, что узнать русский язык помогла ему «разнородность занятий», в начале которых была служба морская. На бриге «Феникс» Даль впервые заговорил на том «живом великорусском» языке, понял его как духовное сокровище.

Мичман Даль

В послужном списке Владимира Даля значилось: «В службу вступил гардемарином 1816 года июля 10-го. Произведён унтер-офицером 1819 года февраля 25-го. По окончании в корпусе полного курса наук, произведен мичманом 1819 года марта 3-го» и направлен на службу в Николаев.

Здесь образовался литературный кружок, в который входили поэт и моряк Е. П. Зайцевский, знакомый А. С. Пушкина и долгое время поддерживавший с ним связи; А. П. Зонтаг, племянница В. А. Жуковского, писательница, переводчица; моряки – Скорабелли, братья Рогули, а также брат Карл, сестра Паулина и астроном К. Х. Кнорре.

В повести «Мичман Поцелуев» В. И. Даль рассказывает о своем приезде в Николаев как о времени «долгожданной вольности и свободы»: *«Душа блаженствовала и мечтала, не заботясь ни о чем, Смарагд (Поцелуев) помнил и понимал себя в одном только смысле; грудь его дышала свободно, душа купалась в каком-то блаженстве; он был счастлив, сам не зная – чем и от чего: он жил со всегдашней улыбкою на устах, с каким-то отблеском самодовольства в голубых глазах; словом – он жил впервые».*

Сохранились две одноактные комедии Даля, относящиеся к периоду жизни в Николаеве: «Невеста в мешке, или Билет

в Казань», датированная 1821 годом, и «Медведь в маскараде», написанная годом позже. Сохранились наброски третьей комедии.

В Николаеве Даль продолжил сбор золотых россыпей слов для будущего четырёхтомного «Толкового словаря живого великорусского языка».

В 1823 году счастливое время закончилось. Даль был арестован по подозрению в сочинении эпиграммы на главнокомандующего Черноморским флотом адмирала Алексея Самуиловича Грейга и его любовницу. Стихотворение привело Грейга в бешенство. Текст эпиграммы был уничтожен. Приговор, который продиктовал адмирал Грейг, был суров – «лишить чина и записать в матросы на шесть месяцев». Даль подал прошение о пересмотре дела на высочайшее имя. Видимо, в столице история откровенного увлечения адмирала иудейкой, маскировавшейся под польку, говорящую с акцентом, особого одобрения не вызвала, да и не было серьезных доказательств. Юлии Кульчинской (Сталинской), дочери могилёвского еврея-трактирщика, довелось прибыть с корабельным лесом в Николаев и добиться встречи с губернатором Николаева и главнокомандующим Черноморского флота. С тех пор они не расставались, поженились в 1827 году. Юлия взяла власть над адмиралом, прибрала к своим рукам бразды правления в городе, потратив деньги, собранные для борьбы с пьянством среди населения города Николаева, на свои нужды.

Кронштадт

«Несносно честный и правдивый» – так говорили о Владимире Дале товарищи по службе – оказался в Кронштадте, снял комнату с тремя другими моряками. Сестра Павла писала ему письма с таким адресом: «Его благородию милостивому государю моему Владимиру Ивановичу господину, флота лейтенанту Далю на Широкой Армянской в доме Волчихи». Даль был определен в 5-й флотский экипаж в Кронштадте.

И снова он видит вокруг злоупотребления, которые, как писал Мельников-Печерский, «требовали или решимости на

отважную и упорную борьбу с ними, к чему Даль, по его собственным словам, не имел ни средств, ни расположения, или пассивного подчинения и уживчивости с ними, к чему Даль был неспособен». Прибывший император проследовал на катере вдоль кронштадтского рейда, оглядывая ряд кораблей, покрашенных только с одной стороны – с той, которая была обращена к царю, списывает целые форты «по совершенной гнилости».

14 декабря 1825 года на Сенатской площади декабристы подняли восстание, шли аресты, доследования. И лейтенант Даль принимает решение – уйти с флота, написав прошение об отставке. В январе 1826 года уезжает в Дерпт (Тарту), чтобы поступить на медицинский факультет университета, куда к тому времени переехала мать и сестра.

«Матросские досуги». 1853

Сборник рассказов «Матросские досуги» был впервые издан в 1853 году и был адресован матросам рекрутского набора, в большинстве своем неграмотным. Книга состояла из 111 очерков. Это познавательные истории о разных науках, об истории русского флота, о значимых морских сражениях и их героях, о катастрофах и чудесах, об устройстве Вселенной. Даль сочинил в стихах легко запоминающуюся таблицу умножения. Книга написана в тоне доверительной беседы. В ней впервые были собраны русские пословицы, связанные с мореплаванием.

С 1841 года Даль служит в Петербурге в Министерстве внутренних дел. В то время Владимир Иванович уже известный писатель, публицист, журналист. В его близком окружении академик К. Бер, мореплаватели и адмиралы: Ф. Врангель, Ф. Литке, литератор В. Одоевский, хирург Н. И. Пирогов, актер М. С. Щепкин, ботаник А. А. Леман, востоковеды братья Яков и Николай Ханыковы, художник В. И. Штернберг. У него по четвергам в непринужденной обстановке собирались люди разных специальностей. Эти встречи стали прелюдией объединения географов России. В Европе научные географические общества тогда уже действовали в Лондоне, Берлине и Париже. Взять покровительство над обществом просили 17-летнего великого князя Кон-

стантина Николаевича, воспитанника адмирала Ф. П. Литке. Великий князь был определен председателем Императорского географического общества, вице-президентом – мореплаватель Ф. П. Литке. На одной из таких встреч и состоялась беседа Великого князя с В.И Далем о необходимости написания книги «Матросские досуги».

Владимир Иванович бесстрашно менял профессии, и в каждой он преуспевал. «Это был, прежде всего, человек, что называется, на все руки. За что ни брался Даль, все ему удавалось усвоить», – вспоминал известный хирург Н. И. Пирогов.

Талант Даля многогранен, что позволило учёному состояться сразу в нескольких сферах деятельности. Но на первом месте всегда было собирание слов, и началось оно под матросской тельняшкой. «Писатель этот более других угодил личности моего собственного вкуса и своеобразию моих собственных требований: каждая его строчка меня учит и вразумляет», – отзывался о Дале Николай Васильевич Гоголь, что и является удивительными далевскими кодами.

У МОГИЛЫ ПУШКИНА

В 2020 году поклонилась я могиле великого поэта Александра Пушкина у стен Святогорского монастыря – «обитель дальнюю трудов и чистых нег», навестив «поля пустые, леса, недавно столь густые, и берег милый...» Сороти. Я положила кусочки янтаря на могилу... Так захотелось соединить берега Балтийского моря и Сороти. В 90-е годы муж отвозил собранных небольшой группой людей денег на восстановление монастыря. С тех пор многое изменилось в лучшую сторону. В библиотеке монастыря теперь есть журнал «Берега».

День был пасмурным и сырым, но пахло еловыми ветками в храме Успенской Божьей матери, тепло горели свечи, во дворе у входа в церковь опять же вдохнули яркий запах свежих еловых лапок, из которых искусно изготовлены ясли, где родился Христос. Подошли к памятнику Пушкину на противоположной стороне улицы. Взгляд поэта устремлен к храму. «Душа в заветной лире мой прах переживет...» «Чувства добрые я лирой пробуждал...» Его «свободный, смелый дар» нам – велик и бессмертен.

Что хочется сказать важное еще... Когда фашисты заняли Псковский край, то в Михайловское приехала внучка Шиллера, чтобы возглавить музей, а также прибыл потомок Дантеса – опять же за должность. Немцы считали, что они пришли всерьез и надолго. При отступлении подорвали частично монастырь и полностью его заминировали, в том числе могилу Пушкина. При разминировании погибло 9 человек. На фото фамилии из разных областей России. Вечная им память!

Чисто вечернее небо,
Ясны далёкие звёзды,
Ясны, как счастье ребёнка, —

Михаил Лермонтов.

Так покорили эти золотые звёзды на синих куполах Псково-Печерского монастыря. Счастье и чудо – в рождественские дни оказаться в этом святом месте. И думать о человеке, который

создал эту красоту во имя Божие, о смирении, о радости, о надежде, о мудрости.

Псков. У памятника Александру Сергеевичу с Ариной Родионовной – мы с великолепным писателем, талантливым, с безбрежным чувством юмора Валентином Яковлевичем Курбатовым.

Изборск, древняя Русь, Словенские ключи: 12 маленьких водопадов с живой водой, Городищенское озеро с лебедями.

Свято-Успенский Псково-Печерский мужской монастырь – потрясение, мурашки по телу от золотых и синих куполов. «Колокольная Русь, я тебе поклонюсь»... Ангельское пение, сияние ликов Святых... До слез.

Не ищи нового, ищи вечное... А вечна русская культура с ее духовно-нравственным идеалом. Она вдохновляет, одухотворяет и не даёт человеку забыть свои традиции, предания, свои сказки, пословицы и поговорки, свою философию, свои убеждения. Тёмные силы ломают нас по отдельности, тех, кто забыл мудрую сказку, что мы, народ, сильны единством, что прут сломать легко, а веник сломать невозможно. Власти делают антинародный выбор в пользу олигархическо-сырьевого режима, а народ? Кто-то в патриотическом экстазе. Кто-то заклинает, что всё будет хорошо. Кто-то глотает всё, что стравят. Как обрести цель, единство? Где источники энергии, чтобы осознать свой народ в истории человечества, чтобы не зарывать голову в песок подобно страусам? Как укрепить свой дух? Через знание родной культуры, ее понимание. Настоящее, подлинное осмысление ее принадлежит русским ученым, пережившим горькое изгнание, очень много переживавшим и перечувствовавшим мыслителям в эмиграции. Как писал глубочайший, один из ярких представителей русского зарубежья, талантливый русский философ Иван Александрович Ильин в статье «Что дало России Православное Христианство?», «от совершенства религии зависит и высота национальной культуры». Среди множества даров Правосла-

вия русскому народу Ильин обращает внимание на искусство, вышедшее из православной веры: «Русская живопись пошла от иконы; русская музыка была овееяна церковным песнопением; русская архитектура пошла от храмового и монастырского зодчества; русский театр зародился от драматических «действ» на религиозные темы; русская литература пошла от церкви и монашества».

Храмовое зодчество, соборы и церкви, возникшие 8–9 веков тому назад... Многие из них и до сегодняшнего дня предстают перед нами такими, какими их задумывали, чувствовали, созерцали, желали. Храм – это и есть Дом Господень, его земная обитель. Двери его ведут к Господу, окна – в горний мир. Это место собрания людей, несущих в себе Божественное, образ единения, целостности, согласия, которого нам сегодня так не хватает. И как чудесно пишет о православных храмах И. А. Ильин!

Софийский кафедральный собор в Новгороде построен в 1052 году. В художественных вкусах новгородцев проявились их любовь ко всему строгому, простому, но сильному, мужественному и выразительному. Храм сооружался на средства городских общин, бояр и купцов. Новгородские зодчие не стремились к геометрической правильности. Кривизной линий, неровностью окон они подчеркивают осязаемость стен и их пластичность.

Просто и скромно нижнее строение – земная, человеческая часть собора. И взор, и душа направляются далее вверх: «Возвысься взором и сердцем своим!»

Широка защищенная от земных холодов парадная дверь: «Войди и согрей свое сердце!» Широко центральное окно – источник света и призыв извне: «Заходи же, здесь свет, и этот свет есть любовь».

Сила и красота вверху – огромные светящиеся купола прелестны. Величественны своды: пять рядом, и один свод Богородицы чуть в стороне. «Мы скромны и смиренны, – как будто говорят они. – Мы только стремимся в мир небесный, мы не достигаем его, но совершенство и красота – там». Как мысль проста, как естественна цельность. София означает мудрость. Мудрость скромна.

Дмитриевский кафедральный собор во Владимире возник в 1197 году в честь Святого мученика, вероисповедника Дмитрия Солунского – за несколько десятилетий до нашествия татар, до величайших народных испытаний. Построен ли он как предчувствие, предвосхищение, приуготовление?

В своих главных чертах собор более чем скромнен. Что-то в роде четырехугольной часовни, разве что большой, – ведь он служил собором-резиденцией великих князей. Бог во всем, Бог все видит, все объемлет. У собора 4 фасада, поскольку Он все отражает, все отображает.

Каждый фасад состоит из трех гармоничных частей в соответствии с христианской Троицей: единое в трех, три – в едином. Стены собора богато украшены резными рельефами. Маленькие, милые, примитивно-наивные, рельефы выдержаны в почтительно-легком, молитвенно-ликующем духе. Все несет в себе символическую красоту. Птицы, люди, животные и цветы – это мир Господень. Не деспотию, не гордыню, не высокомерие обещает нам Господь, а прощение и благодать.

Это храм любви и прекрасного всесилия Бога, благословения всяческой твари. Это храм, о причастности к которому ты объявляешь себя вместе с Дмитрием.

Сооруженный великим князем Всеволодом, прозванным Большое гнездо из-за его многодетности, этот храм говорит народу: «Мы должны быть едины в любви и красоте». Народ – многодетная семья, Вселенная – любимое имя Господа». Мир в Боге – образец для семьи и государства.

Церковь Покрова на Нерли под Владимиром возникла около 1165 года. Легкая, как греза, стоит эта церковь. Прелестна и стройна, как девица, которой ни к чему избыток драгоценностей, поскольку одно ее присутствие воспринимается как самая большая драгоценность. Во всем здесь находит свое своеобразие выражение Троицы. Смиренная и одновременно полная достоинства. С короной на голове – знаком королевской власти и сана. В легчайшей гармонии, в счастливейших пропорциях, как олицетворение сбывшегося предсказания, как тихая молитва без слов.

Эти храмы были построены до нашествия монголо-татар. Уже после первого нашествия в 13-м веке страна превратилась

в пустыню, в развалины, разор. А храмы устояли, как устояли люди, которым пришлось так глубоко запрятать в сердце свою волю, чтобы она недоступна была никакому унижению.

Необычная легенда о святом городе Китеже. Где-то в северных дебрях на берегу лесного озера стоял город. Жители его, услышав о татарском нашествии, помолились и вышли в поход. Татары одолели маленькую армию, приблизившись к городу. Оставшиеся женщины, дети и старцы стали взывать к Господу о спасении. Город был спасен: со всеми домами, церквями и жителями погрузился он в озеро и до сих пор живет на глубине. Когда подошли монголо-татарские полчища, они не нашли никого.

Эта легенда – великолепный комментарий к истории народа. Угнетенный и поруганный, он остается верным своим святыням и прячет их на дно святого лесного озера. Загляни на самое дно души своей – там вера, совесть, любовь к Отечеству, национальное согласие.

СЧАСТЬЕ БЫТЬ С ИВАНОМ БУНИНЫМ

Было время, что я почти три года ходила на костылях. В безысходности и одиночестве, от которого страдала тоже, хромала я к морю, к дюнам, смотрела на мелкие балтийские волны, дымчатое небо, вдыхая влажный воздух, и вдруг однажды поймала себя на ощущении счастья, легкости и свободы. И бесконечная благодарность миру, за то, что он есть у меня, заполнила сердце. И пришли на ум строки Ивана Бунина: «О счастье мы всегда лишь вспоминаем, а счастье всюду...» Божественное чувство...

При встрече с Л. Н. Толстым услышал от него Бунин мысль о краткосрочности счастья, которое подобно зарницам, и написал по-своему: «За все тебя, Господь, благодарю!».

В этом стихотворении в страдании от одиночества поэт наблюдает закат солнца, и вдруг ощущает внутреннее преобразование:

И счастлив я печальною судьбой,
И есть отрада сладкая в сознание,
Что я один в безмолвном созерцанье,
Что всем я чужд и говорю – с Тобой!

Как дано было Бунину найти тождество с собой, с судьбой, с Богом и выразить это в творчестве – это тайна, которая не может быть раскрыта. Можно лишь предположить, что подлинное творчество – это извлечение мудрости бытия из небытия, ведь София говорила о себе в песнях Соломона: «Я была уже, когда Бог только проводил круговую черту по лицу бездны».

Явление человека в мир – событие смысла. Свершается опыт, который стал, а его не было. А потом...

Срок настанет – Господь сына блудного спросит:

«Был ли счастлив ты в жизни земной?» Первой придет мысль о «цветах и шмелях, и траве, и колосьях», остальное все забудется:

И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.

Под влиянием гармонии природы человек стремится к тому, чтобы «все было хорошо» в его жизни, не что-то отдельное, а «все», но так не бывает, хотя «усердное исполнение этого божьего намерения есть всегда наша заслуга перед ним». Есть печаль, тоска, трагедия, «вечные» вопросы «смысла бытия». Каким трагизмом веет от «Деревни», где Тихон Ильич называет свою жизнь платком наизнанку, рассказывая о стряпухе, которая носила подаренный платок наизнанку, обещая себе, что наденет его лицевой стороной в праздник, так и износив его в сплошных буднях.

Явлением космического масштаба становится у Бунина «первая месса пола», борьба с «неосуществимостью», и краткосрочный дар полностью заполняющей все сердце любви, о которой писатель говорит устами своей героини: «Молодость у всех проходит, а любовь – другое дело». «А моя душа? – пишет Бунин. – Как истомилась она мечтой оставить в мире до скончания веков себя, свои чувства, видения, желания, одолеть то, что называется смертью».

Бунин был дружен с Чеховым, ценил его, написал о нем. У Чехова есть мысль о том, что с уничтожением природы, с иссяканием природных запасов, убывает человеческое в человеке. XXI век должен быть гуманитарным, иначе не будет ничего.

Как справедливо заметил известный критик, даже самая благополучная биография покоится над бездной. Что за краем ее? Оттуда еще никто не возвращался, чтобы нам рассказать.

Бунин же за год до своего «края» написал о том, что он хотел бы подобно Бернару, сказавшему последние слова: «Я был хороший моряк», быть уверенным в том, что он был хорошим художником слова.

И снова остановимся лишь на одном стихотворении:

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...

Срок настанет – Господь сына блудного спросит:

«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я все – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав.
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленам припав.

«Это прекраснейшее стихотворение, – пишет философ Николай Арсеньев, – схоже с описанием полевых дорог в прозе: «Ах, эти проселки! Весело ехать по глубоким колеям, заросшим муравой... Ничего не видно ни впереди, ни по сторонам, – только бесконечный, суживающийся вдаль пролет меж стенами коло-систой гущи да небо, а высоко на небе – жаркое солнце»¹.

Кто хочет читать и разуметь Бунина, – писал в конце 50-го-дов Иван Александрович Ильин, – тот должен почуять эту атмосферу русско-й усадьбы и уловить ее сложившееся за девятнадцатый век духовное наследие: этот дух скептическо-го просвещения, офранцузенного аристократизма; эту струю небо-опустошающего вольтерьянства, с его замечательной зоркостью к злему началу в человеке и с его особою подслепо-ватостью к божественному началу Добра; этот тонкий аромат разочарованного байронизма, с его мрачной и горделивой, но пустоватой проблематикой и с вечной тягой к вольнодумству; эту ширину души, совмещающую мысль со страстью, барское гостеприимство, охоту и кутеж с народническим толстовством, а толстовскую мораль с вечною жаждою чувственного, и ум-ственного, и созерцательного наслаждения, и с действитель-ным умением наслаждаться; эту близость к природе – и к су-масшедшим метелям, и к пышным листопадам, и к нещадному солнцу, и к этой душемутительной откровенности скотного двора; этот чуткий и простосердечный подход к крестьянству, полный того обостренного интереса и дивования, который ха-рактеризует процесс национального самосознания, ибо поисти-не русская художественная литература, воспринимая и живопи-суя душу русского крестьянина, совершала акт национального самопознания и самоутверждения»².

¹ Цитата на немецком языке при переводе сверена с источником: Бу-нин И. А. Собрание сочинений, т. 2 – М.: Художественная литература, 1987 – с. 250–251

² Ильин И. А. Творчество И. А. Бунина. 1959

Это особая форма духовности, которая раскрывается в творческом созерцании. Бунин спрашивает сам себя, не выше ли нам дается мысль о чем-то высоком, «в радостно-обнадеживающих» ответах об этом высоком. Для Бунина это звучит как «неожиданный полуосознанный ответ на его пессимизм, его внутреннюю тоску, которая проглядывает как тихий фон его чувств и мыслей»¹.

Арсеньев выделяет «огромную лирическую силу» писателя, «великую тонкость чувств», «нежную искренность». Он считает, что богато выраженная пластичность произведения «частично уступает лиричности». «И снова чувствуется, как тихий основной фон, тоска за лучезарными картинами жизни».

Бунин в большей степени писал о себе, как сформулировал он в «Книге» (1924): «А зачем выдумывать? Зачем героини и герои? Зачем роман, повесть, с завязкой и развязкой? Вечная боязнь показаться недостаточно книжным, недостаточно похожим на тех, что прославлены! И вечная мука – вечно молчать, не говорить как раз о том, что есть истинно твое и единственно настоящее, требующее наиболее законного выражения, то есть следа, воплощения и сохранения хотя бы в слове!»

Верность русской традиции, духу русской литературы, пониманию природы, как творения Бога, стремление к исследованию грани взаимодействия между творцом и творением выразил Бунин.

Федор Степун, говоря о творчестве Бунина, подчеркивал, что «читать его надо медленно и погруженно, всматриваясь в каждый образ и вслушиваясь в каждый ритм». Это собственно и сделал Н. С. Арсеньев, открыв западно-европейскому читателю творчество русских писателей, обильно цитируя на немецком полюбившиеся ему мысли, как, например, у Бунина: «А моя душа? Как истомлена она мечтой – зачем? почему? – мечтой оставить в мире до скончания веков себя, свои чувства, видения, желания, одолеть то, что называется моей смертью, то, что непреложно настанет для меня в свой срок и во что я все-таки не верю, не хочу, не могу верить! Неустанно кричу я без слов,

¹ Арсеньев Н. С. Die Russische Literatur der Neuzeit und der Gegenwart in ihren geistigen Zusammenhängen – Mainz: Dioskuren-Verlag, 1929. – s. 293

всем существом моим: «Стой, солнце!» И тем страстнее я кричу, что ведь на деле-то я не устрояющий себя, а разоряющий себя – и не могущий быть иным, раз уж дано мне преодолевать их, – время, пространство, формы, – чувствовать свою безначальность и бесконечность, то есть это Всеединое, вновь влекущее меня в себя, как паук в паутину свою»¹.

Духовное содержание ищет совершенную форму, а душа устремлена к Божественному совершенству. Мыслитель убежден, что «ясность мысли, убедительность вдохновения, трезвенно-мужественная закуска мирозерцания – ценнейший из плодов, которые русская эмиграция принесла в дар русскому народу»².

И снова в словах Бунина находим мы то, что бессмертно, и вечно актуально:

«Тогда Греция снова послала поэтов в философов искать Бога. И они пошли в Сирию и Александрию – и среди смешавшегося человечества зачалось смутное и радостное предчувствие нового рассвета. Впервые случилось, что завоеватель мира не дерзнул покорить мир богу своей нации. И всемирная монархия, смешав человечество, распалась. Человечество пресытилось кровью, землею и смертью – и возжаждало братства, неба, бессмертия. И когда, наконец, снова взошло Солнце, «Радуйся! – сказал миру ясный голос» (Море Богов).

Роман «Жизнь Арсеньева» Ивана Бунина навсегда врезался в память фразой о напутствии молодому человеку: беречься уныния. «Светлый плен», по выражению Константина Паустовского – этот роман Ивана Бунина. Нет границы между внутренним и внешним миром, но писатель смог как-то мучительно и чарующе соединить их в одно простое и ясное целое.

Несколько лет назад благодаря прекрасному прозаику, пронзительному писателю Александру Новосельцеву мне довелось с ним побродить по следам Ивана Бунина в Ельце, побывать в музее Бунина, разместившемся в доме, где когда-то снимал квартиру юный Бунин, когда учился в Елецкой гимна-

¹ Цитата сверена по: Бунин И. А. Собрание сочинений, т. 4 – М.: Художественная литература, 1987 – с. 443

² Арсеньев Н. С. Памяти Франка // Сб. «Памяти Франка» под ред. В. Зеньковского при участии Н. С. Арсеньева. – Мюнхен, 1954, с. 396

зии, а потом мы поехали по тонкому льду еще не оттаявшего мартовского поля в Озерки, мимо березовых аллей на место бывшего имения Ивана Бунина, где поставлен деревянный новодел на берегу пруда, того самого, который видел Бунин, и куда уронила я с высокого берега кусочки янтаря из Балтийского моря, чтобы снова вернуться и поклониться бунинским местам.

«МОЁ БОЛЬШОЕ БЫТИЕ»

О параллелях в творчестве и судьбе Николая Гумилёва и Бориса Корнилова

Среди невинно убиенных поэтов XX века к ярким личностям относятся Николай Гумилёв (1885–1921) и Борис Корнилов (1907–1938). В судьбах этих русских поэтов, несмотря на их принадлежность к разным эстетическим направлениям, разным эпохам, границей между которыми стал 1917 год, совпадают не только насильственная смерть – расстрел по ложному обвинению, которое у обоих позже было снято, их имена реабилитированы и творчество вышло на читательские просторы, снискав любовь и даже поклонение их талантам. Но можно также отметить и параллели в их истоках и жизненной почве: у Гумилёва отец – врач, у Корнилова – учитель, у обоих родственники были репрессированы, у Гумилёва – сын Лев Николаевич, у Корнилова – родители и сёстры. Оба поэта имели поэтически одарённых жён: и Анна Ахматова, и Ольга Берггольц, возможно, превосходящие в известности своих избранников, с которыми были расторгнуты семейные узы, но не терялась с годами духовная связь.

Ольга Берггольц в письме матери поэта – Таисии Михайловне Корниловой – писала: «Я сохранила все книги Бори, и с помощью товарищей собрала всё, что было напечатано в газетах и журналах. Родная Таисия Михайловна, милая моя мать, мать первой моей любви, – обнимаю вас и плачу над Борисом вместе с вами, – ужасно, что всё так случилось, но чудесные стихи его живы и будут долго-долго жить, их будут знать, им будут радоваться сотни тысяч русских людей».

Также и для Ахматовой творчество Николая Гумилёва было Вселенной:

Вселенную перед собой, как бремя
Нетрудное в протянутой руке,
Как дальний свет на дальнем маяке,
Несу...

Много общего в судьбе жён поэтов.
Анна Ахматова в поэме «Реквием» вспоминала:

Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей.
Царскосельской весёлой грешнице,
Что случится с жизнью твоей —
Как трёхсотая, с передачею.
Под Крестами будешь стоять
И своею слезою горячею
Новогодний лёд прожигать.
Там тюремный тополь качается.
И ни звука — а сколько там
Неповинных жизней кончается...

А Ольга Берггольц рассказывала, как моталась, билась её голова о края тележки, на которой её везли в тюремную больницу, как «она сказала вознице: — Смотри, смотри, как умирает враг народа, — а он ответил: — Да что ж мы не люди, что ли? — Смахнул слезу и повёз осмотрительно, довёз живой».

Позже она написала:

...Двух детей схоронила
Я на воле сама,
Третью дочь погубила
До рожденья — тюрьма...

«На всю оставшуюся жизнь»

У каждого из этих двух незаурядных поэтов, Гумилёва и Корнилова, творчество — это свидетельство русского человека о своей эпохе, отражение их живого микрокосмоса, вовлекающего читателя в свои нескончаемые глубины.

Но молчи, несравненное право —
Самому выбирать свою смерть,

— писал Николай Гумилёв. Это право было отнято, но мысли о нём нашли отражение в поэзии.

Я хотел бы на шестом десятке
От разрыва сердца умереть...

– предрекал себе Борис Корнилов.

Пророчества о собственной смерти в стихах не осуществились ни у одного, ни у другого поэта.

Николай Гумилёв писал: «Так не умею думать я о смерти...», участвуя в сражениях Первой мировой войны, служа в конной разведке Лейб-Гвардии Уланского полка, ежедневно подвергая себя риску на Восточно-Прусском фронте, он так привык к ощущению опасности, что в письме Лозинскому из Ковно (Каунас, Литва), откуда его перебрасывали на другой фронт, говорил: «...В общем, я могу сказать, что это лучшее время моей жизни. Оно несколько напоминает мои абиссинские эскапады, но менее лирично и волнует гораздо больше. Почти каждый день быть под выстрелами, слышать визг шрапнели, щёлканье винтовок, направленных на тебя, – я думаю, такое наслаждение испытывает закоренелый пьяница перед бутылкой очень старого, крепкого коньяка. Однако бывает и минута затишья – в то же время минута усталости и скуки. Я теперь знаю, что успех зависит совсем не от солдат, солдаты везде одинаковы, а только от стратегических расчётов – а то бы я предложил общее и энергичное наступление, которое одно поднимает дух армии».

Предрекая свою смерть в 53 года, Гумилёв угадал цифры, но не их порядок.

Надо жить до старости,
До славы,

– писал Борис Корнилов.

Не осуществилось. Удивительная судьба у последнего стихотворения, которое запомнил наизусть неизвестный сокамерник Бориса Корнилова и которое мать поэта Таисия Михайловна открыла в 1967 году поэту Валерию Шумилину (1936–2016). Стихотворение называется «Продолжение жизни»:

Я однажды, ребята, замер.
Не от страха, поверьте.
Нет.

Затолкнули в одну из камер,
Пошутили: – Мечтай, поэт!
В день допрошен и в ночь
допрошен.
На висках леденеет пот.
Я не помню, где мною брошен
Легкомысленный анекдот.
Он звереет, прыщавый парень.
Должен я отвечать ему,
Почему печатал Бухарин
«Соловьи» мою, почему?
Я ответил гадюке тихо:
– Что с тобою мне
толковать?
Никогда по тебе «Соловьи»
Не намерена тосковать.
Как прибил я к вам,
чекистам?
Что позоришь бумаги лист?
Ох, как веет душком
нечистым
От тебя, гражданин чекист!
Я плюю на твои наветы,
На помойную яму лжи.
Есть поэты, будут поэты,
Ты, паскуда, живи, дрожи!
Чуешь разницу между нами?
И бессмертное слово-медь
Над полями, над теремами
Будет песней моей греметь.
Кровь от пули последней,
брызги
На поляну, берёзу, мхи...
Вот мое продолженье жизни —
Сочинённые мной стихи.

А смерть Гумилёва стала легендой. Он взял с собой в тюрьму Евангелие и Гомера, и даже чекистов, расстреливавших поэта, потрясло его самообладание, определив его, как «шикарно умер»: «И чего он с контрой связался? Шёл бы к нам, нам такие нужны!»

Но он знал, чувствовал то, о чём сказал в стихотворении о рабочем:

Всё он занят отливаньем пули,
Что меня с землёю разлучит.

Голоса потаённой России

Поэтические голоса, спрятанные до поры до времени под замками спецхранов, всегда жили в памяти, в сохранившихся рукописях, в уцелевших сборниках на книжных полках в квартирах их ценителей, они жили, несмотря на то что поэзию их не хотели ни видеть, ни слышать власти. Но жили в сердцах народа, и не случайно слова Бориса Корнилова в песне «Не спи, вставай, кудрявая...», которую абсолютно все пели в Советской стране, называли народными, потому что имя его было под запретом.

А поэты были и остаются выразителями духовной сущности русского народа, описывали народность своими, быть может иными, чем их современники, словами, став «потаёнными субъектами» в истории русской литературы с их глубокими внутренними чувствами. Они видят себя частью узнаваемого окружающего мира в своей творческой жизни.

«Я буду говорить откровенно, – писал Николай Гумилёв, – в жизни пока у меня три заслуги – мои стихи, мои путешествия и эта война. Из них последнюю, которую я ценю меньше всего, с досадной настойчивостью муссирует всё, что есть лучшего в Петербурге. Я не говорю о стихах, они не очень хорошие, и меня хвалят за них больше, чем я заслуживаю, мне досадно за Африку. Когда полтора года тому назад я вернулся из страны Галла, никто не имел терпенья выслушать мои впечатления и приключения до конца. А ведь, правда, всё то, что я выдумал один и для себя одного, ржанье зебр ночью, переправа через

крокодилы реки, ссоры и примиренья с медведеобразными вождями посреди пустыни, величавый святой, никогда не видевший белых в своём африканском Ватикане – всё это гораздо значительнее тех работ по ассенизации Европы, которыми сейчас заняты миллионы рядовых обывателей, и я в том числе.

Борис Корнилов по малому возрасту не мог участвовать ни в Первой мировой, ни в гражданской войне, но в стихотворении «Апшеронский полуостров» он заявит о себе: «Я поклонник работы, войны и огня».

И поэтому к теме гражданской войны он обращается в поэме «Триполье», повествуя о трагедии гибели комсомольского отряда и смерти атамана Зелёного.

Шли Аронова,
Ратманский
и гармоника за ними
на гражданскую войну.
А война глядит из каждой
тёмной хаты —
я в боях...
Бьёт на выбор,
мучит жаждой
и в колодцы сыплет яд.
Погляди её, брюхату,
что для пули и ножа
хату каждую на хату
поднимает,
зло
визжа.

В 1934 году на съезде писателей Николай Бухарин объявил Бориса Корнилова надеждой советской лирики, а через два года были репрессированы и Бухарин, и Борис Корнилов. Гибель миллионов крестьян – зажиточных, работающих – считалась советской властью оправданной. А к 90-м годам, с распадом СССР, от самого крестьянского мира не останется и следа. Многие критики видят в поэме торжество коммунистов и комсомоль-

цев, но поэт на самом деле чувствует и понимает трагедию своего народа, трагедию гражданской войны:

И на каждой лесной версте,
У любого кержачьего скита
Русь, распятая на кресте,
На старинном,
На медном прибита.

«Замолчи! Нам про это не петь», – останавливает поэт себя, не найдя слов для пронизывающей сердце сути. Но не петь – невозможно, когда

Ты видишь прижатые уши,
свинячьего глаза свинец,
шатанье слежавшейся туши,
обсосанной лапы конец.

В сущности, все войны, прошедшие по русской земле, есть не что иное, как явленное в земном, низшем, плане столкновение сил вышних, наступление тьмы на свет, борьба тленного с вечным, земли с небом. И эту «мистерию духа», это столкновение тёмной, всегда чужой и чуждой силы с вечной Россией – Святой Русью – как некое пророческое предупреждение о будущих битвах необыкновенно чутко улавливали и Гумилёв, и Корнилов. Не оттого ли о самых мужественных стихах Гумилёва, то же можно отнести и к стихам Корнилова, Сергей Маковский скажет: «...прикровенный смысл их кажется безнадёжно печальным. Отсюда осознание их в поэзии ответственности за каждое слово»:¹

Снова звёзды пылают и кружатся,
ходят сосны, сопя и трубя,
закрывая глаза от ужаса,
я обманываю себя,
Покачнёмся и скажем:
– Что ж это
и к чему же такое всё,

¹ Красников Геннадий. Роковая зацепка за жизнь, или В поисках утраченного неба // gumilev.ru

неужели исхожено, прожито
понапрасну, ни то ни сё?
Ни ответа,
ни тёплой варежки,
чтобы руку пожала нам,
отвернутся от нас товарищи
и посмотрят по сторонам,

– отмечает Корнилов.

Стихи обоих поэтов побеждают и недоброжелательное слово, и врагов. Сердце интуитивно чувствует священное и прекрасное.

Анна Ахматова писала: «Война была для него эпосом, Гомером, и когда он шёл в тюрьму, то взял с собой “Илиаду”. А путешествия были вообще превыше всего и лекарством от всех недугов. И все же и в них он как будто теряет веру (временно, конечно). Сколько раз он говорил мне о той “золотой двери”, которая должна открыться перед ним где-то в недрах его блужданий, а когда вернулся в 1913 <году>, признался, что “золотой двери” нет. Это было страшным ударом для него. По моему глубокому убеждению, Г<умилёв> – поэт ещё не прочитанный и по какому-то странному недоразумению> оставшийся автором “Капитанов” (1909 г.), которых он сам, к слову сказать, – ненавидел. Разочарование в войне Г<умилев> тоже перенёс, и очень горькое:

Для чего безобразные трупы
На лугах венценосной весны.

(«Гондла», 1916)

Борису Корнилову не довелось увидеть Африку в реальности, только в тифозном бреде его герой – художник Добычин – идёт по золотым пескам, а затем встречает сенегальца-красноармейца, а после выздоровления он узнаёт о реальном чернокожем командире красноармейского отряда, погибшего в одном из боёв.

Осмысление пространства России в рамках сакрального её смысла сопровождалось и у Гумилёва, и у Корнилова сближени-

ем мотивов духовного странствования и духовного воинствования, где поэт ведёт духовную борьбу с силами «всемирного распада».

Обогащённый внутренним духовным опытом, пройдя войну, поэт обращается к теме России, её православной судьбе:

Я – угрюмый и упрямый зодчий
Храма, восстающего во мгле.
Я возревновал о славе отчей,
Как на небесах, и на земле.
Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.

Борис Корнилов чувствует приближение Великой Отечественной войны:

Снова звёзды пылают и кружатся,
ходят сосны, сопя и трубя,
закрывая глаза от ужаса,
я обманываю себя.

Глубоко личностный смысл творчества обоих поэтов перерастает в общечеловеческий. Духовные коллизии звучат многограннее, воплощены более бесстрашно. Творчество поэтов оказалось для нас, читателей, тем духовным сокровищем, которое они искали, создав его своим взволнованным словом.

«Участие России в войнах Европы – это всегда, – как отмечал Е. Н. Трубецкой, – служение общечеловеческому делу культуры, поскольку для неё это освободительные войны, никаких собственных корыстных (захватнических) интересов Россия здесь не имеет». Но, с другой стороны, в этих войнах Россия обретает своё духовное единство и целостность. В этом проявляется особенность русского национального патриотизма. Россия, – отмечает Трубецкой, – никогда не вдохновляется служением голому национальному интересу. «Чтобы отдаться чувству любви к родине, нам нужно знать, чему она служит, какое дело она делает. И нам нужно верить в святость этого дела, нам нужно сознавать

его правоту. Нам нужна цель, которая бы поднимала наше народное дело над национальным эгоизмом»¹.

Оба поэта живут в городе на Неве. В «Заблудившемся трамвае» Гумилёва «загадкою» предстаёт человеческая жизнь, вовлечённая в «бездну времён», вне которых уже и сам поэт:

В красной рубашке, с лицом как вымя,
Голову срезал палач и мне,
Она лежала вместе с другими,
Здесь в ящике скользком, на самом дне.
...И всё же навеки сердце угрюмо,
И трудно дышать, и больно жить...
Машенька, я никогда не думал,
Что можно так любить и грустить.

Борис Корнилов созвучен здесь с Гумилёвым, мечтая о «земной красоте»:

Айда, голубарь,
пошевеливай, трогай,
коняга, мой конь вороной!
Все люди —
как люди,
поедут дорогой,
а мы пронесём стороной...
...Но я поднимаюсь и снова расту,
темнею от моря до моря.
Я вижу земную мою красоту
без битвы, без крови, без горя.

В духовных исканиях обоим «больно жить», потому что:

Понял теперь я: наша свобода
Только оттуда бьющий свет

(Н. Гумилёв).

¹ Трубецкой Е. Н. Отечественная война... С. 394.

Не я ли у вас будто был и не был
Вчера и позавчера.
Не я ли прошёл – не берёг, не лелеял?
Не я ли махнул рукой
На то, что зари не нашёл алее?
На то, что девчат не нашёл милее?
И волости – вот такой...

(Б. Корнилов)

Философское обобщение судьбы, обретшей божественный свет, на вопрос, где я, «сердце стучит в ответ:

Видишь вокзал, на котором можно
В Индию Духа купить билет.

(Н. Гумилёв).

Символично, что и Б. Корнилов видит исход в творчестве, создающем великий образ:

Я нарисую воздух,
Грозу,
В зелёных молниях орла —
И под грозой
Над орлом,
На звёздах
Чтобы моя любимая была.
Я нарисую так, чтобы слышно было —
Десятый вал прогрохотал у скал,
Чтобы меня любимая любила,
Чтобы знамёна ветер полоскал,
Орёл разрушит молний паутину,
И волны хлещут понизу, грубы...
И скажут люди, посмотрев картину,
Что это отражение борьбы,
Что образ мой велик и символичен.

Эстетическим и духовным ориентиром и для Гумилева, и для Корнилова было пушкинское творчество. «Заблудившийся трамвай» – вещь насквозь пушкинская: и отблеск родных

стихий «Капитанской дочери», и мощное эхо «Медного всадника». Прощальное признание в смуте сердца и мира, потеряность в миражах и бездорожье исторического «бурана». Создание многоголосое, будто вырывающее у судьбы какую-то весть о гибельном спасении мира. Слово возвращается к утерянному значению, становится «прямой силой», «расковывает косный сон стихий», усиливает контрастность картины, за которой большее – вселенское и родное. Гумилёв не сомневался в несомненном, был бодр и твёрд духом – «жил, писал, любил». Никогда не исчезал и, надо думать, никогда не исчезнет из стихий, слагающих русскую судьбу»¹.

Примечательно, что у самого начала творчества Б. Корнилова и в самом конце его пути стоит имя Пушкина, которому он посвятил свои первые стихи, и в конце жизни вновь обратился к творчеству Пушкина, его последние семь стихотворений обращены к поэту, в котором он видел образ собственной судьбы: «Думаю о Вас не об убитом, а всегда о светлом, о живом». Лирика Корнилова в его последние годы жизни самоопределилась в главных качествах: исповеди души и исповеди поколения.

Совпадения двух поэтов в творческом облике, но не в социальном портрете, в зыбкости земного распорядка не зачёркивают их собственную многомерность и значимость в стремлении обозначить дыхание эпохи и движение чувств в отношении земного и небесного. Но вот в социальном плане не сошлись ли бы параллели двух поэтов в крест, проживи они дольше?

Несомненно, что они оба легли бы на полях Великой Отечественной войны рядом с лучшими её защитниками. Но их убили раньше. Простить? Примириться?

22 апреля 2021 года открылся памятник Примирения в Севастополе. Как сказал князь Н. Д. Лобанов-Ростовский: «С этой идеей 10 лет тому назад выступили мы – представители потомков первой волны русской эмиграции за рубежом – руководители Международного совета российских соотечественников: граф Пётр Петрович Шереметев, я, а также тогдашний исполнительный секретарь организации Евгений Семёнович Табачников. Инициатива создания памятника была одобрена

¹ Смирнов Вл. Поэзия Николая Гумилева // hajam 2 narod.ru

Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом как “уместная и своевременная”. Она получила единодушную поддержку и на Всемирных конгрессах российских соотечественников, проживающих за рубежом, и на прошедшем в июне прошлого года 5-м международном Ливадийском гуманитарном форуме, став сильным стимулом единства русского мира».

Трагическая драма 1917–1921 годов (и я бы добавила 1936–1939, а также 1990 по сей день) потрясла и изменила историческое развитие нашей России и многих государств. Это были горестные годы, большие человеческие потери. Но, выстрадав их, Россия осмысляет сегодня, что без стремления к Примирению и Прощению, к обретению веры не может быть поступательного движения вперёд. Нынешнее наше желание – возрождение России во всей её былой целостности и величии». Главный смысл памятника – примирение всех ныне живущих с историей, разные, порой полярные оценки её не должны приводить к расколу общества. Главный урок, о котором будет напоминать монумент, – это то, что ни одна идеология не может оправдать убийства друг друга.

«ПЕСНЬ СУДЬБЫ»

О творчестве Николая Гумилева

– Да, он воин
И поэт.

Н. Гумилев. Сон

Почему поэт стал воином?

Глеб Струве писал о годах, предшествовавших первой мировой войне: «Гумилёв жил интенсивной жизнью: «Аполлон», Цех Поэтов, «Гиперборей», литературные встречи на башне у Вячеслава Иванова, ночные собрания в «Бродячей Собаке», поездка в Италию в 1912 году, плодом которой явился ряд стихотворений, первоначально напечатанных в «Русской Мысли» П. Б. Струве и в других журналах, а потом вошедших большей частью в книгу «Колчан»; и новое путешествие в 1913 году в Африку, на этот раз оформленное как научная экспедиция, с поручением от Академии Наук. Об этом путешествии Гумилёв писал в напечатанных впервые в «Аполлоне» «Пятистопных ямбах»:

Но проходили месяцы, обратно
Я плыл и увозил клыки слонов,
Картины абиссинских мастеров,
Меха пантер – мне нравились их пятна —
И то, что прежде было непонятно,
Презренье к миру и усталость снов¹.

В 1912 году вышел его сборник стихов «Чужое небо», где он в «Сонете» написал:

Мне скучно всё, и люди, и рассказы,
Мне снятся королевские алмазы
И весь в крови широкий ятаган.

¹ Струве Глеб. Творческий путь Гумилева // gumilev.ru

Поэт много думает о своём жизнестроительстве, о своей воле и судьбе, о своем слове в собственной судьбе. И хотя «создавая, навсегда уступил меня року создатель», – думает Гумилев, у него остается своя воля:

И если я волей себе покоряю людей,
И если слетает ко мне по ночам вдохновенье,
И если я ведаю тайны – поэт, чародей,
Властитель Вселенной – тем будет страшнее паденье, —

предрекает сам себе поэт. Но с упорством пробивает себе дорогу на фронт.

Еще в 1907 году Гумилев получил освобождение от воинской повинности по болезни глаз (астигматизма), и вдруг неожиданное для его окружения решение. Он добился принятия в армию добровольцем, как говорили в те времена, «охотником». Охота идти на фронт была столь сильна, что ему удалось добиться нового переосвидетельствования, и вот 30 июля 1914 года получено медицинское свидетельство за № 91: «Сим удостоверяю, что сын статского советника Николай Степанович Гумилев, 28 лет от роду, по исследовании его здоровья оказался не имеющим физических недостатков, препятствующих ему поступить на действительную военную службу, за исключением близорукости правого глаза и некоторого косоглазия, причем, по словам господина Гумилева, он прекрасный стрелок». Свидетельство подписано Статским советником, доктором медицины Воскресенским¹. Разрешение стрелять с левого плеча получено.

И вновь размышления о судьбе и предназначении:

Наше бремя – тяжелое бремя:
Труд зловещий дала нам судьба,
Чтоб прославить на краткое время,
Нет, не нас, только наши гроба.

Поэт отказывается «высыхать в глубине кабинета перед пыльными грудами книг», он ищет действия, потому что:

...Быть может, подумают внуки
Как орлята, тоскуя в гнезде:

¹ РГВИА, ф. 3549, оп. 1, д. 284.

«Где теперь эти крепкие руки,
Эти души горящие – где?»

Его увлекают люди, которым удаётся свершить «все, что свершить возможно человеку». И хотя над своим жилищем он «повесил вывеску поэта», все же:

... Муза, нам с тобою мало,
Хоть нежны мы, быть всегда вдвоём!»

От решения, или лучше сказать, выбора – отправиться на фронт – не могли отговорить ни жена Анна Ахматова, ни мать, не мог сдержатъ двухлетний сын Лев (родился 18 сентября 1912 года). Как вспоминала Ахматова, мать Гумилева Анна Ивановна говорила, что больше детей она любит внука Льва, будущего гениального мыслителя, который в основном и был воспитан бабушкой. Что касается двух творческих людей, больших поэтов Ахматовой и Гумилева, по воспоминанию В. С. Срезневской, «их отношения скорее были тайным единоборством – с её стороны для самоутверждения как свободной женщины, с его стороны – желанием не поддаться никаким колдовским чарам и остаться самим собой, независимым и властным... увы без власти над этой вечно ускользающей от него многообразной и не подчиняющейся никому женщиной»¹.

Прежде чем стать воином, он стал путешественником. Это было осуществление давней мечты, результат его целеустремленности, и все же его осуществлённая мечта – побывать в Африке – рождала новую мечту: вернуться туда ещё раз. Она не покидала его в течение всех четырёх лет первой мировой войны, потому что жить для него значило – «мужественно преодолевать опасности» (Вера Лукницкая). Гумилёв, по выражению Срезневской, – «поэт раздумий и предчувствий», поэтому мне думается, он знал, что не умрёт, когда говорил Срезневской: «Вы можете потребовать, чтобы я покончил с собой», не боясь насмешек, потому что «был недоступен насмешке, умел сохранить торжественный вид, когда над ним смеялись»².

¹ Лукницкая В. Материалы к биографии Н.Гумилева// Николай Гумилев. Стихи и поэмы – Тбилиси: Мерани, 1988. – С. 30.

² Там же. С. 40.

А Анна Андреевна, прослушав в записи рассказ Срезневской, говорила: «Он совсем не такой был. Это был период эстетства. Он был совсем простой человек потом». Когда же потом? После войны или уже во время войны.

Есть ещё одна причина принять решение – уйти на фронт. Цех поэтов к весне 1914 года распался, заседания его потеряли значение. Значительно позже в «Сентиментальном путешествии» (1920) он напишет:

Петербургская злая ночь...
Я один, и перо в руке,
И никто не может помочь
Безысходной моей тоске..

Гумилёв уезжает в начале июня в Либаву к Татиане Адамович, с которой познакомился в январе 1914 года и увлёкся ею. Ей он посвятил сборник «Колчан». По словам Мочаловой об Адамович Гумилёв говорил: «Очаровательная... Книг она не читает, но бежит, бежит убрать в свой шкаф. Инстинкт зверька...»¹. Лукницкий же в своем дневнике писал: «Женскому сердцу мало говорят слова... Тот, кого любит женщина, всегда герой, и, увы, всегда немного кукольный герой, – насмешливо говорил Гумилёв, – но как приятно чувствовать себя этим героем». Быть может, слова Байрона о женщинах: «Невозможно жить ни с ними, ни без них» – веселили его особенно в ту зиму»². В том же дневнике Лукницкого далее следует пересказ со слов Анны Ахматовой, что, будучи с Адамович, Гумилёв прибегал к курению опиума: «Таня Адамович нюхала эфир, и «Путешествие в страну Эфира» относится к Тане Адамович. АА задумчиво стала пояснять: «Жизнь была настолько тяжела, что Николаю Степановичу так трудно было, что вполне понятно его желание забыться»³.

Ещё в 1908 году в стихотворении «Выбор» он написал:

Но молчи: несравненное право —
Самому выбирать свою смерть.

¹ Лукницкая В. Материалы к биографии Н.Гумилева // Николай Гумилев. Стихи и поэмы – Тбилиси: Мерани, 1988. – С. 56.

² Лукницкая Вера. Николай Гумилев. Лениздат, 1990. – С. 161.

³ Лукницкая Вера. Николай Гумилев. Лениздат, 1990. – С. 163.

Размышления о смерти и пророчество её часто встречаются в стихах Гумилёва. «Лишь насмешника в красном и дырявом плаще ты найдёшь... и ты будешь убит». «Мы дрались там... Ах, да! Я был убит!»

О материальных лишениях говорит письмо Анны Ахматовой от 17 июля 1914 года из Слепнёво:

«Милый Коля, мама переслала мне сюда твоё письмо. Сегодня уже неделя, как я в Слепнёве. Становится скучно, погода испортилась, и я предчувствую раннюю осень. Целые дни лежу у себя на диване, изредка читаю, но чаще пишу стихи. Посылаю тебе одно сегодня, оно, кажется, имеет право существовать. Думаю, что нам будет очень трудно с деньгами осенью. У меня ничего нет, у тебя, наверно, тоже. С «Аполлона» получишь пустяки. А нам уже в августе будут нужны несколько сот рублей. Хорошо, если с «Чёток» что-нибудь получим. Меня это всё очень тревожит. Пожалуйста, не забудь, что заложены вещи. Если возможно, выкупи их и дай кому-нибудь спрятать. Будет ли Чуковский читать свою статью об акмеизме как лекцию? Ведь он и это может. С добрым чувством жду июльскую «Русскую мысль». Вероятнее всего, там свершит надо мною страшную казнь Valere. Но думаю о горчайшем, уже перенесённом, и смиряюсь.

Пиши, Коля, и стихи присылай. Будь здоров, милый!

Целую. Твоя Анна. Левушка здоров и всё умеет говорить».

И поэтому нужно согласиться с Вячеславом Ивановым, считавшим: «Ему, как и многим его современникам из числа самых заметных, заманчивым представлялось, прежде всего, исполнение жизненного долга, осуществление дела. Поэтому для него таким выходом из тяжелейшей жизненной ситуации оказалась война и участие в ней. Как представляется, именно военный опыт у Гумилева (как на Кавказе у Лермонтова) оказался решающим в его становлении»¹.

¹ Иванов Вяч. Вс. Звездная вспышка (Поэтический мир Н.С. Гумилева) // вст. Статья к Н. Гумилев. Стихи. Письма о русской поэзии. – Москва: художественная литература, 1990. – С.17

МУЗЕЙ ЦВЕТАЕВЫХ В ФЕОДОСИИ

Чтобы понять её личность, ее творчество, узнать о ней побольше, бывала я неоднократно в музее в Москве (О, её кабинет с окном в крыше дома!), бродила по её следам в Праге вместе с русскими поэтессами Людмилой Свирской, Ольгой Беловой-Далиной (Влтава, Градчаны и Пражский Град, Карлов мост). Вспоминала слова Цветаевой: «Осталась у меня в памяти как один синий день и одна туманная ночь. Бесконечно люблю Чехию...».

В сентябре 2020 года я побывала в музее Марины и Анастасии Цветаевых в Феодосии.

По приглашению Максимилиана Волошина сёстры приезжали в Коктебель с 1911 года на короткое время, останавливаясь в Феодосии. А в 1913 году, похоронив отца, провели зиму в этом уютном городе. Позже, в 1915 году Марина Цветаева напишет: «Из всех городов прошлого сильнее всего позвал нас город, где мы были так счастливы два года тому назад...»

В Коктебеле познакомилась Марина Цветаева со своим будущим мужем Сергеем Эфроном, совсем мальчиком, на год её младшим. «Макс, я выйду замуж за того, кто угадает, какой мой любимый камень», – сказала как-то Марина своему другу Максимилиану Волошину на пляже в Коктебеле.

Сергей в первый же день знакомства подарил Марине генуэзскую сердоликовую бусину, по некоторым данным, он нашёл ее в песке, а Марина в этот момент загадала, если найдёт сердолик, он станет её мужем.

Как только Сергею исполнилось 18 лет, они поженились. Цветаева в восторге писала Василию Розанову: «Наша встреча – чудо, мы никогда не расстанемся».

Через год родилась у них дочь Ариадна. Они сняли квартиру на даче А. Ф. и Э. М. Редлихов по ул. Анненской (ныне ул. Шмидта, 14). Но музей Цветаевых в Феодосии находится по другому адресу, там, где жила Анастасия.

С мужем Борисом Трухачёвым и сыном Андреем Анастасия Цветаева поселилась на ул. Бульварной (ныне ул. В. Коробко-

ва, 13), где и размещается музей. Анастасия Цветаева вспоминала: «Я снимала... домик на Бульварной улице. Дом был с приподнятым фундаментом, так что второй этаж был довольно высоким. Здесь было три комнаты: столовая, моя комната и детская. Квартира была угловая... Марина жила в минутах десяти от меня, вверх по отлогой горе... Садик вокруг низкого длинного домика был густой, уютный, весёлый, с холма был вид на море... Комнатки, где жили Марина с Серёжей, Алей и няней, были низкие, старенькие; старинная простенькая мебель радовала глаз пуфами, диванчиком, ламповым абажуром, картиной в поблекшей раме. Створки окон, распахнутые в низкие кусты, впускали запах дрока – он звал в Коктебель... <...> ... я их помню, и я говорю: Марина была счастлива с её удивительным мужем, с её изумительной маленькой дочкой – в те предвоенные годы. Марина была счастлива».

Когда я отправилась в Феодосии на экскурсию в Генуэзскую крепость, вспоминала Марину Цветаеву:

Иду вдоль генуэзских стен,
Встречая ветра поцелуи,
И платья шелковые струи
Колеблются вокруг колен.
И скромн ободок кольца,
И трогательно мал и жалок
Букет из нескольких фиалок
Почти у самого лица.

Анастасия Цветаева, говорившая, что главное в жизни – любовь и философия, писала о жизни в Феодосии: «Это сказка из Гауфа, кусочек Константинополя... И мы поняли – Марина и я, – что Феодосия – волшебный город и что мы полюбили его навсегда».

Открытие музея сестёр Цветаевых в Феодосии состоялось 6 июля 2009 года.

В нём посетители погружаются в феодосийский быт начала XX века. Сотрудники музея гордятся подлинными предметами: мебельный гарнитур с дачи Редлихов, который стоит в главной комнате – «цветаевской гостиной». Кресло было «любимчиком»

Марины Цветаевой. Здесь же стоит стереоскоп – старинный фотоувеличитель. Он принадлежал Редлихам, но пользовалась им Анастасия, увлекавшаяся фотографией. Корзины, чемоданы намекают на частые переезды.

С волнением рассматриваю фото членов семейства, фрагменты рукописей, афиши мероприятий, в которых участвовали сёстры. Удивительная комната, посвящённая родителям сестёр Цветаевых.

В память о женщине-гиганте не только русской, но и мировой поэзии хочется вспомнить 3-ю часть цикла «Поэты»:

...Что же мне делать, слепцу и пасынку,
В мире, где каждый и отч, и зряч,
Где по анафемам, как по насыпам —
Страсти! где насморком
Назван – плач!
Что же мне делать, ребром и промыслом
Певчей! – как провод! загар! Сибирь!
По наважденьям своим – как по мосту!
С их невесомостью
В мире гирь.
Что же мне делать, певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший – сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью
В мире мер?!

КНЯЗЬ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ХОВАНСКИЙ И ЦАРСКАЯ ПОДУШКА

Тобольск – Калининград – Пушкин

Для нас самое главное – это Россия! Мы обязательно должны приумножать её славу! Мы не будем участвовать в различных подпольных движениях в борьбе за власть. Мы будем способствовать развитию России своим творчеством, творчеством в науке, культуре и искусстве. Ведь мы же князья, и мы должны своим собственным трудом показывать пример служения Отчизне другим людям.

Николай Александрович Хованский

Причина приезда в Калининград

Разные судьбы приводили людей в Калининград. Довольно часто в самую западную область СССР приезжали такие люди, которые оказывались неугодными властям того города, откуда приезжали новые жители Янтарного края, закрытой территории до 1990 года. Сюда прибыли в 60–70-е годы княгиня Татьяна Петровна Залеская после ГУЛАГа, писатель Юрий Куранов из-за вызвавшей гнев у псковского руководства книги «Глубокое на Глубоком» о драме «неперспективных деревень», актёр Михаил Спурга, рериховец, и список можно продолжить, но это будет другая тема.

В Калининграде оказался и князь Алексей Николаевич Хованский (1916–1996), выдающийся математик, приехавший в Калининград в 1967 году вместе с женой Татьяной Алексеевной Кокаревой.

Они устроились на преподавательскую работу в Калининградский государственный университет. Переехали они из Борисоглебска, где жили недолго. Причиной покинуть предыдущие места работы – Марийский государственный педаго-

гический институт, а затем Борисоглебский государственный педагогический институт стал такой случай.

Прочитав историко-фантастический роман украинского писателя Олеся Бердника «Подвиг Вайвасваты», Алексей Николаевич Хованский написал отзыв о книге фантастики и по наивности отправил в «Литературную газету». Неизвестно, знал ли Алексей Николаевич о том, что Бердник был ярым антисоветчиком и неоднократно сидел в различных лагерях, потом раскаивался не раз уже в 90-е годы. Но вскоре после письма корреспондент популярнейшей в те времена «Литературной газеты» приехал в Йошкар-Олу, чтобы на учёном совете пединститута осудить и раскритиковать автора отзыва на книгу «Подвиг Вайвасваты». Досталось ему заодно и за вегетарианство, и за то, что признает телепатию, что занимается эсперанто – так называемый в 50–60-е годы прошлого века «язык шпионов». Его обвиняли в том, что он «протаскивает идеализм», «уродливую форму толстовства – вегетарианство».

В защиту Хованского выступили только два человека – преподаватель истории Вандель П. П. и Т. А. Кокарева. Вандель сказал, что не надо стрелять из пушки по воробьям и что вегетарианство не опасно, что вызвало возмущение президиума. Т. А. Кокарева, которая училась в университете в одной группе с Хованским, произнесла длинную речь о пользе вегетарианства и о значении языка эсперанто для международного общения, что было названо «неуместной пропагандой». В заключение ректор Романов в грубой форме потребовал от А. Н. Хованского признать ошибочность своих взглядов, Алексей Николаевич не стал ему отвечать. В итоге Хованскому был вынесен строгий выговор, ему было отказано в запланированной научной командировке, был также поставлен вопрос о возможности его руководства аспирантами.

Хованского поддержал и член-корреспондент АН СССР А. А. Ляпунов, который написал письма в Министерство просвещения РСФСР и в Академию педагогических наук. Хованского он оценивал как талантливого ученого и педагога, который «уделяет большое внимание развитию общего кругозора

у своих учеников¹. Так А. Н. Хованский и его жена Кокарева оказались на математическом факультете в Калининградском университете, только недавно преобразованном из педагогического института.

Царская подушечка

Много я слышала рассказов о необычном, многогранном, талантливом жителе Калининграда А. Н. Хованском, но вдохновила меня написать эту небольшую историю сотрудница Государственного архива Калининградской области Наталья Ивановна Дроздова, подарившая мне книгу, составленную Татьяной Алексеевной Кокаревой «Князь Алексей Николаевич Хованский: Былое в воспоминаниях и стихах» (под ред. С. В. Даниель-Бек. Калининград, 2000).

Меня заинтересовал рассказ Натальи Ивановны Дроздовой о том, что у Алексея Николаевича была от родителей доставшаяся ему диванная подушечка, вышитая цветами, и кем бы вы думали? Членами семьи Николая Второго в то время, когда те находились в Тобольске, незадолго до их гибели. Родители Алексея Николаевича, живя в Тобольске, передавали царской семье через их знакомую баронессу Софью Буксгевден сладкие ватрушки и сухарики к чаю. В благодарность царевны вместе с Императрицей и при участии цесаревича Алексея вышили подушечку из холщовой ткани цветами и в последний вечер пребывания в Тобольске передали княгине Хованской. Как известно, после июльских событий 1917 года в Петрограде Временное правительство решило переправить царя с семьёй в ссылку в Тобольск, куда царь прибыл 6 августа 1917 года пароходом из Тюмени, вместе с семьёй и свитой – добровольно сопровождавшими их лицами (45 человек). 17 апреля 1918 года семья была направлена большевиками в Екатеринбург.

¹ А.А. Игнатъев. - В кн.: Калининградские архивы. - Калининград, 2003. - Вып.5. - С. 55

Родители Алексея Хованского

Необходимо рассказать о родителях нашего героя – знатном, но небогатом роде князей Хованских. Отец Алексея Николаевича – князь Николай Александрович Хованский, коллежский советник (1879–1967) окончил естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета по специальности химия.

Мать Алексея Николаевича – дочь действительного статского советника Зинаида Алексеевна Никольская (1874–1947). Николаю Александровичу после окончания университета предложили службу в Переселенческом управлении Министерства земледелия и госимущества Сибири в Красноярске.

Алексей Николаевич, единственный сын у родителей, называвших его Аликом, родился в Тобольске в 1916 году. Он помнил рассказы родителей о жизни в Тобольске, о том, что в 1919 году Николай Александрович был арестован большевиками и содержался в тюрьме, потом был отпущен, потому что говорил: «Для нас самое главное – это Россия! Мы обязательно должны приумножать её славу! Мы не будем участвовать в различных подпольных движениях в борьбе за власть. Мы будем способствовать развитию России своим творчеством, творчеством в науке, культуре и искусстве. Ведь мы же князья, и мы должны своим собственным трудом показывать пример служения Отчизне другим людям».

Связь с Царской семьёй – из рассказа Алексея Хованского

Царскую семью в Тобольске поселили в бывшем губернаторском доме. Этот дом сохранился до нашего времени, в нем располагается музей «Дом Романовых».

С Царской семьёй приехала фрейлина государыни баронесса Софья Карловна Буксгевден (1883–1956) со своей бывшей воспитательницей мисс Мэзэр, которые бывали в семье Хованских в Тобольске, так как могли, в отличие от Царской семьи, свободно выходить из дома. Мать Алексея Николаевича – Зи-

наида Алексеевна передавала семье Царя выпечку и сухарики к чаю, приготовленные по её особому рецепту, а Николай Александрович специально для Николая Второго – английские журналы и газеты, которые он выписывал.

В ночь, накануне отъезда из Тобольска, в знак благодарности Царская Семья передала Хованским подушечку через Софью Буксгевден. (Современные исследования говорят, что Софью Буксгевден сопровождала 60-летняя шотландка мисс Анни Данзайр Матер, подруга её почившей матери. По прибытии в Тобольск (23 декабря 1917 г.) С. К. Буксгевден не получила разрешения властей посещать Императрицу. Тем не менее, ей была оставлена возможность встречаться с графиней А. В. Гендриковой, жившей при Государыне в «Доме свободы». Об этом свидетельствуют записи из личного дневника Государыни, а также её письма).

Мама рассказывала, что вся Царская Семья приняла участие в этом рукоделии, в том числе и сын Царя Алексей. Его цветок получился менее удачным, чем остальные шесть.

«У родителей сохранилось фото баронессы и её воспитательницы, – рассказывал Алексей Николаевич. – Эта фотография хранится в Риге в отделе рукописей и редких книг Академии наук Латвии, и там же в красном альбоме есть фото губернаторского дома с балконом, где в этот момент находилась Царская Семья. Фотографировал мой отец. Я же отдал фотографии в архив во избежание неприятностей.

Баронесса осталась жива, так как её не пустили сопровождать Царскую Семью из Тобольска в Екатеринбург, и она уехала за границу.

Мама рассказывала, что наследник в то время совершенно не казался ни больным, ни немощным. Наоборот, он вёл себя как озорник. Очень оживлён был всегда. Катался на лестничных перилах, не опасаясь ушибов. Ещё родители рассказывали, что караул солдат часто меняли, так как после краткого общения с Царской Семьёй они быстро привязывались к ним и становились искренними друзьями и поклонниками».

Схиигумен Митрофан (Лаврентьев)

Прошло время, и на страницах петербургского портала «Русская народная линия» я обнаружила небольшую статью о встрече с Алексеем Николаевичем Хованским в Калининграде. Написал ещё в 2007 году схиигумен Митрофан (Лаврентьев): «Дальнейшая судьба царской подушки такова. Во время прохождения мною послушания у моего духовного отца Василия (Борина), известного экзорциста, привившего мне любовь к Царственным мученикам, я вспомнил о великой реликвии, хранящейся в Калининграде. В один из моих приездов в город я встретился с Алексеем Николаевичем и убедил его, что не место хранить эту святыню в книжном шкафу в однокомнатной квартире панельного дома почти на окраине Калининграда. Хотя в то время (1990 год) у нас ещё и речи не шло о канонизации Царской Семьи в лике святых. Алексей Николаевич со мной согласился и передал её мне для определения достойного для неё места. Подушка побывала со мной в Зиянье и в Печорах Псковских, но там не нашли для неё достойного места.

Но вот весной 1993 года мне довелось побывать в восстанавливавшемся в то время храме Федоровской иконы Пресвятой Богородицы города Пушкина, где намечалось тогда создание музея Царской Семьи. Богослужения велись в нижнем приделе храма, освящённого в честь св. преп. Серафима Саровского, и служил там иеромонах Варсонофий. В этот Царский храм я и передал эту великую реликвию. Она была помещена в комнатку (пономарскую) рядом с алтарём, где любила молиться Императрица. По свидетельствам, там она пребывает и доньше.

Когда подушка ещё пребывала со мной, я и мои знакомые, знавшие о ней, часто прибегали к её помощи для избавления от головных болей, приложив её к болящей голове, что свидетельствует о сохранении ею благодатной силы любви, вложенной в неё святой Царской Семьёй».

Интервью с Мирой Островской

Однажды в библиотеке имени космонавта Алексея Архиповича Леонова я разговорилась с ведущим специалистом библиотеки Мирой Иосифовной Островской о князе Хованском.

– *Мира Иосифовна, как Вы познакомились с Алексеем Николаевичем Хованским?*

– Он был моим преподавателем в Калининградском государственном университете. Но ещё ранее я училась в Школе юных математиков, и помню, как впервые я увидела его на вступительной лекции, которую, скорее, можно было бы назвать уроком жизни, потому что он говорил, что всегда надо думать о том, что тебе важнее всего. Нельзя терять ни единой минуты, по дороге в школу, стоя на остановке, думать о самом главном.

– *А что он читал вам в университете?*

– Это был курс теории вероятностей.

– *Видели Вы Царскую подушечку?*

– Да, конечно. Мы жили с Алексеем Николаевичем в одном подъезде: мы на третьем этаже, а он на первом. Он был для меня человеком уникальным. Во-первых, я ходила к нему в кружок по изучению эсперанто, а во-вторых, он занимался со мной французским языком. Я пригласила его заходить к нам, если ему куда-то надо позвонить, и он с удовольствием приходил позвонить его первой жене Татьяне Алексеевне. Он исповедовал принцип: «Не говори с тоской ушло, а с благодарностью – было». И Алексей Николаевич очень ласково и тепло говорил с ней обычно на эсперанто.

К нему в квартиру шли постоянно люди, часто оставались ночевать. Он кормил дворовых котов и собак. И ещё он собирал брошенный мусор во дворе, за что его очень не любили работники коммунальной службы. В те времена мусорная машина, подъезжая к дому, сообщала колокольчиком о своем прибытии, кто-то выносил ведро или полведра мусора, а Алексей Николаевич собирал его добровольно во дворе довольно много, что вызывало гнев у работников этой службы.

Поток посетителей его квартиры не иссякал. Одна девушка украла у него часть Энциклопедического Словаря Брокгауза и Ефрона, унося в сумке по два тома.

А когда он к нам приходил позвонить, то мы потом ещё подолгу беседовали. И моя мама предложила ему прятать Царскую подушечку у нас, и Алексей Николаевич послушался. Мама её хранила в чистой наволочке в шкафу, а у него она лежала в книжном шкафу на виду. Подушечка была сделана из серого холста, на котором по периметру прямоугольника подушки шли цветы разных оттенков мулине. Вышивку сделали Великие княжны Романовы и цесаревич Алексей, когда семья Хованских жила в Тобольске, и родители Алексея Николаевича передавали царской семье гостинцы, ватрушки, испеченные матерью Алексея Николаевича. В благодарность императрица передала эту подушечку Хованским, и Алексей Николаевич её всегда с собой возил. Мне с трудом верится, что я когда-то прикасалась к вышитым царской семьёй цветам на сером холщовом поле. Ветер истории России коснулся моей щеки.

– Были ли Вы знакомы с женой князя Хованского?

– Татьяна Алексеевна Кокарева тоже преподавала у нас в университете на физмате дифференциальные уравнения. Такая маленькая, кругленькая, уникальная женщина, никто никогда не слышал от неё укора, она не умела обижаться, не умела винить.

Даже после того, как Алексей Николаевич привёл к себе женщину на сорок лет моложе его, которая потом захотела присвоить его квартиру, бросила его после того, как он ослеп, Татьяна Алексеевна перевезла Алексея Николаевича к себе и ухаживала за ним до конца его дней. Она увековечила его память двумя небольшими сборниками о нём.

Я называю её калининградской Софьей Ковалевской (первая в мире женщина – профессор математики), потому что её кандидатская диссертация «Теоремы существования аналитических решений для интегро-дифференциальных уравнений в частных производных» – это ничто иное, как решение задачи, обратной к классической задаче Коши-Ковалевской. В некотором смысле это и обобщение класса задач, благода-

ря введению значительно более широкого класса допустимых функций. Всемирно известная математик Софья Ковалевская получила результаты для уравнения теплопроводности, которые были распространены доктором физико-математических наук, профессором Г. С. Салеховым, научным руководителем Татьяны Алексеевны, а она исследовала проблему для двух других классов уравнений.

– *Почему же она не стала такой же известной, как Софья Ковалевская?*

– Если бы она посвятила себя всецело математике, она бы добилась большой известности. Но она жила интересами любимого человека и видела в этом смысл. У Алексея Николаевича очень рано начало портиться зрение, но когда он начал заниматься йогой, ему удалось намного улучшить своё зрение. Вместе с ним она изучала йогу, философские учения, и самое главное, следовала им. За много лет я не видела её расстроенной или раздражённой.

– *Какие черты Татьяны Алексеевны Вы запомнили?*

– Она любила принимать участие в капустниках на День физмата. С абсолютно серьёзным лицом она доводила нас до хохота, который называют гомерическим. Она хорошо знала музыку, живопись, поэзию, знала французский и немецкий, переводила с них, знала эсперанто, разбиралась в восточных учениях. Оба они были вегетарианцами.

– *А куда делась их огромная библиотека с редкими книгами, нотами?*

– Благодаря хлопотам Михаила Васильевича Кретьова, многое попало в Государственный архив Калининградской области. Михаил Васильевич сумел похоронить Татьяну Алексеевну на старом кладбище на проспекте Мира рядом с Алексеем Николаевичем.

– *А где жил Алексей Николаевич?*

– На улице Чекистов, дом 118.

– *А есть мемориальная доска?*

– Нет!

Кретов Михаил Васильевич, предприниматель

– Михаил Васильевич! Расскажите о дружбе с Хованскими.

– Я больше дружил с Татьяной Алексеевной. 18 декабря 2023 года ей будет 100 лет. Алексея Николаевича я, конечно, уважал, потому что это был прекрасно воспитанный, интеллигентный человек, всегда поздоровается, поговорит, спросит о делах. И он был безотказным человеком: надо кого-то записать в народную дружину – пожалуйста, разработать новый курс лекций, семинаров, пожалуйста. Спокойный человек, никогда не возражал, если что-то нужно было кафедре, пожалуйста, все её проблемы он закрывал. Он для неё был палочкой-выручалочкой.

Алексей Николаевич зимой ходил налегке, без тёплой одежды, из еды – предпочитал картофельные котлеты и винегрет. Спиртное не употреблял, лишь немного иногда, но это было очень редко. Знал 15–17 языков. Участвовал в концертах, возил студентов на съезды эсперанто в Вильнюс. Татьяна Алексеевна обладала изящной фигуркой, миловидная, у нее были поклонники, но любила она только одного человека – Алексея Николаевича.

В 1986 году я ушёл из университета, занялся бизнесом, а в 2003 вернулся – некому было читать лекции, работал до 2018 года. Занимаюсь дорожным строительством.

Умер князь Хованский 30 ноября 1996 года и похоронен на старом кладбище на проспекте Мира, недалёко от часовни.

Я его хоронил. Татьяна Алексеевна его очень любила и говорила после ухода к очередной аспирантке, что у них просто схожие поля. Просила похоронить их рядом, и это удалось сделать. Как-то во время бури упала на их могилы старая липа, но все убрано, и могилы в хорошем состоянии.

Я приехал на работу в Калининград в 1969 году после окончания Воронежского университета. Татьяна Алексеевна дружила с старшим преподавателем Галиной Никитовной Виноградовой.

У меня осталось много иностранных книг, которые я хотел сдать в библиотеки, но никто не берет. Есть ноты музыкальных произведений Алексея Хованского. Мои внуки иногда исполняют его произведения. У меня есть подлинник гербовника дворянского рода Хованских, сборники с научными трудами Хованских.

После ухода Алексея Николаевича Татьяна Алексеевна семь раз устраивала вечера памяти в филармонии. Читались стихи, исполнялись романсы, пьесы, активно участвовал ансамбль «Камерита-Самбия», а я организовывал чаепитие.

Рассказ Бориса Ивановича Попова, писателя и генеалога

– *Борис Иванович! Как Вы познакомились с князем Хованским и почему Вы сказали, что он Ваш дальний родственник?*

– Дело в том, что род Хованских, а это был род русских князей, как и род моей прабабушки Варвары Сергеевны Пушкикарёвой, происходили от одного и того же человека – от основателя Вильнюса, великого князя литовского Гедимина. Только род князей Хованских происходил от сына Гедимина, носившего имя Наримунд, бывшего одно время новгородским князем, а род Пушкикарёвых – от младшего сына Гедимина, носившего имя Кориат, который княжил в Подолье. Поэтому мы с Алексеем Николаевичем Хованским приходились друг другу кровными родственниками в каком-то там колене.

Познакомились мы благодаря тому, что, возвращаясь из Москвы в Калининград поездом, я разговорился со своими попутчиками, и они дали мне адрес Алексея Николаевича. Мне было очень интересно пообщаться с ним, о превратностях судьбы.

– *Вы пришли к нему домой и каким Вы его увидели?*

– Алексей Николаевич был намного ниже меня ростом, совершенно лысым. Очки его имели сильные увеличительные стёкла, он практически не видел меня, а взирал лишь на некую мою тень. Мы сели за небольшой стол и начали беседовать. К нам присоединилась и Татьяна Алексеевна.

Комната была заставлена шкафами и полками с книгами. Книги были на самых различных языках. За моей спиной стояло старое немецкое пианино с подсвечниками.

– *О чём шла Ваша беседа?*

– Алексей Николаевич дал мне в руки старую толстую книгу, изданную в середине XIX века и посвящённую потомкам Гедимина.

Точно такую же книгу я видел и раньше в одной из библиотек Москвы. Но теперь у меня появилась возможность обсудить её содержание именно с тем человеком, который по своему происхождению должен был лучше меня знать историю жизни различных потомков Гедимины, да и самого Гедимины. И мы стали беседовать с ним на эту тему. Вспоминали не только род князей Хованских, но также роды князей Трубецких, Голицыных и Куракиных, которые тоже происходили от Гедимины и тоже трудились во славу России. Алексей Николаевич наизусть знал представителей всех двадцати колен своего рода, мог о каждом из них что-то сказать. Мне подумалось, что хорошо было бы каждому россиянину восстановить историю своего собственного рода как можно дальше вглубь веков и знать её так же, как знал её Алексей Николаевич. Это позволило бы всем нам вместе лучше знать историю своей страны через призму конкретных лиц, своих предков.

– *А поднимали вопрос о происхождении Гедимины?*

– На этот счёт существуют разные предположения. Если верить литовским летописям, то сам Гедимин принадлежал к княжескому роду, гербом которого была какая-то Колонна (по-латыни – Колумн). Самым древним представителем этого рода в летописях упоминался некий Проспер Цезарин Колумн. Его полное имя, если следовать обычаям древних римлян, значило, что он происходил из рода Цезарей, но был усыновлён каким-то Проспером из рода Колумн. Во времена императора Нерона, то есть в I веке нашей эры, этот человек вместе с некоторыми другими знатными лицами бежал из Рима от преследований на кораблях через Гибралтар и Атлантику в Балтийское море и высадился где-то на территории будущей Восточной Пруссии. Наши калининградские археологи подтверждают, что именно в то же самое время на территории Калининградской области действительно впервые появляются многочисленные предметы древних римлян. Из этого следует, что предки Гедимины, а также и наши с Алексеем Николаевичем предки, жили на территории Восточной Пруссии вплоть до прихода тевтонских рыцарей более двенадцати веков.

Похожее предание о происхождении предка Гедимины есть и в русских летописях. В них он именуется не Проспером, а схо-

жим именем, а именно: Прусом, который тоже, как и Проспер, происходил из рода Цезарей и жил на территории Восточной Пруссии в устье реки Вислы. Очевидно, что именно от него и пошло последующее название этой земли. Вот кто был самым первым прусом в нашей Пруссии! Но это ещё не всё. Если верить русским летописям, то именно этот Прус был предком Рюрика, новгородского князя, основателя династии Рюриковичей, которые правили на Руси более 750 лет. Поэтому получается, что Гедиминовичи и Рюриковичи – это две ветви одного и того же рода.

Если верить немецкому хронисту Петру из Дуйсбурга и некоторым русским летописям, несколько их поколений жили и правили в Ятвягии или Судовии – одном из многочисленных княжеств Восточной Пруссии. Одним из них мог быть Ятвяг Гунарев, который назывался послом киевского князя Игоря в Константинополе. Лишь только тевтонские рыцари в XIII веке вынудили их потомков покинуть Судовию и уйти в соседнюю Литву и даже ещё дальше – на Русь. Основным населением этого княжества были судовы. Впервые их упоминал ещё известный греческий географ Птолемей, который жил в том же I веке нашей эры. Поэтому всё сходится: и у Птолемея, и в литовских, и в русских летописях, и у наших археологов.

– *Вы говорили о России после 1917 года?*

– Конечно, мы в своих беседах вспоминали историю России, 1917 год, Гражданскую войну, белых и красных. И вот Алексей Николаевич говорит о себе и своём отце, об их серьёзном разговоре друг с другом, ведь они по происхождению всё-таки были князьями и должны были вроде бы участвовать в белом движении. Слова, услышанные тогда мной, глубоко запали в мою душу. Отец, Николай Александрович, сказал во время разговора своему сыну примерно следующее: «Мы же князья, и должны своим собственным трудом показывать пример служения Отчизне другим сословиям и людям».

И этот наказ он исполнял всю свою жизнь до самой своей кончины. Окончив в 1941 году Казанский университет, он стал профессиональным математиком, учёным, продолжателем дела основателя неэвклидовой геометрии Н. И. Лобачевского. Мне даже довелось подержать в руках одну из его книг, посвя-

щённую цепным дробям. В своё время в научной работе при математическом описании процессов, происходящих в различных сферах жизни общества, мне приходилось прибегать к таким дробям, поэтому я понимал, о чём идёт речь в этой книге. Конечно, научных математических трудов было написано Алексеем Николаевичем за всю его жизнь очень много, около пятидесяти, и я при первой встрече познакомился лишь с малой толикой из них. И это были труды не какого-то там абстрактного математика, а математика практического, полезного стране и обществу. В том же 1941 ему приходилось, например, рассчитывать таблицы для артиллеристов, сражающихся на фронтах Великой Отечественной войны. И это был его личный вклад в победу нашей страны над фашизмом.

Труды его переводили и в Китае, и в Западной Европе. Но это, как оказалось, ещё не всё, что он сделал и продолжал сам делать во славу России. У него были очень хорошие способности к изучению различных языков. За свою жизнь он научился писать на шестнадцати языках, поэтому он занимался переводами различных книг на русский язык, проводил занятия с любителями иностранных языков, в том числе даже таких необычных, как эсперанто или санскрит. Я сам был свидетелем тому, как на последнем году своей жизни Алексей Николаевич, будучи совсем слепым, занимался переводом книги одного из авторов на французском языке – я брал эту книгу в руки. И он успел завершить её перевод как раз перед своей кончиной. В это же время он принимал у себя дома отдельных студентов, которые приходили к нему домой за помощью в переводах, например, с латинского или греческого языков, или желающих пополнить свои знания в санскрите. И он даже при всём своём неудовлетворительном физическом состоянии оказывал им необходимую практическую помощь. Удивительно!

– *Играл ли для Вас Алексей Николаевич на фортепьяно?*

– Однажды я пришёл к нему со своим братом – поэтом и музыкантом. И Алексей Николаевич поразил нас обоих своими поэтическими и музыкальными способностями. Оказывается, он был автором не только многочисленных математических трудов, но и автором многочисленных стихотворных произведений. Он как бы соединил в себе одновременно две ипостаси:

и физика, и лирика, чего удаётся достичь лишь немногим. Выходит, Алексей Николаевич принадлежал именно к таким. В тот раз Алексей Николаевич поразил нас с братом тем, что вдруг сел за пианино и начал вслепую играть музыкальные произведения собственного сочинения, в том числе вальсы, танго, фокстроты, а также песни и романсы, которые он сам же и пел. Он же был автором таких музыкальных произведений, как марши и музыкальные фантазии на разные темы. Любил он исполнять и музыкальные произведения других авторов, в том числе произведения В. Моцарта, Р. Вагнера, Ф. Гайдна, Ф. Шопена, первую симфонию П. И. Чайковского «Зимние грёзы», а также духовные песни, особенно песню «Христос и человеческая душа», написанную на стихи Д. Мережковского и музыку М. Гаузера. Будучи профессиональным математиком, Алексей Николаевич, оказывается, часто читал лекции студентам не только по математике, но также по вопросам языкознания, музыки и живописи. Я с удовольствием познакомился с его поэзией.

– *Вы знакомы с его стихами?*

Среди его стихов мне очень понравились следующие:

После долгого сна нелегко пробудиться,
Душу прочно сковал беспощадный кошмар;
Но всё время растёт нетерпение биться
И ему нанести смертоносный удар.
Целый год надо мной ночь свирепо царила,
И её приговор мне дорогу закрыл,
Но надежду мою всё ж она не сломила,
И спасения час, наконец, мне пробил.
И я знаю одно, не в покое спасенье,
В жизни счастье всегда достаётся борьбой;
Так пускай ждёт меня впереди поражение,
Я свободен и вновь выступаю на бой.

Вся наша жизнь – сплошное ожиданье:
С какой-то жадностью смотря упорно вдаль,
Мы создаём себе напрасное страданье

И счастье превратить хотим скорей в печаль.
Зимой мы ждём весны, весною ждём мы лета,
А там и надоест июльская жара...
И всё нам кажется, что там, в грядущем, где-то
Настанет счастья блаженная пора.
Так, провожая день ушедший с нетерпением,
Мы жадно ждём, что скажет новый день;
И мы не сознаём, томимы наважденьем,
Что каждый раз хотим догнать свою лишь тень.
И каждый ждёт, надеясь, своего дня...
А нам давно, давно понять пора,
Что «завтра» — только эхо от «сегодня»;
«Сегодня» — только эхо от «вчера».
Но ветер времени на ледяных могилах
Не может погубить зелёного ростка;
Пусть «завтра» изменить не в наших силах —
Мы можем изменить грядущие века.

Таким вот удивительным творческим человеком оказался князь Алексей Николаевич. И он был для меня настоящим князем даже не по своему происхождению, а по своей прожитой жизни, по своим собственным заслугам перед Россией. Алексей Николаевич отличался ещё и тем, что имел необыкновенную душу и сердце...

Переписка и общение с настоятелем Феодоровского государева собора и его помощницей

Написав письмо-обращение настоятелю собора иерею Герману Александровичу Ранне с просьбой прислать фотографию Царской подушки, я получила очень быстрый ответ и несколько фотографий подушечки.

Добрый день, уважаемая Лидия Владимировна! Спасибо за Ваше письмо. Царскую подушку благоговейно храним в нашем соборе и по сей день. Будем рады, если у Вас появится возможность посетить наш храм. По благословению настоятеля отца

Германа высылаем Вам фото. С уважением Феодоровский Государев Собор.

Получив фото подушки и разослав тем, кто видел её у князя Хованского, с вопросом, та ли подушка, у свидетелей мнения разделились: одни говорили, что та, а другие – не та. Утверждение, что на подушечке были царские вензели, и меня склоняли к тому, что подушечка та самая. Мне нужен был отец Митрофан, который передал подушечку в Феодоровский Государев Собор, как его найти?

Поиски отца Митрофана, который стоит в ряду замыкающих, кто видел последним царскую подушку, благодаря Анатолию Дмитриевичу Степанову, руководителю портала «Русская народная линия» и его знакомому Сергею Васильевичу Скатову, приславшему телефон отца Митрофана, завершился успешно. Отец Митрофан оказался очень дружелюбным человеком. Он рассказал, что когда посещал настоятеля Феодоровского Государева собора епископа Маркелла в 2012 году, то видел подушечку в его покоях.

После смерти владыки Маркелла настоятелем стал отец Герман Ранне, который после похорон владыки описываемой подушечки не обнаружил. Полученную от Феодоровского государственного собора фотографию я отправила отцу Митрофану, который выразил сомнение, что это именно та, сказав, что точно было на подушке в виде венка только семь цветков по количеству членов царской семьи, но прошло так много времени, что точнее сказать не может.

Благодарю всех, кто помогал в поисках материалов, связанных с семьёй Хованских и драгоценной Православной реликвии, проделавшей путь от Тобольска через Калининград в Пушкин.

О книге Екатерины Фёдоровой

**«АННА СЕРГЕЕВНА ВЫРУБОВА.
ВКУС К ЖИЗНИ. ДОМАШНИЙ КРУГ И РЕЦЕПТЫ
В ИСТОРИКО-МЕМУАРНОМ КОНТЕКСТЕ» –**

Издательский Дом ЯСК, Москва. 2023

Огромные изыскания по истории рода Вырубовых, русских аристократов, из которых выделяются две ветви – московских и владимирских Вырубовых, многочисленными ниточками связаны с родами августейших Романовых, декабриста Ивашева, Трубниковых, Толстых, Аксаковых, Апраксиных, Милославских и многих других. И все служили Отечеству: генералы, дипломаты, морские офицеры. А женщины – это всегда благотворительницы, сёстры милосердия, служительницы муз и учёные.

Книга Екатерины Сергеевны Фёдоровой – это глубина русской жизни, потрясающая своей многогранностью и судьбами известных и неизвестных представителей рода Вырубовых, которых автор каждой страницей выводит из забвения.

Вступление к книге написано князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским, мать которого Ирина Васильевна Вырубова принадлежала к потомкам московских Вырубовых. Долгое время автор книги и Никита Дмитриевич ничего не знали друг о друге, а когда встретились, поняли, как много у них общего, и прежде всего – интерес к изобразительному искусству Серебряного века, собиранию коллекции которого Никита Дмитриевич посвятил практически всю жизнь. А эстетические интересы Екатерины Сергеевны были определены художественно-музыкальным салоном её прабабушки Анны Сергеевны Вырубовой, которые были реализованы профессором Фёдоровой в спецкурсе МГУ «Культура Серебряного века сквозь призму художественных журналов: «Мир искусства», «Аполлон», «Золотое руно», «Столица и усадьба».

Никита Лобанов-Ростовский отмечает, что Екатерина Фёдорова давно занимается генеалогией своего рода. Её перу при-

надлежит очень интересная книга «Безымянное поколение. Записки правоведа, адвоката, бывшего меньшевика Александра Гюнтера». – М., 2004. Эта книга вошла в целую серию книг о её предках «Идеи века в истории рода». Никита Дмитриевич подчёркивает необычайность жанра новой книги Екатерины Фёдоровой – это «генеалогический альбом». Фото и иллюстрации книги представляют большой интерес с точки зрения исторической и эстетической, велика работа иллюстратора – искусствоведа, профессора Валерия Ивановича Филоненко.

Надо отметить, что в 2021 Никита Лобанов-Ростовский вместе с Екатериной Фёдоровой и Марией Александровной Трубниковой-Муре, племянницей Николая Васильевича Вырубова, создали фундаментальный сборник о нём, русском герое Франции, участнике антифашистского движения во Франции, награждённом высшими наградами этой страны «Герой французского освобождения, русский дворянин Н. В. Вырубов. – М.: Издательский Дом ЯСК».

Главная героиня книги – Анна Сергеевна Вырубова (1885–1975), прабабушка автора, – это потомок героя Отечественной войны 1812 года Петра Никифоровича Ивашева, его сына декабриста Василия Петровича Ивашева. Она – жена архитектора Серебряного века Владимира Николаевича Покровского, хозяйка популярного художественно-музыкального салона Серебряного века, среди гостей которого бывали крупные деятели культуры, а кроме того член теософского общества, которую связывали добрые дружеские отношения с поэтом Максимилианом Волошиным.

Каждую историческую новеллу исследования можно превратить в отдельную книгу – столько выстраивается сюжетных линий с судьбами и эпохами, в которых довелось жить предкам и потомкам Анны Сергеевны Вырубовой. «Открылась бездна, звезд полна» – это о русской жизни в XVIII–XX веках.

Узнаю от Екатерины Сергеевны о Петре Никифоровиче Ивашеве, адъютанте Александра Васильевича Суворова, а затем начальнике его штаба, выдающемся инженере, наводившем плоты и мосты по пути русских войск под началом Суво-

рова и строившем мосты-«обманки» при отступлении войск Наполеона во времена Отечественной войны 1812 года. Когда ему было 27 лет, за штурм Праги при подавлении Польского восстания 1794 года подполковник Ивашев стал кавалером ордена святого Георгия 4-й степени, причём одним из самых молодых в истории обладателей этого ордена. Когда началась Отечественная война 1812 года, Ивашев был призван на неё императором Александром I. Во времена Заграничных походов русской армии 1812–1813 годов Пётр Никифорович стал директором путей сообщений действующей армии, командовал всей её инженерной службой. После поражения Наполеона в 1814 году в Париже был пожалован прусским императором Фридрихом-Вильгельмом III орденом Прусского Красного Орла 2-го класса «за выдающиеся заслуги в окончившейся войне».

И даже когда при Павле Первом Пётр Ивашев попал в немилость и был отстранён от службы, он продолжал свои инженерные работы, конструируя машины и приспособления для облегчения ведения сельского хозяйства.

Он много пережил, горя от разлуки с сыном, которого отправили в Сибирь как участника восстания декабристов. Его жена из рода Толстых, Вера Александровна, занималась благотворительностью, сведения о которой доходили до супруги императора Николая I, написавшей благодарственное письмо Вере Александровне. Письма императрицы Вере Ивашевой сохранились в Санкт-петербургском архиве и от вдовы императора Павла I Марии Фёдоровны, и от супруги императора Александра I Елизаветы Алексеевны. Да и сам Николай I, будучи в Симбирске, навестил эту почтенную семью, выразив слова благодарности.

Екатерина Сергеевна собрала огромный материал о жизни декабриста Василия Ивашева и его жены – француженки Камиллы Ледантю, которая отправилась вслед за мужем в Сибирь, не будучи его женой и даже невестой, а испытывая к нему с юности глубокую любовь. Она открылась своей матери, та написала Вере Ивашевой, в результате, усилиями волевых, сердечных и просвещённых женщин весть дошла до императора Николая I, и на письме Камиллы он оставил положительную

резолуцию. А потом и её мать Мари-Сесиль Ледантю отправилась в Сибирь помогать, чем может, семье дочери.

«Документальные новеллы, – пишет Екатерина Фёдорова, – объединены одним – в книге запечатлена непрерывная линия жизни нескольких поколений».

Удивляют новизной и подробностями эпохи и личной судьбы других героев книги. Это новелла о Николае Алексеевиче Вырубове, служившем во внешней разведке в конце 19-го века, о выдающемся враче-психиатре и неврологе Николае Алексеевиче Вырубове, о морском офицере Балтийского флота Сергее Алексеевиче Вырубове, о петербургском салоне Марии Васильевны Трубниковой, о враче Екатерине Петровне Ивашевой-Александровой, дожившей до 111 лет, спасавшей детей в блокадном Ленинграде, об истории семьи Камиллы Ледантю, о великой балерине Нине Вырубовой и многие-многие другие.

Удивителен рассказ о выдающемся архитекторе-конструктивисте и историке архитектуры профессоре Генрихе Маврикиевиче Людвиге, который, попав в лагерь под Карагандой, находился в одном бараке и дружил с А. Л. Чижевским, известным основоположником гелиобиологии – его называли «Леонардо да Винчи XX века», В. И. Бухариным, братом известного «врага народа» Н. И. Бухарина, секретарём Ленина В. А. Смоляниновым.

Заключительная глава книги посвящена известному собирателю и меценату из рода московских Вырубовых Никите Дмитриевичу Лобанову-Ростовскому, о котором Екатерина Сергеевна пишет: «Крупная личность, огромная планетарная система, живущая по своим законам, высокий интеллект в процессе самосовершенствования, генетическая аристократическая статья его предков: Лобановых-Ростовских, Лопухиных, Кропоткиных, Львовых, Вырубовых, Галаховых, Шеншиных – высказалась в этом потомке Рюриковичей со всей возможной полнотой».

Книга снабжена обширным, многостраничным именованным указателем; квалифицированным списком сокращений, а также подготовленной к публикации рукописью «Кулинарной книги» Анны Сергеевны Вырубовой. Наконец-то я узнала рецепт тех сухариков, которые делала княгиня Хованская для царской

семьи в последние дни жизни в Тобольске. Этот вопрос часто поднимался в среде последнего из князей Хованских, известного математика, преподававшего в Калининградском государственном университете: а что это были за сухарики? Обычно Алексей Николаевич отвечал: «Мама говорила, но я не очень запомнил». Итак, рецепт: «Одна четверть фунта масла сливочного, одна четверть фунта мёда, 1–2 яйца, замесить тесто некруто, сформировать длинные булочки, испечь легко, порезать на сухарики и подсушить». Эта кулинарная книжечка, как говорит Екатерина Фёдорова, имеет самодостаточную ценность, как документ эпохи, предмет материальной и духовной культуры, включающий любопытную смесь исторической памяти стародворянских традиций еды и «напластований» советской эпохи.

Род Вырубовых ведёт начало с XVI столетия. Сейчас потомки этого обширного рода рассеяны по всей Земле, а благодаря книге Екатерины Фёдоровой мы узнаём многих его представителей, которым свойственно национальное начало.

Это русские люди, которые в течение веков служили своему народу, были носителями высокой культуры и нравственного чувства. Многие имена стали историческими, многие персонажи книги впервые выплыли из небытия, забвения, чтобы стать художественно окрашенными, страстными и живыми, незабываемыми в памяти читателя книги Екатерины Сергеевны. Книгу отличает нравственная определённая высокой концентрации её героев, стойкость в защите духовных твердынь, целостная этическая и эстетическая концепция, скреплённая автором исследования её личной оценкой реальной жизни персонажей книги, её историческая осведомлённость и интуиция. Сказанное рождает уважение к этому необычному и поражающему своей свежестью и новизной литературно-историческому труду с его духовной трезвостью, прозорливостью и сердечной чуткостью.

Лидия Довыденко

ОТЗЫВЫ ПИСАТЕЛЕЙ О КНИГАХ ПУБЛИЦИСТИКИ ЛИДИИ ДОВЫДЕНКО

На первый взгляд это сборник литературных рецензий, эссе. Однако при чтении понимаешь, что перед тобой цельное произведение с единым определяющим стержнем. Это позволяет говорить о выстраивании автором нового жанра, соединяющего литературоведческие, философские и сюжетные пространства. В нём жива тревожная апокалипсическая идея, присущая многим произведениям Лидии Довыденко, исходящая из вселенской любви к людям. «В пустыню атеизма приходит живая вода Православной веры», – подчёркивает Лидия Владимировна в своей новой книге главную спасительную мысль для человечества – **Зоя Колесникова, поэт, критик.**

Павел Флоренский говорил о подвиге веры как о подвиге любви, истолковывая любовь онтологически как «благодатную единящую силу бытия».

Можно сказать сегодня о подвиге любви к Родине автора книги Лидии Довыденко, чья творческая жизнедеятельность осиянна служением отечественной культуре, выявляя её незримые светопотоки, улавливая их явственно-зримое воплощение в художественных рефлексиях и метафизических медитациях, в сингулярном оформлении в единое целое произведения, тем самым пролагая пути к постижению русского кода, исполненного любви к Богу и человеку, а, значит, и к человечеству. Огромная благодарность за книгу. Ошеломляющее по своей глубинной красоте название. Слова, созвучные сердцу настолько, что сердце трепещет – «метафизика», «соборность». Мужество и смелость в отстаивании Донбасса – это Ваша тропа в Горнее. Космизм тематического охвата. Великолепно. Кланяюсь и преклоняю колена. Спасибо! – **Эляна Суодене, поэт, публицист, доктор гуманитарных наук.**

Книга очерков и эссе Лидии Владимировны Довыденко представляет собой неординарное явление в современной русской публицистике. Во-первых, тем, что она написана профессиональным философом и профессиональным литератором в одном лице, – а это для нашего времени достаточно редкое явление и возвращает нас уже к образцам людей Серебряного века русской культуры, большинство из которых были поэтами и мыслителями одновременно. Хотя творцов такого масштаба в наше время, кажется, нет, но сам факт существования и в наше время таких целостных личностей как автор этой книги, соединяющий в себе дар и философа, и литератора, воодушевляет. сочетающей художественность и философичность. Радует соединение двух этих амплуа в авторе книги, возродившей высокие традиции классической русской культуры, в которой мыслитель всегда был ярким писателем, а писатель – глубоким мыслителем, – **Виталий Даренский, доктор философских наук, Луганск.**

Путь «общерусской соборности» в творчестве Лидии Довыденко пронзителен, взыскателен и драматичен. «Для духа поражений нет», «Земная философия и национальная идея...», «Слово о родной деревне», «Русские сны...» – уже только заголовки этой книги свидетельствуют, что русским творцам свойственно сильное чувство любви, служение высокой небесной этике. Это особое внутреннее состояние Лидии Владимировны отзывчиво вызывает у читателя просветлённость видения жизни, стойкую надежду на преодоление зла в нашей земной и горней жизни, – **Сергей Пылев, прозаик, руководит отдела прозы в журнале «Подъём».**

Если из статей публициста и прозаика выстраивается книга – это признак зрелости пера. Поскольку здесь проявляется выработанная автором система взглядов, его особый угол зрения на события литературной и общественной жизни. Если этот свой собственный подход существует реально – то он реализуется органично. И книга, собравшая разные статьи, «на случай» или вследствие долгих размышлений, показывает: есть оригинальный автор, со своей *целостностью*

мировоззрения. А это – в век разорванных, ангажированных, цинично-прагматичных подходов – самое главное. – **Екатерина Фёдорова, профессор МГУ.**

Песчинка к песчинке, звёздочка к звёздочке, мечта к мечте – новых Вам золотиносных находок и свершений, создания и приобретения звёздных литературных содружеств, светлого настроения и реализации самых сокровенных чаяний и надежд! Вы, не считая дней, не деля их на праздничные и будничные, объединяете здравые мысли планеты, служите правде, сплываете русские ряды! – **Юрий Жекотов, прозаик.**

Книга очень цельная по духу и тематике. Рассказ о людях-созидателях, для которых помогать своей Отчизне превыше всего. – **Валентин Баюканский, прозаик, публицист, драматург.**

Ваша книга – это срез духовной жизни русского человека на переломном этапе развития. Книга во многом эпохальна и вечна! Вечна не только поставленными в ней вопросами и обращением к духовным ценностям русского православного мира, но и необыкновенным Вашим литературным и общественным подвижничеством. – **Иван Кунцевич, поэт, редактор рубрики поэзия в журнале «Корни».**

Хочу поздравить Вас с выходом Вашей замечательной новой книги «Жертвенное сияние современной русской мысли» с надеждой, что оно, сияние, не будет только жертвенным и поблагодарить за щедрость, с какой написана вами статья о моем творчестве. В Вас я увидела продолжателя цивилизационного пути России, в который я верю. Строки, которые я привела – они из концовки стихотворения, которое я написала еще в 2007 году: «...Мой плач плывёт над каменной столицей\, под перестук, осенних листьев пляс\ Мне тесно жить в отмеренных границах \Я слышу зов покинутых пространств -/ПРОСТРАНСТВО ВЫШЕ И СВЯЩЕННОЙ НАС!»

Может быть, это и спорное утверждение. Но мне кажется, что пространство не бывает пустым – оно наполнено опре-

деленной культурой. А пространство, наполненное культурой – уже определенная цивилизация. А чья культура, и чье пространство – та и цивилизация. В данном случае – русская. И в Вас я увидела её хранителя и продолжателя. Обнимаю Вас. С любовью Ваша **Сэда Вермишева...**

Ваша книга – это Ваш подвиг любви к людям и, конечно, к нам пишущим и творящим.

Ваша поддержка меня воскресила, я было совсем сникла в 2015, а тут Вы неожиданно появились и влили в мои жилы новые силы и вдохновение. Спасибо Вам!

Постепенно знакомлюсь с Вашей книгой «Жертвенное сияние современной русской мысли» и её героями-писателями, философами, священником. Узнала много нового и важного о жизни и творчестве своих современников. По моему мнению, в своей доброжелательности к писателям Вы следуете заветам Батюшкова. В его записных книжках читаем: *«Терпеть не могу людей, которые всё бранят, затем чтоб прослыть глубокомысленными умниками»*. В письме к Вяземскому та же мысль о категорическом неприятии поэтом критиканства и насмешки: *«Если бы мне предложил какой-нибудь Гений все остроумие и всю славу Вольтера – отказ»*. Лидия Владимировна, все эти рассуждения я отношу и к Вам и Вашей книге. У Вас так же есть это **прекрасное и самое редкое качество**, о котором проникательно размышлял Константин Батюшков. С любовью и уважением, **Л. Г. Яцкевич, доктор филологических наук, прозаик.**

Дорогая Лидия Владимировна! Ваша новая книга литературной и художественной критики, рукопись которой разослана её героям в Страстную пятницу, более чем важное издание. Не столько в современной словесности, хотя отрицать это бессмысленно, но и в истории думающей России первой четверти двадцать первого века. Своеобразный грядущий Пасхальный звон над возрождающейся Отчизной. Если хотите, мудрый и своевременный гимн в честь не сломленного русского Слова и национальной Мысли. В добрые времена рукопись рецензий вполне могли бы приравнять к научной монографии, достойной звания доктора наук. Времена теперь пока ещё не совсем

добрые, но труды, подобные Вашему, их приближают. С глубоким уважением, **Владимир Подлузский, поэт, публицист.**

Спасибо Вам огромное за книгу! Не хватает слов, чтобы выразить Вам мою благодарность! Впечатлён именами, с которыми рядом и очерк о моей книге! Ещё более был впечатлён, когда прочёл очерк о Юрии Жекотове, о моём друге и по духу, и по творчеству! Дело в том, что его рассказ «Ревнивое море» – считаю на сегодняшний день лучшим современным рассказом в русской литературе! Бесконечно рад, что наши взгляды и мнения совпадают! И ещё, я просто благодарен Вам за моральную поддержку в трудное для меня время! Спасибо! С Уважением и теплом, **Андрей Растворцев, поэт, прозаик, член редакционного совета журнала «Берега».**